DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.4

ISSN 2072-909X

Российское правосудие

2026. № 4

Научно-практический журнал

Основан в 2006 году
Издается ежемесячно

Входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, индексируется в РИНЦ, включен в Russian Science Citation Index и «Белый список». Размещен на Национальной платформе научных журналов

Учредитель и издатель:
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева»
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзором). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-89449 от 21 апреля 2025 г.
Агентство «Книга-сервис», «Интернет-каталог», индекс 36605
Главный редактор: **Л. Б. Архипова**, кандидат юридических наук
Ответственный секретарь: **Т. Ф. Кудрявцева**
Верстка: **Г. С. Гордиенко**
Корректор: **К. В. Чегулова**
© Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, 2026
Адрес редакции: 117418, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69.
Тел.: (495) 332-51-19.
E-mail: rajmagazine@yandex.ru
При перепечатке и цитировании материалов ссылка на журнал «Российское правосудие» обязательна.
Отпечатано в: ОАО «Паблит». Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1
Подписано в печать 31.03.2026
Выход в свет: 14.04.2026
Формат 70×100/16.
Объем 9,1 усл. печ. л. Тираж 220 экз.
Свободная цена.

Редакционный совет:

Тисен О. Н., ректор Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук
Капустин А. Я., президент Российской Ассоциации международного права, заведующий кафедрой международного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации
Клеандров М. И., главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук, член-корреспондент Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор
Нешатаева Т. Н., заведующий кафедрой международного права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор
Рябзин Р. А., судья Верховного Суда Российской Федерации, действительный государственный советник юстиции Российской Федерации 1 класса, кандидат юридических наук
Спиридонов А. А., директор Департамента обеспечения регуляторной политики Правительства Российской Федерации, академик РАЕН, почетный работник Аппарата Правительства Российской Федерации, действительный государственный советник Российской Федерации 1 класса, доктор юридических наук
Тимошин Н. В., Председатель Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации, Председатель 1-го судебного состава Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, судья высшего квалификационного класса
Хабриева Т. Я., директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, академик Российской академии наук, вице-президент Российской академии наук, действительный член Международной ассоциации сравнительного права, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Editors:

O. N. Tisen, Rector of Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Dr. Sci. (Law)

A. Ya. Kapustin, President of Russian Association of International Law, Head of the Department of International Law of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation

M. I. Kleandrov, Chief Researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (Law), Professor

T. N. Neshataeva, Head of the Department of International Law of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Dr. Sci. (Law), Professor

R. A. Ryabzin, Judge of the Supreme Court of the Russian Federation, Active State Counselor of Justice of the Russian Federation, 1st class, Cand. Sci. (Law)

A. A. Spiridonov, Director of the Department for Ensuring Regulatory Policy of the Government of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honorary Worker of the Office of the Government of the Russian Federation, Actual State Advisor of the Russian Federation 1st class, Dr. Sci. (Law)

N. V. Timoshin, Chairman of High Qualifications Judicial Collegium of the Russian Federation, Chairman of 1st Judicial Panel of Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation, Top Qualification Class Judge

T. Ya. Habrieva, Director of Institute of Legislation and Comparative Law under Government of the Russian Federation, Dr. Sci. (Law), Professor, Vice President of Russian Academy of Science, Honored Lawyer of the Russian FederationFederation

Редакционная коллегия:

Арямов А. А., проректор по научной работе Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор

Бирюков П. Н., заведующий кафедрой международного и евразийского права Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

Болтанова Е. С., заведующий кафедрой гражданского права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор юридических наук, доцент

Бриллиантов А. В., заведующий кафедрой уголовного права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

Бурдина Е. В., заведующий кафедрой организации судебной и правоохранительной деятельности Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, доцент, член Совета судей Российской Федерации

Габов А. В., и. о. заведующего сектором гражданского и предпринимательского права Института государства и права Российской академии наук, член-корреспондент Российской академии наук, доктор юридических наук

Дедов Д. И., профессор кафедры конституционного и муниципального права МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор юридических наук

Ершова Е. А., заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

Женетль С. З., профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор

Загорский Г. И., профессор кафедры уголовно-процессуального права имени Н. В. Радутной Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Российской академии естественных наук

Качалова О. В., профессор кафедры уголовно-процессуального права имени Н. В. Радутной Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор

Кононов П. И., профессор кафедры гражданского и административного процесса Волго-Вятского института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

Корнев В. Н., заведующий кафедрой теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор

Краснова И. О., заведующий кафедрой земельного и экологического права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор

Никитин С. В., заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

Стахов А. И., заведующий кафедрой административного права и процесса имени Н. Г. Салищевой Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор

Сырых В. М., главный научный сотрудник кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Содержание

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Арямов А. А., Евсикова Е. В. **Codex Cumanicus как источник историко-правового наследия 5**

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Ландерсон Н. В. **Меры административно-процессуального принуждения: признаки и основания 12**

Наринян Л. М. **Процедура взыскания отрицательного сальдо как элемент обеспечения государственных интересов в сфере налогообложения 22**

Самоловских Н. В. **Применение института несоответствующего использования в вопросах строительства и реконструкции (по материалам судебной практики) 30**

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Адельшин Р. Н., Рогожин С. П. **Правовые основы определения размера компенсации за нарушение исключительных прав на товарные знаки в цифровой среде 40**

Андрущенко И. С. **Принудительная лицензия в отношении отдельных объектов права интеллектуальной собственности 54**

Близнюк Ю. С. **Установление происхождения детей как правовое основание, обусловливающее возникновение субъективных наследственных прав 63**

Матыцин Д. Е., Федорова П. А. **Использование цифровых технологий определенности в сфере семейного предпринимательства: правовой аспект 75**

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Бриллиантов А. В. **Проблемы правовой оценки мародерства 86**

Скляров С. В., Простосердов М. А. **Назначение наказания в виде исправительных или принудительных работ за преступления, совершенные до 20 января 2026 г. 94**

Корчагина И. В. **Субъекты, на которых может быть наложено денежное взыскание по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации 103**

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Мысливский П. П. **Конкурс «Разрешение споров в Евразийском экономическом союзе – 2025» 111**

Content

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

A. A. Aryamov, E. V. Evsikova. **Codex Cumanicus as a source of historical and legal heritage** 5

PUBLIC LAW (STATE LAW)

N. V. Landerson. **Measures of administrative and procedural coercion: signs and grounds** 12

L. M. Narinyan. **The procedure of collecting a negative balance as an element of ensuring state interests in the field of taxation** 22

N. V. Samolovskikh. **Application of nonconforming uses in matters of construction and reconstruction (based on materials of judicial practice)** 30

PRIVATE LAW (CIVIL LAW)

R. N. Adelshin, S. P. Rogozhin. **Legal basis for determining the amount of compensation for infringement of exclusive trademark rights in the digital environment** 40

I. S. Andrushchenko. **Compulsory license in respect of certain objects of intellectual property rights** 54

Yu. S. Bliznyuk. **Establishing the origin of children as a legal basis that determines the emergence of subjective inheritance rights** 63

D. E. Matytsin, P. A. Fedorova. **Use of digital technologies in family business: legal aspects** 75

CRIMINAL LAW

A. V. Brilliantov. **Problems of legal assessment of looting** 86

S. V. Sklyarov, M. A. Prostoserdov. **The assigning a punishment in the form of correctional or forced labor for crimes committed before January 20, 2026** 94

I. V. Korchagina. **Subjects in respect of which monetary penalties may be imposed under the criminal procedure legislation of the Russian Federation** 103

INTERNATIONAL LAW

P. P. Myslivskiy. **Competition “Dispute Resolution in the Eurasian Economic Union – 2025”** 111

Российское правосудие. 2026. № 4. С. 5–11
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 4. P. 5–11
УДК 340.15; 343.2/7 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.4.5-11

Научная статья

Codex Cumanicus как источник историко-правового наследия

Андрей Анатольевич Арямов[1], Елена Витальевна Евсикова[2]

[1, 2] Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация

[1] prorektor_nauka@rsuj.ru, https://orcid.org/0000-0001-6626-7734

[2] Helen_yevsikova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-8162-5402

Аннотация. Увлечение европоцентричными юридическими традициями обусловило, к сожалению, выдворение на научную периферию исследований исторического политико-правового наследия Великой Степи. В настоящей статье авторы вводят в юридический оборот Codex Cumanicus – историко-правовой памятник, являющийся, несмотря на свой статус персидско-немецко-латинско-куманского словаря (разговорника), хранилищем ценной юридической информации (правосознания и правопонимания древнего этноса, наследником которого считают себя многие народы России).
Историческая ретроспектива позволила выявить закономерности возникновения, течения и развития правовых процессов, не утративших актуальность и на настоящий момент. Специфика многократного перевода Codex Cumanicus и учет ее в юридическом анализе предоставили возможность «подсветить» скрытые смыслы первичных текстов.

Ключевые слова: медиевистика, средневековое право, Codex Cumanicus, кипчаки, половцы, куманы, миссионерство, каноническое право, правовая культура, правосознание, правопонимание, историческая ретроспектива

Для цитирования: Арямов А. А., Евсикова Е. В. Codex Cumanicus как источник историко-правового наследия // Российское правосудие. 2026. № 4. С. 5–11. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.4.5-11.

Original article

Codex Cumanicus as a Source of Historical and Legal Heritage

Andrey A. Aryamov[1], Elena V. Evsikova[2]

[1, 2] Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Moscow, Russian Federation
[1] prorektor_nauka@rsuj.ru, https://orcid.org/0000-0001-6626-7734
[2] Helen_yevsikova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-8162-5402

Abstract. Unfortunately, the fascination with eurocentric legal traditions led to the relegation to the scientific periphery of the study of the historical political and legal heritage of the Great Steppe. In this article, the authors introduces into legal circulation such a historical and legal monument as the Codex Cumanicus, which, despite its status as a Persian-German-Latin-Cuman dictionary (phrasebook), is a carrier of valuable legal information (legal awareness and legal understanding of the ancient ethnic group, of which many peoples of Russia consider themselves the heir).
The historical retrospective allowed us to identify patterns of the emergence, course and development of legal processes that have not lost their relevance at the moment. The specifics of multiple translations of

© Арямов А. А., Евсикова Е. В., 2026

the Codex Cumanicus and their consideration in legal analysis provided an opportunity to “highlight” the hidden meanings of the primary texts.

Keywords: media studies, medieval law, Codex Cumanicus, Kipchaks, Cumans, missionaries, canon law, legal culture, legal awareness, legal understanding, historical retrospect

For citation: Aryamov A. A., Evsikova E. V. Codex Cumanicus as a source of historical and legal heritage. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice.* 2026;(4):5-11. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.4.5-11.

Продолжая цикл научных исследований историко-юридических памятников Средневековья, представляем вниманию уважаемых читателей данную статью. Нашей постоянной и основной целью всегда являлось введение в научный правовой оборот источников, которые ранее изучались в основном историками, лингвистами и т. д., но ускользали от внимания правоведов (или анализировались преимущественно цивилистами, даже если имели существенное значение и для науки уголовного права).

Кочевые народы Великой Степи с начала эпохи Великого переселения народов неоднократно меняли европейский политический ландшафт. Евразийский вектор ретроспективного понимания истоков развития нашего общества предполагает пристальное внимание к истории Великой Степи. Исследованиями Л. Н. Гумилева данный вектор не исчерпывается. Половцы (куманы, кипчаки) оставили свой след в истории евразийства. Многие современные народы признают их своими предками. Письменные источники их цивилизации крайне скудны. Тем ценнее редкие исторические памятники их политико-культурного наследия.

Представляем «Alfabetum Persicum, Comanicum et Latinum Anonymi scriptum Anno 1303. Die 11 Julii» – «Персидско-куманско-немецко-латинский словарь, написанный анонимно предположительно 11 июля 1303 года». Codex Cumanicus (далее также – Кодекс) книгу назвал исследователь граф Кун в 1880 г., опубликовав ее перевод в Будапеште. Иногда книгу называют также «Кодекс Петрарки», потому что знаменитый итальянский поэт подарил ее венецианской библиотеке из своей личной коллекции в 1362 г. Книга и сейчас хранится в Соборе Святого Марка в Венеции, других ее списков больше нигде не обнаружено[1].

Научный анализ данного документа впервые был осуществлен в 1808–1812 гг. отечественным востоковедом академиком Российской академии наук Г. Ю. Клапортом. Настоящее исследование основано на текстах публикаций: Гаркавец А. Н. Codex Cumanicus. Половецкие молитвы, гимны и загадки XIII–XIV вв. [1] и Гаркавец А. Н. Codex Cumanicus. Полное издание в 4 томах [2].

По своей сути это иллюстрированный семантико-орфографический словарь куманского/кипчакского/половецкого языка с переводом на средневековый немецкий, персидский и латынь, сопровождающийся литературной, исторической и теологической справками. Структурно он состоит из «немецкой» и «итальянской» (латинской) частей. Поскольку кипчакского алфавита не существовало, транслитерация осуществлялась латиницей. Материал нередко дается читателю не отдельными словами, а часто употребляемыми словосочетаниями и речевыми оборотами.

Место составления этого документа – Крым, который на тот момент относился к Улусу Джучи Монгольской империи. Крым в тот период был местом притяжения многих христианских миссионеров и проповедников. Крещение кочевников рассматривалось как значимый религиозный подвиг. Следует отметить, что в указанное время в Северном Причерноморье и в Крыму былое политико-религиозное православное влияние Византии ослабло, ислам «был

[1] Кодекс куманикус – первый памятник кипчакского языка. URL: https://dzen.ru/a/Y-dWPq1ehl-cRnb2?ysclid=mlanmawxdu762280209.

только на подходе» (реформы хана Узбека только предполагались), что определило «фронт работы» для католических миссионеров. Традиционно научному анализу Кодекс подвергался и подвергается преимущественно в аспекте исторической лингвистики [1; 3].

В этом Кодексе содержится множество христианских постулатов; казалось бы, они общеизвестны. Однако, поскольку перевод осуществлен с учетом менталитета и миропонимания куманского/кипчакского/половецкого этноса, его культуры, традиций и обычаев, общеизвестные религиозные каноны приобретают специфическое, самобытное содержание; именно оно и представляет особый интерес для настоящего исследования.

Канонические установки (при параллельном переводе на персидский, немецкий языки и латынь, что предполагает корреспондируемость культурно-лингвистических традиций указанных этносов) в трактовке составителя данного документа приобретают определенную специфику, и их содержание дополняется новыми гранями.

Ортодоксальные тексты нередко демонстрируют «торжество» формы над содержанием, когда истинный смысл религиозного установления приходится обнаруживать с серьезными усилиями (что и служило основанием для множества теологических споров). В ходе же миссионерской деятельности переводчик, формируя текст, ориентируется прежде всего на понимание его неофитами и стремится максимально упростить его, акцентируя внимание на содержательных аспектах. Данный феномен обусловливает проявление ранее скрытых (неочевидных) моментов религиозных текстов при переводе их на «варварские» языки.

Необходимо учитывать, что средневековое мировоззрение характеризовалось восприятием и оценкой светских явлений чаще всего через призму религиозных канонов. Анализ и учет этой особенности и позволяют раскрыть истинное содержание исследуемых текстов, имеющее важное значение для правоведа.

Официально правовым актом Codex Cumanicus не является. Но в нем определенным образом отражены правовые взгляды и юридические обычаи этноса куманов/кипчаков/половцев. Для нас представляют интерес те его разделы, которые непосредственно или опосредованно через теологические установки относятся к государственному управлению, праву и правовой культуре (приоритетно – к уголовно-правовой составляющей).

Принято считать, что самым древним принципом права является принцип взаимности, более древний, чем принцип справедливости. В Codex Cumanicus получила закрепление оригинальная трактовка юридического принципа взаимности: кем миңа бирсә, мин дә аңар бирәйем; кем миңа бирмәсә, мин дә аңар бирмәм[2] – дают мне, и я даю; не дают мне, я тоже ничего не даю (л. 11: 13–14). Как и во многих других исторических памятниках права, юридическое положение излагается и воспринимается в аспекте имущественных отношений, но ими не ограничено. Этот тезис вполне может быть адресован не только субъектам цивилистических, но и субъектам международных правоотношений.

В половецком обществе имело место четкое отграничение законного брака от фактического сожительства и, вопреки расхожему мнению, полигамия не была распространена, моногамные отношения были предметом правовой охраны (при этом следует отметить, что супружеские отношения в обозначенный период в упомянутом регионе находились в сфере уголовно-правовой охраны): Menim hälal qatunïm-dïr – жена у меня законная (л. 59: 24–25).

В контексте понимания уголовно-правового института наказания и его основной цели всегда было актуальным толкование понятия «исправление». В исследуемом документе имеет место декларирование критерия (результата) исправления ранее наказанного преступника: soŋ zämanädä kiši boldïŋ – наконец-то ты стал человеком (л. 72 об. 11–73). Человек признается

[2] Текст воспроизведен по: [1].

исправившимся тогда, когда становится «нормальным» членом социума с общепринятой системой ценностных ориентаций и с позитивной (человеческой) мотивацией поведения.

В Кодексе получил закрепление религиозный (один из основополагающих в христианстве) постулат об искуплении чужих грехов (злодеяний/преступлений): män qaraqčï, sän kök χanï ägäč,män yamanlï, sän ayïpsïz ägäč, ältirsän χačïmnï! – хотя я разбойник, а Ты Царь небесный, хотя я преисполнен зла, а Ты без порока, Ты несешь мой крест! В данном случае отчетливо проявляется диссонанс между традиционно признанной системой христианских ценностей, основанной на мессианской идее искупления чужих грехов, и краеугольным камнем уголовного права – персональной ответственностью преступника за совершенное им преступление.

Христианским тезисом также является возможность искупления грехов (преступлений) многих людей страданиями одного невиновного человека: qanïŋ töktüŋ, kim biz yuvunalï; ämgäk tarttïŋ, kim bizlär arïnalï, yazïqlarnï qoyup – пролили кровь Твою, дабы мы омылись; Ты вытерпел страдания, дабы мы очистились, оставив грехи (л. 75–75 об.). Это положение может быть темой осмысления и современными юристами.

Обращает на себя внимание следующий примечательный момент (актуальность которого представляется весьма высокой и на настоящее время). Достаточно часто при отправлении правосудия в процессе назначения наказания (или освобождения от него) правоприменитель сталкивается с проблемой юридической оценки раскаяния подсудимого. Codex Cumanicus декларирует бесполезность бездеятельного раскаяния, одни лишь стенания не значимы: anda yïlap asov yoχ, neče čaγïrsa, ešitmäχ yoχ, her gez daγï qutïlmaχ yoχ – там от рыданья проку нет, сколь ни вопи, вниманья нет и избавления вовсе нет (л. 59: 8–12).

В соответствии со средневековой теологической системой юридических ценностей в исследуемом документе получила закрепление концепция торжества субъективного вменения. Преступными или греховными признавались не только деяния, но и мысли и намерения: astru ulu yazuqluturmen menim yaman išlärimdän, yaman sayïnčïmdan, sözümdän, yaman erkimdän, yaman tilemäkimden – много грешен я моими злыми поступками, злыми мыслями и словами, злыми намерениями, злыми желаниями (л. 61: 1–10).

Весьма своеобразно проявил себя институт помилования, включающий в себя в данном случае также и свободу судейского усмотрения: kim egi köŋül bile bizim yïχövgä kelsä, ulukün aγïrlap, aŋa bolγay altï yïl bošaq. Kim egi köŋül bile ešitse taŋïš sözün, aŋa bolγay altmïš kün bošaq; kim kim egi köŋül bile ešitmäse, aŋa heč nemä yuvuq bošaq. Kim ansïzïm kelsä bizim yïχövgä, ulukündan bašqa, yazuq üčün ačïrγansa, neče kelip Teŋrigä yalbarsa yemese sadaγasïndan bizgä bersä, anča aŋa papdan yuvuq bošaq. Ol bošaq, kim men aytïm, saγïnmaŋïz, kim bu dzehanda bolγay, ol bošaq bolγay sizgä arï tirövtän – Кто с добрым сердцем приходит в нашу церковь, празднуя святые дни, тому простится шесть лет. Кто благонамеренно (с добрым сердцем) слушает проповедь, тому простится шестьдесят дней; кто же слушает не благонамеренно, тот не удостоится прощения вовсе. Кто ходит в нашу церковь по случаю, помимо святых дней, сожалея о грехах, – сколько приходит и молится Богу или подает нам как пожертвование, в такой мере он будет освобожден священником от наказания в отпущение грехов. Это прощение, о котором я сказал, не думайте, что оно будет на этом свете [по светским законам], это прощение будет вам от святой жизни (л. 61: 11–28). В рассмотренном случае имеет место некая аналогия с уголовно-правовыми институтами помилования и условно-досрочного освобождения от наказания.

В тексте Кодекса можно обнаружить описание весьма отдаленного аналога права на реабилитацию (как особого правоотношения, влекущего специфические последствия в отношении лиц, невиновно пострадавших от репрессий), что можно проследить на следующем

примере: alγïšlï-tur alar, kim yazuqsuz kertilik üčün tözer, egi köŋül bile saburluχ eter – благословенны безвинно страдающие за правду, терпящие по доброй воле (л. 62: 30–37), хотя компенсация безвинно страдающим в данном случае осуществляется в виде морально-духовного преимущества – благословения, имущественные преференции не предусмотрены (следует отметить, что в системе средневековых ценностей первые существенно более значимы, чем вторые).

К вопросу об искренности и полноте раскаяния отсылает нас следующий сюжет рассматриваемого документа: kim yazuχ bile daγï arïqsuz köŋül bile Teŋirniŋ yetesin alsa, ol saγïnïr: «Emdi men arïmen». Ol bilmes, kim tamuχnuŋ otun aldï daγï tügenmes ölümün aldï. Anïŋ üčün yaqčï keŋešiŋiz köŋlüŋiz bile, eger daγï barïsï yazuχuŋuz. Aytïŋïz, yašïrmaŋïz! Kim, bilip bir yazuχun, Teŋirniŋ yetesin alsa, aŋa yaqsiraχ-tur yïlan alsa kensi aγïzïna: ol yïlan boyïna yamanlïχ etse, dzanïna ete almas, basa Teŋri yetesi boyïn, dzanïn öldürür – кто принимает Плоть Божью в грехе и с нечистым сердцем, думает: «Теперь я чист». Он не ведает, что принял огонь ада и обрел смерть вечную. Посему посоветуйтесь с сердцем своим, все ли это ваши грехи. Скажите, не утаивайте! Кто, зная за собой какой-то грех, примет Плоть Божью, было бы лучше, если бы он взял в рот змею: хотя змея и причинит вред телу, она не сможет повредить душе, а Плоть Божья убьет и тело его, и душу его (л. 63: 26–35).

Yazuqlï kiši, kim tiler kensi yazuχïn aytma, nečik Teŋri tiler daγï seniŋ dzanïŋ arïnγay, aŋar kerek tört neme: burun qayγïrmaχ kerek kerti köŋül bile kensi yazuχuŋ üčün; ekinči, tiliŋ bile aytmaγa; üčünči, erkiŋ bile yazuχni qoymaγa; törtünči, ne kim ata aytïr yuvuqun tutmaγa – грешный человек, который желает признать свои собственные грехи так же, как Бог хочет, чтобы твоя душа очистилась, ему необходимы четыре вещи:

во-первых, ты должен искренне раскаяться в твоих собственных грехах;

во-вторых, исповедать их твоим языком;

в-третьих, оставить грехи по твоей воле;

в-четвертых, соблюсти наказание в отпущение грехов, которое назначит святой отец (не потерявшие актуальность и в настоящее время четыре составляющих искреннего раскаяния).

Yazuχïn aytmasa daγï yuvuq tutmasa, kimese bolmaγay arï – никто не будет чист, если не признает своих грехов и не отбудет наказания в отпущение грехов. Последняя цитата говорит и о возможности искупления грехов посредством отбытия наказания.

Раскаяние должно быть своевременным: kelir aynada aytïŋïz kensi yazuχuŋïznï! Kim aytmasa, birsi aynada men tilemen ešitmä – в будущую пятницу исповедайте ваши грехи! Кто не исповедает, в следующую пятницу я не желаю слушать (л. 62 об.: 25–36).

В контексте категории покаяния раскрывается, в том числе, институт переводчика в уголовном процессе: uyalmaŋïz maŋa yazuχïŋïz aytma tolmač bile, qačan men til bilmen: ol tolmač andï borčlutur ol yazuχnï yašïrma, nečik ata. Kim Teŋriden qorχsa daγï kim köŋül bile burun saγïšlasa, nečik uyat bolγay?! Kim anï burun saγïšlasa, ol uyalmas tolmač bile yazuχun aytmaγa – не стыдитесь сказывать мне ваши грехи через переводчика, когда я не знаю языка: переводчик обязан хранить эти грехи в тайне так же, как святой отец. Если кто боится Бога и заранее сердцем поразмыслил об этом, какой может быть стыд?! Кто прежде осмыслил это, не устыдится признать свои грехи через переводчика.

Лист 66 об.: 1–10 содержит изложение общеизвестных Десяти заповедей Божьих. Но далее они получают своеобразное развитие (л. 66 об.: 11–21).

• Küčlü bolmaγïl – буквально «не будь сильным»; в значении: не превозносись над другими, не притесняй других, не будь жестоким к другим, хищным, надменным, гордым – интересная интерпретация евангелического тезиса «блаженны нищие духом». В кипчакской культуре понятия силы, жестокости и гордости являлись синонимами.

• Künüči [kvnvči] bolmaγïl – не будь завистником/ревнивцем – современные психологи обосновывают вывод о том, что ревность – это проекция чувства собственности на другого человека. Средневековым половцам это было хорошо известно.

• Öpkelemekči bolmaγïl – не гневайся, не будь свирепым, вспыльчивым, скорым на расправу. То есть следует подчинять свои эмоции разуму, не торопиться с категоричными выводами.

• Erinček bolmaγïl – не ленись, не будь нерадивым. При этом кипчаки не ограничивались отвлеченными рассуждениями о лености духа, леность рассматривается ими как серьезный грех.

• Qïzγanči, boγuzγur, ersekči bolmaγïl – не будь жадным, ненасытным, похотливым. Очередной пример, когда имущественные отношения проецируются на отношения сексуальные (межличностные). Кроме того, очевидно особое внимание, которое уделяется нравственно-моральным требованиям к женщинам: ведь женщина блюдет не только свою честь, но и честь мужа и всей семьи.

• Čaqučï bolmaγïl – не будь доносчиком. Морально-этическая установка: «донос предосудителен» приобретает статус религиозного греха. Вечное противостояние политической пользы и морально-нравственной ущербности получило разрешение в пользу морали.

• Ušakčï, künüči [küvnči = künči?] bolmaγïl – не будь клеветником (сплетником). В данном случае очевидно уравнивание клеветы и сплетни (диффамации); т. е. здесь ложность или истинность распространяемой информации значения не имели. Главное, что эти действия порочат честь и достоинство человека. Составы деликтов «клевета» и «диффамация» как бы отождествляются.

О развитом правосознании и правовой культуре куманов может свидетельствовать использование в качестве общеупотребительных понятий следующих юридически значимых категорий, понятий и терминов, нашедших закрепление в Кодексе.

Yarγučï – судья; yarγu yararmen – сужу, отправляю правосудие; при этом em üčün yermen – исцеляю. Все приведенные слова являются однокоренными. Судить и исцелять в кипчакско/половецко/куманском правопонимании – корреспондирующиеся понятия; отправлять правосудие означает юридически исцелять социально больного человека (преступника), разрешать спор – лечить социальную болезнь. В таком подходе вполне можно усмотреть предтечу антропологической школы права (Ч. Ломброзо).

Tuŋarmen – оглашение; vel qïlalïm – исполнение; yïqrar berd – признание; tabušïrmen – исследование; nesyä – кредит, доверие, забота – понятия, актуальные в процессуальном праве и по сей день.

В части описания (характеристики) причинения вреда, ущерба (в том числе и морального), убытков использовались следующие термины: ölümliχ bolduq edi – мы были обречены на смерть (наступление смерти было неотвратимым (неизбежным); χorlarmen – хулю, унижаю, презираю; totχar – зло, вред, ущерб. Интересно, что юридические понятия «вред» и «ущерб» понимались в качестве абстрактной мировоззренческой категории зла.

Заключение

Представленный вниманию читателей анализ текста Codex Cumanicus позволяет в новом свете взглянуть на, казалось бы, привычные и обычные явления (в том числе на религиозно-правовые), проследить исторический генезис современных юридических процессов в контексте системы традиционных евразийских ценностей; поколебать европоцентричность взглядов на развитие права в целом (и отечественного права, в частности).

Список источников

1. Codex Cumanicus. Половецкие молитвы, гимны и загадки XIII –XIV вв. / вступ. ст., тюркологическая транскрипция, коммент. и пер. А. Н. Гаркавца // Восточная литература. Средневековые исторические источники востока и запада : [сайт]. URL: https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/Zolotoord/XIV/1300-1320/Codex_cumanicus/index.phtml?id=3018&ysclid=mlet0dtdox115355768.

2. Гаркавец А. Н. Codex Cumanicus. Полное издание : в 4 т. Алматы : Баур, 2015. 1348 с.

3. Абибуллаева С. «Кодекс Куманикус» – памятник тюркских языков конца XIII – начала XIV веков // Культура народов Причерноморья. 2006. № 91. С. 9–11.

References

1. *Codex Cumanicus. Polovtsian prayers, hymns and riddles of the XIII –XIV centuries.* Introd. art., Turkological transcr., comment. and transl. by A. N. Garkavets. Oriental Literature. Medieval historical sources of the East and West: [website]. (In Russ.) URL: https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/Zolotoord/XIV/1300-1320/Codex_cumanicus/index.phtml?id=3018&ysclid=mlet0dtdox1153557682.

2. Garkavets A. N. *Codex Cumanicus*. The compl. ed. In 4 vols. Almaty: Baur; 2015. 1348 p. (In Russ.)

3. Abibullaeva S. “Codex Cumanicus” – a monument of the Turkic languages of the late 13th – early 14th centuries. *Kul’tura narodov Prichernomor’ya = Culture of the Peoples of the Black Sea Region.* 2006;(91):9-11. (In Russ.)

Информация об авторах

А. А. Арямов – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, проректор по научной работе, почетный работник сферы образования Российской Федерации;

Е. В. Евсикова – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства, член-корреспондент Крымской академии наук, заслуженный юрист Республики Крым.

Information about the authors

A. A. Aryamov – Doctor of Science (Law), Professor, Professor at the Criminal Law Department, Vice-Rector for Scientific Work, Honorary Worker of Education of the Russian Federation;

E. V. Evsikova – Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor at the Civil and Administrative Procedure Department, Corresponding Member of the Crimean Academy of Sciences, Honored Lawyer of the Crimea.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 06.02.2026; одобрена после рецензирования 17.02.2026; принята к публикации 20.02.2026.

The article was submitted 06.02.2026; approved after reviewing 17.02.2026; accepted for publication 20.02.2026.

Российское правосудие. 2026. № 4. С. 12–21
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 4. P. 12–21
УДК 342.9 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.4.12-21

Научная статья

Меры административно-процессуального принуждения: признаки и основания

Наталья Викторовна Ландерсон

Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация, nvt888@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-8985-3653

Аннотация. В специальной литературе исследование вопроса о мерах административно-процессуального принуждения касается только двух аспектов: в силу главы 27 КоАП РФ данные меры отождествляются с мерами обеспечения производства по делу об административном правонарушении, а согласно главе 11 КАС РФ определяются как меры процессуального принуждения, применяемые судами в рамках административного судопроизводства. Поскольку административно-процессуальное законодательство Российской Федерации представлено КоАП РФ, КАС РФ, АПК РФ, Федеральным законом «Об исполнительном производстве» и другими законами о контрольно-надзорной деятельности, необходимо признать многообразие видов мер административно-процессуального принуждения, а также установить специфические основания их применения и некоторые проблемные аспекты, обусловленные фрагментарностью урегулирования административно-процессуального порядка их применения.

Целью работы является комплексное исследование юридических оснований для применения разнообразных видов мер административно-процессуального принуждения в ходе административного производства и административного судопроизводства установленного вида. Задачи исследования: 1) теоретическое обоснование понятия и классификации обеспечительных мер административно-процессуального принуждения и специальных мер административно-процессуального понуждения; 2) попытка решения проблем фрагментарности урегулирования административно-процессуального порядка применения данных мер и отсутствия системного законодательного урегулирования, в том числе влекущего применение мер административно-процессуального принуждения и мер юридической ответственности за одно и то же правонарушение.

При проведении исследования использовались системный, логический, формально-юридический методы.

Проведенный анализ норм административно-процессуального законодательства Российской Федерации позволил: 1) сформулировать понятие и признаки мер административно-процессуального принуждения; 2) предложить классификацию мер административно-процессуального принуждения на два вида: обеспечительные меры административно-процессуального принуждения и специальные меры административно-процессуального понуждения, а также их подвиды.

Ключевые слова: меры административно-процессуального принуждения, меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, специальные меры административно-процессуального понуждения, административно-процессуальное правонарушение

Для цитирования: Ландерсон Н. В. Меры административно-процессуального принуждения: признаки и основания // Российское правосудие. 2026. № 4. С. 12–21. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.4.12-21.

© Ландерсон Н. В., 2026

Original article

Measures of Administrative and Procedural Coercion: Signs and Grounds

Natalia V. Landerson

Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Moscow, Russian Federation, nvt888@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-8985-3653

Abstract. In the specialized literature, the study of the issue of administrative procedural coercion measures concerns only two aspects: these measures, by virtue of Chapter 27 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, are identified with measures to ensure proceedings in an administrative offense case, and according to Chapter 11 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation, are defined as measures of procedural coercion applied by courts in the framework of administrative proceedings. Since the administrative procedure legislation of the Russian Federation is represented by the Code of Administrative Offences of the Russian Federation, the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation, the Arbitration Procedure Code, the Federal Law "On Enforcement Proceedings" and other laws on control and supervisory activities, it is necessary to recognize the variety of types of administrative procedural coercion measures, as well as to establish specific grounds for their application and some problematic aspects, due to the fragmented regulation of the administrative and procedural order of their application.

The purpose of the work is a comprehensive study of the legal grounds for the application of various types of administrative procedural coercion measures in the course of administrative proceedings and administrative legal proceedings of the established type. Research objectives: 1) theoretical substantiation of the concept and classification of interim measures of administrative procedural coercion and special measures of administrative procedural coercion; 2) an attempt to solve the problems of fragmented regulation of the administrative procedure for the application of these measures and the lack of a systematic legislative regulation, including involving the use of administrative procedural coercion measures and measures of legal responsibility for the same offense.

The study used systematic, logical, formal and legal methods.

The conducted analysis of the norms of the administrative procedure legislation of the Russian Federation allowed: 1) to formulate the concept and features of administrative procedural coercion measures; 2) to propose a classification of administrative procedural coercion measures into two types: interim administrative procedural coercion measures and special administrative procedural coercion measures, as well as their subspecies.

Keywords: measures of administrative procedural coercion, measures to ensure proceedings in cases of administrative offenses, special measures of administrative procedural coercion, administrative procedural offense

For citation: Landerson N. V. Measures of administrative and procedural coercion: signs and grounds. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(4):12-21. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.4.12-21.

На протяжении многих лет под воздействием административно-процессуальных законов (КоАП РСФСР и КоАП РФ) в специальной юридической литературе учеными-административистами поднимаются дискуссионные вопросы о понятии и видах мер административного принуждения, а также правовой характеристике применения мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, предусмотренных главой 27 КоАП РФ (см., например: [1; 2; 3]). Данные меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях отождествляются не только с принудительными мерами по сбору и закреплению доказательств[1], но и с мерами административно-процессуального принуждения[2]. Отдельные виды мер обеспечения

[1] См.: [4]; см. также: Административное право : учеб. / под ред. А. И. Каплунова. М. : ДГСК МВД России, 2011. С. 190.

[2] См.: [5; 6; 7]; см. также: *Агапов А. Б.* Административное право : учеб. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Изд.-торговая корпорация «Дашков и К», 2005. С. 562, 577.

производства по делу об административном правонарушении отнесены учеными к числу пресекательно-обеспечительных мер административного принуждения, например административное задержание[3], или к числу мер административного пресечения, например задержание транспортного средства, временный запрет деятельности [10; 11], посредством применения которых прекращается выявленное административное правонарушение и исключается возможность дальнейшего его совершения [12, с. 81–82].

Как справедливо отметил А. С. Телегин, «впервые меры административно-процессуального принуждения получили нормативное закрепление в Основах законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях (1980 г.), а дальнейшее их развитие связанно с Кодексом РСФСР об административных правонарушениях (1984 г.), характерной особенностью которых явилось установление особого процессуального порядка их реализации, который предусматривал обязательное составление соответствующего протокола» [6, с. 61].

С принятием в 2015 г. КАС РФ меры административно-процессуального принуждения вполне закономерно отождествляются с видами мер процессуального принуждения, установленными ст. 116 КАС РФ и применяемыми к лицам, нарушающим установленные в суде правила и препятствующим осуществлению административного судопроизводства. В теории административного права и процесса вопросы понимания характерных признаков, оснований и порядка применения мер административно-процессуального принуждения остаются предметом дискуссии ученых, на законодательном уровне не систематизированным.

Результаты исследования

Проведенный анализ норм действующего административно-процессуального законодательства Российской Федерации позволяет определить характерные признаки мер административно-процессуального принуждения, применяемых в настоящее время как органами публичной администрации (органами исполнительной власти, органами местного самоуправления, иными административно-публичными органами), так и судами в ходе разрешения различных категорий административных дел [13].

Во-первых, меры административно-процессуального принуждения являются отраслевым видом в системе мер государственного процессуального принуждения наряду с уголовно-процессуальным и гражданско-процессуальным принуждением, применяемыми на основании и во исполнение п. «к» ч. 1 ст. 72, ч. 3 ст. 128 Конституции Российской Федерации и административно-процессуального законодательства Российской Федерации.

Помимо этого, в юридической литературе вполне обоснованно выделяется и контрольно-надзорное производство по административным делам о нарушениях обязательных требований [14; 15]. В качестве таких мер назовем контрольно-надзорные действия, применяемые в соответствии со ст. 76–85 Федерального закона № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»[4] (осмотр, досмотр, экспертиза и др.). Однако в настоящее время вопрос о применении мер административно-процессуального принуждения за совершение административно-процессуального нарушения в ходе административного контрольно-надзорного производства и исполнительного производства на законодательном уровне еще детально не урегулирован и в научных трудах подробно не исследован.

---

[3] См.: [8, с. 8–9; 9, с. 232]; см. также: *Кисин В. Р.* Меры административно-процессуального принуждения, применяемые милицией : учеб. пособие. М. : МВШМ МВД СССР, 1987. С. 6.

[4] Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (далее – Закон о государственном контроле) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5007.

Во-вторых, меры административно-процессуального принуждения являются принудительным способом воздействия на поведение участников административно-процессуальных правоотношений, исключая свободу их волеизъявления. Они применяются в целях обеспечения разрешения внесудебных и судебных административных дел различных категорий путем достижения баланса частных и публичных прав, законных интересов в силу ст. 15, 55, 75.1 Конституции Российской Федерации в ходе осуществления внесудебного и судебного производства по административным делам различных категорий, в том числе по делам о привлечении к административной ответственности, об административном споре, об административном понуждении и административном санкционировании. Применение мер административно-процессуального принуждения является правоприменительной административно-процессуальной деятельностью компетентных органов (правоприменителя по административному делу), выраженной в форме документально оформляемых административно-процессуальных действий и решений, содержащих обязательные для исполнения участниками рассмотрения административного дела требования. Например, возложение обязанности в ходе доставления, административного задержания, изъятия предметов и документов, оформляемых в виде протоколов, возложение обязанности явиться на рассмотрение дела и вынесение определения о приводе в случае неявки без уважительных причин в соответствии с главой 27 КоАП РФ, вынесение определения о наложении судебного штрафа в случае проявленного неуважения к суду в соответствии с КАС РФ и АПК РФ и др.

В-третьих, для применения мер административно-процессуального принуждения характерны специфические основания, под которыми предлагается понимать особые виды юридико-фактических ситуаций, возникающих в ходе разрешения внесудебных и судебных административных дел различных категорий и урегулированных административно-процессуальными законами. С учетом законодательства представляется возможным обозначить два вида таких юридико-фактических ситуаций, позволяющих различать две категории мер административно-процессуального принуждения:

1) совершение административного правонарушения или иного правонарушения (административно-устранимого нарушения обязательных требований; административно-понуждаемого неисполнения или ненадлежащего исполнения предписанных обязательных требований в срок для добровольного исполнения), влекущего меры административно-правового принуждения (административно-наказательных, административно-устраняющих и административно-понудительных мер правового принуждения), выраженного в нарушении материальных, в том числе предписанных, административно-правовых норм и являющегося поводом для возбуждения внесудебного или судебного административного дела, в ходе разрешения которого в целях обеспечения режима доказывания и движения дела применяются *обеспечительные меры административно-процессуального принуждения, которые предлагается называть мерами административно-процессуального обеспечения административного производства или административного судопроизводства* (например, меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении, за исключением привода, предусмотренные главой 27 КоАП РФ; меры обеспечения контрольно-надзорного производства в виде контрольно-надзорных действий (ст. 76–85 Закона № 248-ФЗ); меры обеспечения исполнительного производства (ст. 68 Федерального закона № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»[5]) в виде отдельных мер принудительного исполнения, мер по обеспечению исполнения исполнительного документа (ст. 65 Закона об исполнительном производстве) и др.);

[5] Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее – Закон об исполнительном производстве) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 41. Ст. 4849.

2) совершение субъектом административно-процессуальных правоотношений процессуального нарушения, выраженного в неисполнении или ненадлежащем исполнении в установленный срок административно-процессуальных обязанностей и полномочий, в нарушении административно-процессуальных норм в ходе рассмотрения внесудебного или судебного административного дела, влекущего применение специальных мер административно-процессуального принуждения в целях понуждения к надлежащему их исполнению в полном объеме. Предлагается называть их *мерами административно-процессуального понуждения к надлежащему исполнению административно-процессуальных обязанностей за совершение административно-процессуального нарушения:* например, привод (ст. 27.15 КоАП РФ), меры процессуального принуждения (глава 11 КАС РФ), судебные штрафы (глава 11 АПК РФ) и др.

Характеризуя специфику первого вида юридико-фактической ситуации, представляется важным обратить внимание на многообразие законодательного урегулирования видов обеспечительных мер административно-процессуального принуждения, применяемых в целях обеспечения режима доказывания и движения дела в ходе разрешения внесудебного или судебного административного дела соответствующей категории посредством административного производства или административного судопроизводства установленного административно-процессуальным законодательством Российской Федерации вида. По юридическому содержанию и целям их применения вне зависимости от категории разрешаемого административного дела обеспечительные меры административно-процессуального принуждения можно подразделить на два вида: 1) доказательственные меры административно-процессуального принуждения; 2) маршрутные меры административно-процессуального принуждения.

Доказательственные меры административно-процессуального принуждения – вид обеспечительных мер административно-процессуального принуждения, применяемых компетентными органами в ходе административного производства или административного судопроизводства в установленном законом процессуальном порядке, регулируемом отдельными административно-процессуальными законами, в целях обеспечения установленного режима доказывания (сбора доказательств и распределения бремени доказывания) по внесудебному или судебному административному делу, выражающихся в административно-процессуальных действиях и решениях. В зависимости от установленной категории административного дела и порядка его разрешения доказательственные меры административно-процессуального принуждения могут быть класифицированы следующим образом:

1) доказательственные меры административно-процессуального принуждения, применяемые в ходе разрешения внесудебных и судебных административных дел в соответствии с главами 26, 27 КоАП РФ (например, вынесение определения о назначении экспертизы, изъятие предметов и документов, осмотр помещений и территорий, личный досмотр, досмотр вещей и документов и др.) в рамках производства по делам об административных правонарушениях (КоАП РФ), осуществляемого судами общей юрисдикции и внесудебными органами публичной власти;

2) доказательственные меры административно-процессуального принуждения, применяемые в ходе разрешения судебных административных дел в соответствии с КАС РФ (например, ст. 63, 77) в рамках административного судопроизводства, осуществляемого судами общей юрисдикции, Верховным Судом Российской Федерации;

3) доказательственные меры административно-процессуального принуждения, применяемые в ходе разрешения судебных административных дел в соответствии с АПК РФ в рамках административного судопроизводства установленного вида, осуществляемого арбитражными судами (например, назначение экспертизы, направление запросов, наложение ареста и др., иные меры в ходе осуществления арбитражным судом производства по взысканию обя-

зательных платежей и санкций в порядке главы 26 АПК РФ и общим правилам искового производства, например, в виде истребования доказательств (ст. 66 АПК РФ), назначения экспертизы (ст. 82 АПК РФ) и др.);

4) доказательственные меры административно-процессуального принуждения, применяемые в ходе разрешения внесудебных административных дел о нарушениях обязательных требований в рамках административного контрольно-надзорного производства в соответствии с Законом о государственном контроле (осмотр, опрос, досмотр, истребование документов, экспертиза и др.), иными федеральными законами[6];

5) доказательственные меры административно-процессуального принуждения, применяемые в ходе разрешения внесудебных административных дел в соответствии с Законом об исполнительном производстве (например, меры по обеспечению исполнения исполнительного документа при обращении взыскания на имущество должника-организации в виде истребования имущества из чужого незаконного владения (п. 3 ч. 3 ст. 95); наложение ареста на имущество должника, изъятие у должника имущества (п. 4, 5 ч. 3 ст. 68).

Маршрутные меры административно-процессуального принуждения – вид обеспечительных мер административно-процессуального принуждения, применяемых компетентными органами, осуществляющими административное производство или административное судопроизводство в установленном законом порядке, регулируемом отдельными административно-процессуальными законами, в целях обеспечения маршрута движения по внесудебному или судебному административному делу, выраженных в административно-процессуальных действиях и решениях[7]. Данный вопрос требует, на наш взгляд, более детального исследования. Однако, например, к их числу можно отнести: 1) в ходе производства по делам об административных правонарушениях – определение о проведении административного расследования (ст. 28.7 КоАП РФ), определение о передаче материалов дела на рассмотрение (ст. 28.9 КоАП РФ) и др.; 2) в ходе исполнительного производства – обращение в регистрирующий орган для регистрации перехода права на имущество (п. 6 ч. 3 ст. 68 Закона об исполнительном производстве).

Применительно ко второму виду юридико-фактической ситуации представляется важным обратить внимание на многообразие законодательного урегулирования видов административно-процессуальных нарушений, посягающих на установленный административно-процессуальным законодательством Российской Федерации порядок рассмотрения административных дел. В зависимости от вида установленного административно-процессуального порядка их разрешения можно выделить следующие *специальные меры административно-процессуального понуждения*, применяемые: 1) в отношении участников рассмотрения внесудебного или судебного административного дела, совершивших административно-процессуальное правонарушение, выразившееся в неисполнении или ненадлежащем исполнении административно-процессуальных обязанностей; 2) в отношении правоприменителя по внесудебному или судебному административному делу, совершившего административно-процессуальное правонарушение, выразившееся в неисполнении или ненадлежащем исполнении административно-процессуальных полномочий по совершению административно-процессуальных действий и принятию административно-процессуальных решений.

---

[6] НК РФ, Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О защите конкуренции», Федеральный закон от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ (ред. от 21.11.2022) «О техническом регулировании», Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» и др.

[7] К их числу можно отнести следующие виды: меры по обеспечению возбуждения административного дела, меры по обеспечению подготовки административного дела к рассмотрению; меры по обеспечению своевременного рассмотрения административного дела, меры по обеспечению исполнения принятого итогового решения по административному делу.

Меры административно-процессуального понуждения, применяемые в отношении участников рассмотрения внесудебного или судебного административного дела, в зависимости от установленного вида административного производства и административного судопроизводства можно представить следующим образом:

1) меры административно-процессуального понуждения к соблюдению установленного и нарушенного порядка рассмотрения внесудебных и судебных дел об административных правонарушениях, применяемые в соответствии с КоАП РФ[8]. Анализируя процессуальные нормы КоАП РФ, важно обратить внимание на то, что в нем не урегулированы такие меры административно-процессуального принуждения, как судебные штрафы, основания и порядок применения которых достаточно полно установлены в главе 11 АПК РФ и главе 11 КАС РФ, в том числе налагаемые в ходе разрешения судебных административных дел установленной категории. В случае невыполнения законного требования должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении, вместо мер административно-процессуального принуждения предусмотрена административная ответственность (ст. 17.7. КоАП РФ);

2) меры административно-процессуального понуждения к соблюдению установленного и нарушенного порядка рассмотрения административных дел, применяемые в соответствии со ст. 116–123 КАС РФ, закрепившими основания, виды и порядок применения мер процессуального принуждения (ограничение выступления участника судебного разбирательства или лишение участника судебного разбирательства слова; предупреждение; удаление из зала судебного заседания; привод; обязательство о явке; судебный штраф), под которыми понимаются действия в отношении лиц, нарушающих установленные в суде правила и препятствующих осуществлению административного судопроизводства (ч. 1 ст. 116 КАС РФ);

3) меры административно-процессуального понуждения к соблюдению установленного и нарушенного порядка рассмотрения судебных административных дел, применяемые в соответствии со ст. 119–120 АПК РФ (например, судебные штрафы, ограничение выступления участника судебного разбирательства, в том числе применяемые в ходе рассмотрения дел об административных правонарушениях в соответствии с главой 25 АПК РФ или в ходе рассмотрения дел о взыскании обязательных платежей и санкций в соответствии с главой 26 АПК РФ и др.);

4) меры административно-процессуального понуждения к соблюдению установленного и нарушенного порядка рассмотрения внесудебных административных дел, применяемые в соответствии с федеральными законами, регулирующими порядок осуществления контрольно-надзорного производства, которые для развития теории административного процесса являются актуальными и требующими внимания со стороны ученых и законодателя, поскольку процессуальными законами в настоящее время не урегулированы;

5) меры административно-процессуального понуждения к соблюдению установленного и нарушенного порядка рассмотрения внесудебных административных дел в соответствии с Законом об исполнительном производстве, согласно которому в случае невыполнения законных требований судебного пристава-исполнителя применяются меры, предусмотренные данным Федеральным законом (ч. 2 ст. 6). К числу таких мер можно отнести временные ограничения на выезд должника из Российской Федерации (ст. 67), временные ограничения на пользование должником специальным правом (ст. 67.1), исполнительский сбор (ст. 112). Однако перечень этих мер не систематизирован. Невыполнение законных требований судебного пристава-исполнителя, а также воспрепятствование осуществлению судебным приста-

[8] Например, принудительный привод в случае неявки без уважительных причин на рассмотрение дела об административном правонарушении (ст. 27.15 КоАП РФ).

вом-исполнителем функций по исполнению судебных актов, актов других органов и должностных лиц (ч. 3 ст. 6) влекут ответственность, предусмотренную КоАП РФ (например, по ст. 17.8, ч. 1 ст. 17.14, ч. 1 ст. 17.15, ст. 17.17 КоАП РФ)[9].

Меры административно-процессуального понуждения, применяемые в отношении правоприменителя по внесудебному или судебному административному делу, требуют более детального научного исследования.

Важно обратить внимание на то, что применение мер административно-процессуального принуждения ограничено периодом осуществления административного производства или административного судопроизводства установленного вида по разрешению различных категорий административных дел, влечет за собой для субъектов административно-процессуальных правоотношений возникновение административно-процессуальных обязанностей и полномочий, реализуемых в рамках совершения отдельных административно-процессуальных действий. Действующее административно-процессуальное законодательство Российской Федерации не устанавливает самостоятельный вид административного производства или административного судопроизводства по применению обеспечительных мер административно-процессуального принуждения и специальных мер административно-процессуального понуждения, а содержит отдельные внесудебные и судебные административные процедуры, регулирующие фрагментарно основания и порядок их применения, что также требует более детального изучения и систематизации.

Заключение

Подводя итоги обозначенной дискуссии, можно отметить следующее. Анализ оснований и признаков мер административно-процессуального принуждения позволил установить, что данные меры применяются как во внесудебном, так и в судебном порядке по делам об административных деликтах и административных спорах. В то же время ряд важных тем нуждается в дальнейшем научном исследовании. Среди них вопросы о необходимости:

• внедрения в практику внесудебных и судебных органов публичной власти, осуществляющих производство по делам об административных правонарушениях в соответствии с КоАП РФ, административное контрольно-надзорное производство в соответствии с Законом о государственном контроле (надзоре) и иными федеральными законами о контрольно-надзорной деятельности, а также административное исполнительное производство в соответствии с Законом об исполнительном производстве, специальных мер административно-процессуального понуждения в виде внесудебных и судебных штрафов за совершение административно-процессуального правонарушения участниками рассмотрения административного дела, выразившегося в неисполнении или ненадлежащем исполнении административно-процессуальных требований правоприменителя по административному делу, по аналогии с судебными штрафами, предусмотренными главой 11 КАС РФ и главой 11 АПК РФ;

• более детального урегулирования в КоАП РФ, Законе об исполнительном производстве, федеральных законах о контрольно-надзорной деятельности административных процедур как системы правил, регламентирующих основания и порядок применения мер административно-процессуального принуждения, выраженных в совершении административно-процессуальных действий и принятии административно-процессуальных решений;

---

[9] Отсутствие признака противоправности в поведении должника, не исполнившего требование исполнительного документа, исключает возможность его привлечения к ответственности, предусмотренной ч. 1 ст. 112 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», в виде взыскания исполнительского сбора. См. п. 47 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2018) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26 декабря 2018 г.) (ред. от 01.06.2022). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

• отграничения мер административно-процессуального принуждения от мер административно-правового принуждения, а также об исключении из КоАП РФ составов административных правонарушений, предусматривающих административные наказания за неисполнение или ненадлежащее исполнение участниками административно-процессуальных правоотношений административно-процессуальных обязанностей, ограничившись применением специальных мер административно-процессуального понуждения.

Список источников

1. Бахрах Д. Н. Административно-процессуальное принуждение // Актуальные проблемы и перспективы юридической науки и правоприменительной деятельности в государствах – участниках Содружества Независимых Государств : материалы междунар. дистанц. науч.-практ. конф. : в 2 т. Т. 1 / отв. ред. В. Г. Татарян. М. : Изд-во Акад. экон. безопасности МВД России, 2008. С. 35–48.

2. Анненков А. Ю. Административно-процессуальные и организационно-тактические основы ареста товаров, транспортных средств и иных вещей при производстве по делам об административных правонарушениях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 24 с.

3. Каплунов А. И. О классификации мер административного принуждения // Административное и административно-процессуальное право. Актуальные проблемы : сб. ст. М. : Юнити-Дана, 2004. С. 265–286.

4. Мильшин Ю. Н. О мерах административно-процессуального обеспечения производства по делу об административном правонарушении // Административное право и процесс. 2007. № 5. С. 35–38.

5. Бахрах Д. Н. Административно-процессуальное принуждение // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1989. № 4. С. 59–64.

6. Телегин А. С. Меры административно-процессуального принуждения: некоторые вопросы применения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 1 (23). С. 60–67.

7. Помогалова Ю. В. Административное задержание, доставление и привод в системе мер административного принуждения : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2005. 21 с.

8. Щербаков С. Б. Меры административного пресечения в деятельности милиции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 23 с.

9. Каплунов А. И. Административное принуждение, применяемое органами внутренних дел (системно-правовой анализ) : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2005. 260 с.

10. Резникова А. А. Административное приостановление деятельности – административное наказание? // Правоведение. 2009. № 4. С. 60–61.

11. Каплунов А. И. Меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении: классификация и место в системе административного принуждения // Административно-деликтное право: проблемы теории, нормотворчества и правоприменения : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию заслуженного деятеля науки Рос. Федерации, д-ра юрид. наук, проф. А. П. Шергина (Москва, 24 июня 2015 г.) / отв. ред. Р. М. Лисецкий. М. : ВНИИ МВД России, 2015. С. 164–170.

12. Лебедева О. О. Правовое регулирование применения принудительных мер административного предупреждения и пресечения : дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2017. 233 с.

13. Стахов А. И., Ландерсон Н. В. Публичная администрация в России: понятие, структура, система // Административное право и процесс. 2021. № 10. С. 4–15.

14. Стахов А. И. Основные тенденции формирования и развития административно-процессуального законодательства в России // Публичное право сегодня. 2020. № 1. С. 26–30.

15. Стахов А. И. Ключевые элементы структуры административного контрольно-надзорного производства, осуществляемого в России // Российский юридический журнал. 2021. № 3. С. 117–127.

References

1. Bakhrah D. N. Administrative-procedural coercion. In: V. G. Tataryan, ed. *Actual problems and prospects of legal science and law enforcement activities in the member states of the Commonwealth of Independent States*. Materials of the international remote scientific and practical conference. In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Publishing House of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2008. Pp. 35–48. (In Russ.)

2. Annenkov A. Yu. *Administrative-procedural and organizational-tactical bases for the arrest of goods, vehicles and other things in the proceedings on administrative offenses*. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2008. 24 p. (In Russ.)

3. Kaplunov A. I. On the classification of administrative coercion measures. *Administrative and administrative procedural law. Actual problems*. Collection of articles. Moscow: Yuniti-Dana; 2004. Pp. 265–286. (In Russ.)

4. Milshin Yu. N. On measures of administrative procedural support for proceedings in the case of an administrative offense. *Administrative Law and Procedure.* 2007;(5):35-38. (In Russ.)

5. Bakhrah D. N. Administrative-procedural coercion. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*. 1989;(4):59-64. (In Russ.)

6. Telegin A. S. Administrative and procedural enforcement measures: some of the application issues. *Perm University Herald. Juridical Science*. 2014;(1):60-67. (In Russ.)

7. Pomogalova Yu. V. *Administrative detention, delivery and drive in the system of administrative coercion measures*. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Saratov; 2005. 21 p. (In Russ.)

8. Shcherbakov S. B. *Measures of administrative restraint in the activities of the police*. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2006. 23 p. (In Russ.)

9. Kaplunov A. I. *Administrative coercion used by internal affairs bodies (systemic legal analysis)*. Dr. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2005. 260 p. (In Russ.)

10. Reznikova A. A. Is administrative suspension of activity an administrative punishment? *Pravovedenie*. 2009;(4):60-61. (In Russ.)

11. Kaplunov A. I. Measures to ensure the proceedings in the case of an administrative offense: classification and place in the system of administrative coercion. In: R. M. Lisetsky, ed. *Administrative-tort law: problems of theory, rulemaking and law enforcement*. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference dedicated to the 80th anniversary of the Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Science (Law), Professor A. P. Shergin (Moscow, 24 June 2015). Moscow: All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2015. Pp. 164–170. (In Russ.)

12. Lebedeva O. O. *Legal regulation of the application of compulsory measures of administrative prevention and suppression*. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Nizhniy Novgorod; 2017. 233 p. (In Russ.)

13. Stakhov A. I., Landerson N. V. Public administration in Russia: the concept, system and structure. *Administrative Law and Procedure.* 2021;(10):4-15. (In Russ.)

14. Stakhov A. I. Main trends of formation and development of administrative procedural law in Russia. *Public Law Today*. 2020;(1):26-30. (In Russ.)

15. Stakhov A. I. Key elements of the structure of administrative control and supervisory proceedings in Russia. *Russian Juridical Journal.* 2021;(3):117-127. (In Russ.)

Информация об авторе

Н. В. Ландерсон – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного права и процесса имени Н. Г. Салищевой.

Information about the author

N. V. Landerson – Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor at the Salishcheva Administrative Law and Procedure Department.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 30.04.2024; одобрена после рецензирования 14.05.2024; принята к публикации 12.02.2026.

The article was submitted 30.04.2024; approved after reviewing 14.05.2024; accepted for publication 12.02.2026.

Российское правосудие. 2026. № 4. С. 22–29
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 4. P. 22–29
УДК 347.73 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.4.22-29

Научная статья

Процедура взыскания отрицательного сальдо как элемент обеспечения государственных интересов в сфере налогообложения

Левон Мартикович Наринян[1, 2]

[1] Арбитражный суд Московской области, Москва, Российская Федерация, lemex@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0003-4452-3041

[2] Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется трансформация процедуры взыскания налоговой задолженности в условиях внедрения института единого налогового счета. Исходя из классической дихотомии, автор рассматривает процедуру взыскания в качестве элемента формы налогообложения, обеспечивающего реализацию его экономического содержания. Показано, что классическая модель взыскания недоимки по конкретному налогу была основана на высокой степени индивидуализации предмета взыскания и принципе последовательности мер налогового принуждения, выполнявшем превентивную и гарантийную функции.

Анализируется модель взыскания отрицательного сальдо единого налогового счета, которое имеет динамический характер. Обосновывается тезис о «размытии предмета публичного притязания», выражающемся в ослаблении корреляции между требованием об уплате задолженности и последующими мерами принудительного исполнения, а также в трансформации традиционных процессуальных гарантий налогоплательщика.

Вместе с тем подчеркивается, что указанные изменения обусловлены необходимостью обеспечения государственного интереса, заключающегося в устойчивом и своевременном поступлении доходов в бюджетную систему, повышении эффективности налогового администрирования и снижении административных издержек. Делается вывод о том, что модель взыскания отрицательного сальдо единого налогового счета представляет собой институциональный общественный компромисс, требующий переосмысления формы и содержания налогообложения.

Ключевые слова: единый налоговый счет, отрицательное сальдо ЕНС, налоговая задолженность, взыскание налога, налоговый процесс, дуализм налога, форма и содержание налогообложения, государственный интерес

Для цитирования: Наринян Л. М. Процедура взыскания отрицательного сальдо как элемент обеспечения государственных интересов в сфере налогообложения // Российское правосудие. 2026. № 4. С. 22–29. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.4.22-29.

Original article

The Procedure of Collecting a Negative Balance as an Element of Ensuring State Interests in the Field of Taxation

© Наринян Л. М., 2026

Levon M. Narinyan[1, 2]

[1] Commercial Court of Moscow Region, Moscow, Russian Federation, lemex@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0003-4452-3041

[2] Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article examines the transformation of the procedure for collecting tax arrears following the introduction of the unified tax account. Based on the classical dichotomy of form and substance, the author considers the collection procedure as an element of the legal form of taxation that ensures the realization of its economic substance. It is shown that the traditional model of collecting arrears for a specific tax was characterized by a high degree of individualization of the subject matter of enforcement and by the principle of sequential application of tax enforcement measures, which performed preventive and guarantee functions.

The author analyzes the model of collecting a negative balance of the unified tax account, which is characterized by an aggregated and dynamic nature. The article substantiates the thesis of the "blurring of the subject matter of public claims", manifested in a weakened correlation between the tax payment demand and subsequent coercive enforcement measures, as well as in the transformation of traditional procedural guarantees afforded to taxpayers.

At the same time, it is emphasized that these changes are driven by the need to protect state interests, primarily ensuring stable and timely revenue inflows into the budget system, improving the efficiency of tax administration, and reducing administrative costs. The author concludes that the model for collecting a negative balance of the unified tax account represents an institutional social compromise that requires a reconceptualization of the relationship between the form and substance of taxation.

Keywords: unified tax account, negative balance of the unified tax account, tax arrears, tax collection, tax procedure, dual nature of tax, form and substance of taxation, state interest

For citation: Narinyan L. M. The procedure of collecting a negative balance as an element of ensuring state interests in the field of taxation. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(4):22-29. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.4.22-29.

Налогообложение традиционно рассматривается в качестве одного из базовых институтов публичного права, обеспечивающего финансовую основу функционирования общества и государства как высшей формы его организации. Реализуя общественный интерес как часть государственного, чутко прислушиваясь к потребностям современного общества, законодатель очевидно предпринимает попытки «упростить» налогообложение, сделать его понятным, прикладным и предсказуемым. Данная тенденция ведет к «бухгалтеризации» [1, с. 15] налогообложения, тогда как в доктрине налогового права общепризнанным является положение о дуализме налога, выражающемся в единстве его экономической и правовой природы. Экономически налог представляет собой денежное изъятие в пользу публичных фондов, тогда как в правовом смысле он является установленной законом обязанностью, обеспеченной мерами государственного принуждения.

Вместе с тем в период высокой финансовой нагрузки, вызванной необходимостью обеспечения безопасности страны, государственный интерес в сфере налогообложения выражается прежде всего в обеспечении стабильного и своевременного поступления денежных средств в бюджетную систему, что обусловливает необходимость наличия эффективных правовых механизмов исполнения налоговой обязанности. Несмотря на то что сам И. И. Кучеров определял налог как форму возложения обязанности [2, с. 18], концепция налога как процедуры также была выделена им как один из подходов к определению его правовой сущности. Современный этап развития налогового администрирования характеризуется усилением процессуального начала и цифровизацией учетных и контрольных процедур.

Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 263-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации»[1] (далее – Закон № 263-ФЗ) была

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 29 (ч. II). Ст. 5230.

полностью реформирована, а фактически создана новая система уплаты, учета и взыскания налоговых платежей, основанная на едином налоговом счете (далее – ЕНС). Введение института единого налогового счета и единого налогового платежа стало системной реформой, затронувшей прежде всего форму реализации налоговой обязанности, без изменения при этом ее экономического содержания.

Вопрос соотношения формы и содержания является классической философской дихотомией, которая имеет фундаментальное значение как для общей теории права, так и для теории налогового права, позволяя разграничить материальный результат налогообложения в виде пополнения государственных финансовых фондов и юридические средства его достижения. Так, содержательной стороной налогообложения выступает денежное выражение налога и его фактическое поступление в бюджет. Форма налогообложения охватывает совокупность юридических инструментов, направленных на достижение материального результата, включая процедуру взыскания налоговой задолженности.

В научных работах М. В. Карасевой обоснована концепция налогового процесса как самостоятельного правового феномена, охватывающего совокупность процедурных форм реализации налоговой обязанности. Налоговое право не может быть сведено исключительно к материальным нормам, поскольку без процессуальных механизмов они не способны обеспечить достижение публичных целей налогообложения [3].

Более узко трактует налоговый процесс Д. В. Винницкий, относя к его содержанию отношения по применению мер налогово-правового принуждения и по разрешению налоговых споров [4, с. 306]. Так или иначе, процедура взыскания налоговой задолженности или отрицательного сальдо ЕНС относится именно к форме, но не содержанию налогообложения, поскольку представляет собой процессуально оформленный механизм реализации властных полномочий налогового органа. Еще Аристотель отмечал неразрывную диалектическую связь материи (содержания) и формы [5]. Полагаем, что, говоря о процедуре взыскания налоговой задолженности как о форме достижения экономического содержания, следует иметь в виду, что это некая система гарантий, обеспечивающих законность материального результата. Как видно, до настоящего момента Д. В. Винницкий намеренно смешивает понятия налоговой недоимки, налоговой задолженности и отрицательного сальдо ЕНС. Однако именно изменения в данных категориях повлекли существенные изменения во всей процедуре взыскания неуплаченных сумм налогов, пени и штрафов. Так, если до принятия Закона № 263-ФЗ центральным элементом, предметом всей процедуры взыскания являлась налоговая недоимка или неуплаченная сумма конкретного налога, то новое правовое регулирование строит систему взыскания на понятии отрицательного сальдо ЕНС, которому согласно определению, данному в ст. 11 НК РФ, соответствует понятие задолженности по уплате налогов, сборов и страховых взносов в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации. Фактически законодатель ставит знак равенства между понятиями отрицательного сальдо ЕНС и обобщенного понятия задолженности. Исходя из содержания ст. 69 НК РФ в новой редакции, требование налогового органа является извещением налогоплательщика не о наличии у него неуплаченной суммы налога, как это было ранее, а о наличии отрицательного сальдо ЕНС.

Таким образом, центральным юридическим фактом в модели ЕНС выступает отрицательное сальдо счета, аккумулирующее совокупную задолженность налогоплательщика перед бюджетом. В связи с этим особое значение приобретает процедура взыскания отрицательного сальдо ЕНС как механизм трансформации учетного результата в реальное поступление публичных доходов. Здесь и далее процедура взыскания рассматривается применительно к налогоплательщикам-организациям. Положения ст. 46 и 47 НК РФ, регламентирующие

процедуры взыскания задолженности (но не неуплаченных сумм налогов) за счет денежных средств и в последующем за счет имущества, устанавливают положения о том, что взыскание производится в размере (или сумме), не превышающем отрицательное сальдо ЕНС. Отрицательное сальдо ЕНС представляет собой агрегированный показатель неисполненных денежных обязательств налогоплательщика перед бюджетом. В отличие от традиционного подхода, при котором объектом взыскания являлась задолженность по конкретному налогу, ЕНС формирует единый объект правового воздействия, выраженный в стоимостной форме. С правовой точки зрения отрицательное сальдо ЕНС является юридическим фактом, порождающим право налогового органа на применение мер принудительного исполнения налоговой обязанности. Экономически оно отражает дефицит поступлений в бюджет, что прямо затрагивает публичный финансовый интерес.

Годами выработанный и окончательно закрепленный в судебных актах высших судебных инстанций[2] правовой подход предполагает систему гарантий прав налогоплательщика, подвергшегося принудительному взысканию недоимки со стороны государства. В ее основу положен принцип последовательности (поэтапности), который предполагает, что первым и основным элементом всей процедуры принудительного взыскания является требование об уплате налога (ст. 69 НК РФ), которое должно извещать налогоплательщика о конкретном составе и размерах недоимки, а также предоставлять возможность налогоплательщику погасить задолженность «добровольно» (т. е. без применения механизмов изъятия) в оговоренный в самом требовании срок. Далее в случае неисполнения или неполного исполнения налоговой обязанности, установленной в требовании, налоговый орган должен вынести решение о взыскании задолженности за счет денежных средств налогоплательщика и привести его в исполнение путем направления инкассовых поручений к счету (счетам) налогоплательщика в банках (ст. 46 НК РФ). Данный способ взыскания рассматривается законодателем и правоприменительной практикой как приоритетный, поскольку предполагает минимальное вмешательство в хозяйственную деятельность налогоплательщика и не затрагивает его имущественный комплекс в целом. Только в случае отсутствия денежных средств на счетах налогоплательщика в необходимом размере либо отсутствия информации о счетах в налоговом органе последним может быть реализована процедура взыскания задолженности за счет имущества налогоплательщика (ст. 47 НК РФ).

Принцип последовательности мер принудительного взыскания выполняет не только процедурную, но и функционально-правовую роль, обладая одновременно превентивным и гарантийным значением. С точки зрения превентивной функции указанный принцип ориентирован на побуждение налогоплательщика к «добровольному» исполнению налоговой обязанности еще до применения мер государственного принуждения. Само по себе направление требования об уплате задолженности, содержащего сведения о размере недоимки и сроке ее погашения, выступает инструментом правового предупреждения, сигнализирующим о возможности наступления более жестких последствий при бездействии налогоплательщика. Тем самым государство реализует модель «мягкого принуждения», при которой приоритет отдается стимулированию правомерного поведения, а не немедленному применению механизмов имущественного изъятия. Одновременно принцип последовательности выполняет гарантийную функцию, направленную на защиту прав и законных интересов налогоплатель-

[2] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 4 июня 2009 г. № 1032-О-О, Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 5 июля 2021г. № 307-ЭС21-2135 по делу № А21-10479/2019, Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 марта 2005 г. № 13592/04. Здесь и далее доступ из СПС «КонсультантПлюс».

щика от чрезмерного и непропорционального вмешательства налоговых органов в текущую хозяйственную деятельность организации.

Этапность взыскания объективно ограничивает усмотрение налогового органа, исключая возможность произвольного выбора наиболее жесткого способа исполнения налоговой обязанности без предварительного извещения налогоплательщика. В этом смысле требование об уплате задолженности, а также приоритет взыскания за счет денежных средств выступают не просто стадиями процедуры, а юридическими гарантиями, нарушение которых влечет незаконность последующих действий налогового органа. Именно в такой интерпретации, по нашему мнению, процедура взыскания соответствует интересам общества и государства.

Очевидным представляется и тот факт, что задолженность, составляющая предмет взыскания по решениям о взыскании за счет денежных средств и за счет имущества налогоплательщика, должна соотноситься с задолженностью, указанной в требовании об уплате налога. Строго говоря, только полное соответствие предмета взыскания ранее направленному требованию как в части состава задолженности, так и в части ее размера (за исключением размера пени) будет соответствовать принципам добросовестного налогового администрирования, предсказуемости мер принудительного воздействия, позволит исключить возможность произвольных действий налоговых органов. Несоблюдение данного требования означает выход налогового органа за пределы первоначально заявленного публичного притязания и, по существу, трансформацию процедуры взыскания из средства реализации налоговой обязанности в самостоятельную меру фискального принуждения, что противоречит гарантийной природе принципа последовательности и подрывает правовую определенность налоговых правоотношений. Вместе с тем изложенные положения и сформулированные автором выводы справедливы применительно к процедуре взыскания, основанной на понятии недоимки по конкретному налогу, существовавшей до введения ЕНС. В рамках такой модели именно конкретизированная налоговая обязанность выступает исходной точкой всей процедуры взыскания, а требование об уплате налога – юридическим основанием и пределом последующих принудительных действий налогового органа.

При взыскании недоимки по отдельному налогу принцип последовательности приобретает завершенный гарантийный характер: налогоплательщик заранее осведомлен о составе публичного притязания, объеме подлежащих уплате сумм и правовых последствиях неисполнения обязанности, тогда как налоговый орган связан рамками заявленного требования, не вправе произвольно изменять предмет взыскания на последующих стадиях процедуры, причем каждая новая задолженность является предметом самостоятельной процедуры взыскания. Тем самым обеспечивается единство правовой формы и экономического содержания налога, а само принудительное взыскание сохраняет характер производного механизма реализации уже существующей налоговой обязанности.

Именно в этой «классической» конструкции взыскания недоимки по конкретному налогу процедура принудительного исполнения выполняет свою системную функцию элемента формы налогообложения, служащего юридическим опосредованием экономического изъятия и одновременно – гарантом правовой определенности налоговых правоотношений.

По мнению автора, выход за пределы приведенных умозаключений объективно требует переосмысления содержания принципа последовательности, его гарантийного потенциала, уяснения целей введения новой системы учета налоговой обязанности и защищаемого государственного интереса. Как указывалось выше, особенностью модели ЕНС является переход от учета задолженности по отдельным налогам к учету в пределах агрегированного показателя – отрицательного сальдо, что объективно ставит под сомнение возможность индивидуализации предмета взыскания. Так, с момента выставления требования об уплате задолжен-

ности на отрицательное сальдо ЕНС и до момента реализации налоговым органом полномочий, предусмотренных ст. 47 НК РФ, проходит значительный временной отрезок. Очевидно, отрицательное сальдо ЕНС не может оставаться статичным и неизменным в течение всего длящегося процесса, когда налоговый орган осуществляет организационные мероприятия по взысканию задолженности. Так, за период между выставлением требования и взысканием за счет имущества может, например, наступить очередной срок уплаты авансового платежа или всей суммы одного из налогов, может вступить в силу решение налогового органа по итогам проверки. Между тем положения ст. 69 НК РФ не предполагают выставления нового или уточненного требования об уплате задолженности на такую новую задолженность, возникшую после выставления первоначального требования. Самая актуальная судебная практика[3] также исходит из того, что в случае изменения суммы задолженности при наличии отрицательного сальдо ЕНС, в том числе при возникновении новых долгов, новое требование не выставляется и налогоплательщику не направляется. Процедура взыскания носит динамический характер. Таким образом, став однажды отрицательным, отрицательное сальдо выступает предметом взыскания до того момента, пока оно не станет равным нулю или не примет положительное значение.

При таких обстоятельствах предметом взыскания выступает некое динамичное состояние, фиксирующее превышение сумм начисленных налоговых обязательств над суммами поступивших платежей. Оно способно меняться в текущем режиме под влиянием новых начислений, поступающих платежей и иных обстоятельств, что неминуемо приводит к «размытию предмета публичного притязания». Так, нельзя не высказать опасения, исходя из которых налогоплательщик фактически может быть лишен возможности соотнести применяемые к нему меры принудительного взыскания с определенным налоговым обязательством. Это, в свою очередь, может привести к тому, что часть задолженности может быть взыскана с налогоплательщика с нарушением принципа последовательности, без предварительного выставления соответствующего требования.

В таком случае можно говорить о снижении или даже об утрате требованием об уплате задолженности свойств правовой превенции и извещения налогоплательщика об имеющейся задолженности. Указанные особенности наглядно демонстрируют специфику модели взыскания отрицательного сальдо ЕНС, при которой предмет публичного притязания оказывается подвижным и изменяемым во времени, тогда как применяемые меры принудительного взыскания сохраняют непрерывный характер. Это усиливает эффект размывания предмета взыскания и ставит под сомнение применимость к данной модели классических процедурных гарантий, основанных на принципе последовательности применяемых мер взыскания и жесткой корреляции между требованием об уплате задолженности и последующими стадиями принудительного исполнения. В пользу критического отношения к рассматриваемой правовой конструкции свидетельствует и то обстоятельство, что налогоплательщик может оказаться вовлеченным в процедуру принудительного взыскания без строго определенной правовой регламентации. В данном контексте допустимо говорить о некоей трансформации процедуры взыскания из формы обеспеченного процедурными гарантиями правового механизма в инструмент фискального воздействия с динамической нагрузкой, ориентированного преимущественно на достижение экономического результата.

Вместе с тем указанный критический вывод не может рассматриваться в отрыве от необходимости обеспечения государственного интереса, заключающегося в своевременном, пол-

[3] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 13 ноября 2025 г. № 305-ЭС25-7442 по делу № А40-277167/2024.

ном и устойчивом поступлении доходов в бюджетную систему. Современные условия налогового администрирования характеризуются высокой степенью фрагментации налоговых обязательств, множественностью сроков уплаты и контрольных процедур, что объективно привело к снижению эффективности системы учета и последующего взыскания налоговой задолженности, основанной на недоимке по конкретному налогу.

В указанных условиях система учета налоговых обязательств, основанная на едином налоговом счете, служит целям предотвращения накопления задолженности, снижения административных издержек, упрощения административных процедур и противодействия недобросовестному поведению отдельных налогоплательщиков.

При этом снижение роли формализованных процедур компенсируется цифровизацией правовых механизмов информирования налогоплательщиков об имеющейся задолженности, включая постоянный доступ в личный кабинет налогоплательщика с возможностью оперативного взаимодействия с налоговым органом, использования процедур уточнения расчетов, досудебного урегулирования. Изложенное свидетельствует не об отказе от «традиционных» гарантий, а о трансформации процедуры взыскания задолженности, обусловленной изменением формы учета налоговой информации, цифровизацией общества, вместе с тем повышая эффективность механизма взыскания с точки зрения обеспечения государственных интересов.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что процедура взыскания налоговой задолженности претерпела значительные изменения. Введение института единого налогового счета привело к формированию принципиально иной модели налогового принуждения, в рамках которой предмет взыскания приобретает динамический характер. Указанная трансформация сопровождается эффектом размытия предмета публичных притязаний, что может вызывать опасения по поводу снижения уровня процедурных гарантий прав налогоплательщика. Вместе с тем подобная оценка не может игнорировать государственный интерес в обеспечении устойчивости финансовой системы страны и эффективности налогового администрирования в современных геополитических условиях.

В связи с этим модель взыскания отрицательного сальдо ЕНС следует рассматривать как институциональный общественный компромисс. Речь идет не об отказе от процессуальных гарантий как таковых, а об их трансформации и перераспределении внутри новой формы учета налоговых обязательства. С учетом изложенного дальнейшее развитие института единого налогового счета требует не механического заимствования процедур классического взыскания недоимки, а концептуального переосмысления соотношения формы и содержания налогообложения, исходя из принципов соразмерности, правовой определенности и добросовестности налогового администрирования.

Список источников

1. Запольский С. В. Налогообложение как правовая категория // Ex jure. 2020. № 1. С. 14–23.

2. Кучеров И. И. Новый концептуальный подход к определению налога // Финансовое право. 2008. № 1. С. 16–19.

3. Карасева М. В. Налоговый процесс – новое явление в праве // Хозяйство и право. 2003. № 6. С. 53–61.

4. Винницкий Д. В. Российское налоговое право: проблемы теории и практики : моногр. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. 395 с.

5. Аристотель. Сочинения : в 4 т. Т. 1 : Метафизика. О душе. М. : Мысль, 1976. 550 с.

References

1. Zapolsky S. V. Taxation as a legal category. *Ex Jure*. 2020;(1):14-23. (In Russ.)

2. Kucherov I. I. *A new conceptual approach to the definition of tax*. *Financial Law.* 2008;(1):16-19. (In Russ.)

3. Karaseva M. V. Tax procedure as a new phenomenon in law. *Economy and Law*. 2003;(6):53-61. (In Russ.)

4. Vinnitsky D. V. *Russian tax law: problems of theory and practice*. St. Petersburg: Yuridicheskij tsentr Press; 2003. 395 p. (In Russ.)

5. Aristotle. *Essays*. In 4 vols. Vol. 1: Metaphysics. About the soul. Moscow: Mysl'; 1976. 550 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Л. М. Наринян – судья, соискатель кафедры финансового права.

Information about the author

L. M. Narinyan – Judge, Applicant at the Financial Law Department.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 02.12.2025; одобрена после рецензирования 23.12.2025; принята к публикации 12.02.2026.

The article was submitted 02.12.2025; approved after reviewing 23.12.2025; accepted for publication 12.02.2026.

Российское правосудие. 2026. № 4. С. 30–39
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 4. P. 30–39
УДК 349.4 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.4.30-39

Научная статья

Применение института несоответствующего использования в вопросах строительства и реконструкции (по материалам судебной практики)

Наталья Владимировна Самоловских

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Российская Федерация, nvsamolovskikh@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-7326-7780

Аннотация. Правовое регулирование градостроительной деятельности предполагает необходимость постоянного поиска оптимального соотношения частных и публичных интересов. В данном контексте институт несоответствующего использования представляет собой значимый правовой механизм, направленный на защиту ранее возникших прав при изменении градостроительных регламентов. В статье рассматриваются материалы судебной практики, касающиеся применения положений о несоответствующем использовании в спорах о выдаче разрешений на строительство (реконструкцию), а также уведомлений по ст. 51.1 ГрК РФ. Краткий вывод: реализация соответствующих положений ГрК РФ и ЗК РФ может по-разному интерпретироваться судами, поскольку, ориентируясь на доктрину законных ожиданий, судебные органы часто расширительно толкуют нормы Градостроительного и Земельного кодексов Российской Федерации. Кроме того, судебной практикой формируется внутренняя дифференциация института несоответствующего использования по типам строительных изменений и объектам капитального строительства. В последнем случае речь идет о выделении в особую категорию индивидуальных жилых домов, что может быть связано, в том числе, с конституционным правом на жилище, а также особенностями регистрации права собственности на такие объекты.

Ключевые слова: несоответствующее использование, баланс интересов, защита ранее возникших прав, законные ожидания, градостроительное зонирование

Для цитирования: Самоловских Н. В. Применение института несоответствующего использования в вопросах строительства и реконструкции (по материалам судебной практики) // Российское правосудие. 2026. № 4. С. 30–39. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.4.30-39.

Original article

Application of Nonconforming Uses in Matters of Construction and Reconstruction (Based on Materials of Judicial Practice)

Natalia V. Samolovskikh

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russian Federation, nvsamolovskikh@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-7326-7780

© Самоловских Н. В., 2026

Abstract. The regulation of urban development is closely related to the constant search for a balance of public and private interests. In this case, the institution of nonconforming use acts as one of the legal mechanisms for protecting previously acquired rights when changing urban planning regulations. The article examines the materials of judicial practice on the application of provisions on nonconforming use in disputes over the issuance of building (reconstruction) permits, as well as notifications under Art. 51.1 of the Urban Planning Code of the Russian Federation.

The author concludes that courts, focusing on the doctrine of legitimate expectations, often broadly interpret the provisions of the Urban Planning and the Land Codes of the Russian Federation. In addition, judicial practice forms the difference in two ways: between the types of construction changes and between the construction projects. The latter comprises private housing construction that may be related, among other things, to the constitutional right to housing, as well as the regulatory considerations for real estate title registration.

Keywords: nonconforming use, balance of interests, protecting previously acquired rights, legitimate expectation, urban planning zoning

For citation: Samolovskikh N. V. Application of nonconforming uses in matters of construction and reconstruction (based on materials of judicial practice). *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(4):30-39. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.4.30-39.

В практике Конституционного Суда Российской Федерации сложилась прочная позиция относительно целей градостроительной деятельности, на достижение которых должно быть направлено ее регулирование: комфортные и благоприятные условия проживания, устойчивое развитие территории наряду с учетом потребностей населения и необходимость согласования частных, общественных и государственных интересов[1]. Это требует от правоприменителя в каждом случае учитывать разумный баланс интересов, соблюдая гарантии для частных лиц, но не в ущерб сохранению окружающей среды и культурному наследию[2]. Важную роль при этом играет градостроительное зонирование как правовой механизм согласования частных и публичных интересов в процессе осуществления градостроительной деятельности[3].

Ранее при его оспаривании суды нередко ссылались на позицию Европейского Суда по правам человека, согласно которой органы публичной власти имеют широкие пределы усмотрения в части осуществления политики городского планирования[4]. На основании этого в судебных актах выражена и позиция о приоритете публичной цели устойчивого развития территории, для достижения которой допустимо ограничивать права частных лиц. В то же время в качестве механизма, который сбалансировал бы частные и публичные интересы, суды называют также институт несоответствующего использования, сохраняющий прежний режим пользования объектом недвижимости и после изменений градостроительного регламента.

Несмотря на значимую роль данного института в вопросах защиты правообладателей в градостроительных правоотношениях, в отечественной литературе имеется немного исследований, посвященных данному вопросу[5].

---

[1] См., например, Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 марта 2017 г. № 10-П. Здесь и далее доступ из СПС «КонсультантПлюс», если не указано иное.

[2] См., например, Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15 июля 2010 г. № 931-О-О.

[3] См., например, Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2019 г. № 78-АПА19-8.

[4] См., например, Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 10 июля 2019 г. № 8-АПА19-7.

[5] См., например: [1]; *Шишкина А*. Жилье и нежилье. Трудности перевода // Жилищное право. 2024. № 3. С. 65–72; *Кирина А*. Земельные споры: строительство ИЖС на «неподходящих» участках. Анализ споров // Жилищное право. 2020. № 3. С. 15–24, и др.

Однако в условиях частого перезонирования, в том числе перепараметрирования, территории объемы такого несоответствия непредсказуемы и в определенных случаях достаточно высоки[6]. Такая ситуация для правообладателей недвижимости – это потенциальные риски, так как, несмотря на сохранение их прав в отношении объектов и земельных участков, возможности правообладателей по отношению к градостроительным изменениям сильно ограничиваются.

В настоящее время в отечественном законодательстве отсутствуют различия в регулировании несоответствующего использования в зависимости от типов объектов, строительных изменений или иных оснований. Отдельно оговаривается лишь случай, если такие не соответствующие регламенту объекты причиняют вред окружающей среде, объектам культуры, опасны для граждан (ч. 8, 10 ст. 36 ГрК РФ).

Между тем с позиции видения целой нормативной системы юридическая норма предстает не как изолированный элемент, но как сложный регулятивный механизм, частью которого является складывающееся правоприменение («правоположения практики») [2, с. 72–73].

Автор выдвигает гипотезу, что, несмотря на наличие в законодательстве Российской Федерации определенно выраженных правил должного и возможного поведения субъектов, правоприменительная практика судов привносит свою точку зрения во внутреннюю дифференциацию института несоответствующего использования и реализация соответствующих положений Градостроительного и Земельного кодексов может быть сопряжена с определенными условиями и по-разному интерпретироваться судами.

Действительно ли нормы о несоответствующем использовании позволяют уравновесить изменение градостроительного зонирования для правообладателя недвижимости? В каких пределах такой правообладатель вправе осуществлять владение, пользование и распоряжение земельным участком с объектами капитального строительства, расположенными на нем?

Для работы с гипотезой и ответа на поставленный вопрос был проведен анализ непосредственного правоприменения института несоответствующего использования в судебной практике.

Результаты исследования

1. Несоответствующее использование: конституционно-правовой аспект

Сегодня институт несоответствующего использования рассматривается прежде всего как механизм защиты прав владельцев объектов недвижимости, переходит в разряд принципов [1, с. 111] и активно используется правоприменителями для обоснования принимаемых решений вразрез текущему землепользованию. Такой переходный механизм можно рассматривать как механизм адаптации субъектов градостроительной деятельности к измененному правовому режиму земельных участков [3].

В теории это согласуется с доктриной защиты законных ожиданий, в частности с принципом поддержания доверия граждан к действиям государства, и призвано защищать интересы частных лиц «…от внезапного изменения мнения или политики государственного органа» [4].

Именно такой подход прослеживается в позиции Конституционного Суда Российской Федерации при отказе в принятии жалоб на проверку конституционности норм о несоответствующем использовании[7].

---

[6] Результаты, полученные в рамках НИР «Направления совершенствования регулирования и контроля застройки в городе Перми» (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»), 2022 (регистрационный номер в ЕГИСУ НИОКТР: 122052400003-5) // Наука и инновации : [сайт]. URL: https://gisnauka.ru/nioktr/detail/TYSCGG85QJF5CVQ0068K2UVJ (доступ ограничен).

[7] Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 26 марта 2020 г. № 631-О, от 30 июня 2020 г. № 1491-О, от 24 декабря 2020 г. № 2963-О.

Во-первых, в своих выводах орган конституционного контроля делает акцент на моменте приобретения недвижимости – до изменений градостроительного зонирования (градостроительного регламента). В противном случае будущий правообладатель имел возможность оценить правовой статус приобретаемой вещи и связанные с этим последствия. При этом Конституционный Суд не дает оценок относительно допустимости возведения нового объекта капитального строительства на земельном участке по виду разрешенного использования, ставшему не соответствующим градостроительному регламенту.

Во-вторых, Конституционный Суд не исключает использование иных правовых возможностей для разрешения градостроительной ситуации, возникшей вследствие изменения регламента. Например, если при таком изменении размер земельного участка стал менее предельного минимального размера, установленного правилами землепользования и застройки, правообладатель вправе обратиться за разрешением на отклонение от предельных параметров застройки[8].

В-третьих, Конституционный Суд подчеркивает, что сохранение прежнего правомерного использования земельных участков обеспечивает стабильность земельного и имущественного оборота.

Изложенное задает общие принципы действия института несоответствующего использования, но ответы на частные вопросы о допустимых пределах применения нормы о несоответствующем использовании в различных случаях могут быть обнаружены при непосредственном правоприменении. Например, если речь идет о земельных участках, права на которые возникли до изменений градостроительного регламента, то правообладатель таких участков может долго не осуществлять строительство. Может ли он потом построить новый объект не в соответствии с действующими на момент застройки градостроительными регламентами? Или он не вправе так поступить, раз предполагается новое строительство, а не эксплуатация существующего объекта капитального строительства?

Для этого необходимо обратиться к практике судов общей юрисдикции и арбитражных судов.

2. Несоответствующее использование в практике судов общей юрисдикции и арбитражных судов

Упоминание о несоответствующем использовании содержится в мотивировочной части судебных актов по самым разным категориям споров: самовольные постройки, оспаривание правил землепользования и застройки, установление соответствия классификатору видов разрешенного использования и т. д. Как уже было отмечено, на институт несоответствующего использования часто ссылаются при оспаривании функциональных и территориальных зон. Но в этих случаях упоминается только суть его роли как гарантии для правообладателей при изменении зонирования территории, лишь в редких спорах можно встретить какое-либо пояснение относительно содержания данного института.

Например, по одному из дел при оспаривании установленной территориальной зоны суд буквально истолковал положения ГрК РФ о несоответствующем использовании, отметив, что жители многоквартирного дома, построенного до изменений правил землепользования и застройки, вправе рассчитывать на его эксплуатацию, но не на реконструкцию с увеличением количества этажей[9].

---

[8] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 февраля 2023 г. № 338-О.

[9] Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 31 января 2023 г. № 88а-17/2023.

Тем самым была подчеркнута недопустимость увеличения несоответствия объекта капитального строительства текущим градостроительным регламентам.

Но все не так однозначно при оспаривании отказов в выдаче разрешения на строительство (реконструкцию) либо уведомления по ст. 51.1 ГрК РФ. Судебную практику по данной категории дел можно условно разделить на три группы: 1) строительство нового объекта капитального строительства; 2) реконструкция существующего объекта капитального строительства; 3) завершение строительства объекта незавершенного строительства.

Применение норм о несоответствующем использовании при строительстве нового объекта

Относительно строительства нового объекта капитального строительства на земельном участке, вид разрешенного использования которого перестал соответствовать градостроительному регламенту, в большинстве случаев суды отталкиваются от момента возникновения права собственности застройщика на такой земельный участок.

Часто суды компилируют буквальное прочтение норм ГрК РФ и ЗК РФ с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации[10], склоняясь к расширительному толкованию положений о несоответствующем использовании.

Так, с одной стороны, указывается на недопустимость возведения новых объектов на участках, не соответствующих установленным градостроительным предельным параметрам и/или видам использования[11]. С другой стороны, суды учитывают также период изменения правового режима недвижимости для оценки добросовестности правообладателя и объема его прав на застройку участка[12]. Таким образом, существенное значение приобретает установление хронологической последовательности между моментом изменения градостроительного регламента (как правило, речь идет об изменении территориальной зоны) и датой приобретения земельного участка конкретным лицом.

Важно отметить, что судами не исследуется вопрос о том, в течение какого времени правообладатель не приступал к освоению земельного участка с точки зрения строительства новых объектов.

Например, физическое лицо приобрело земельный участок в 2015 г., в 2018 г. были внесены изменения в Правила землепользования и застройки, и вид разрешенного использования такого земельного участка перестал соответствовать градостроительному регламенту. В 2020 году правообладатель обратился в уполномоченный орган за выдачей уведомления по ст. 51.1 ГрК РФ. В свою очередь, уполномоченный орган направил правообладателю уведомление о несоответствии, которое впоследствии было обжаловано в суде и признано незаконным по причине возникновения права собственности у административного истца до момента внесения изменений в Правила землепользования и застройки[13].

Но если бы земельный участок был приобретен другим лицом после внесения изменений в Правила землепользования и застройки, такому «новому» правообладателю было бы отказано, поскольку он «при должной осмотрительности имел возможность выяснить, какие виды разрешен-

---

[10] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26 марта 2020 г. № 631-О.

[11] Кассационное определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 6 апреля 2022 г. № 88а-3309/2022 по делу № 2а-6070/2021.

[12] Кассационное определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 23 декабря 2020 г. № 88а-9587/2020.

[13] Кассационное определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 24 марта 2021 г. № 88а-2648/2021 по делу № 2а-2459/2020.

ного использования установлены в отношении земельного участка правилами землепользования и застройки»[14].

Получается, что гарантией при приобретении права на земельный участок могут служить ранее выданное прежнему правообладателю уведомление о соответствии в порядке ст. 51.1 ГрК РФ либо разрешение на строительство и градостроительный план земельного участка[15].

Часто споры ведутся по отказам в уведомлении по ст. 51.1 ГрК РФ (индивидуальное жилищное строительство, садовые дома). Скорее всего, это связано со статусом такого объекта недвижимости (получение уведомления о соответствии/несоответствии, отсутствие необходимости получения градостроительного плана земельного участка для обращения за такой услугой, допустимость регистрации права собственности в упрощенном порядке[16]).

В случаях иных объектов капитального строительства, на строительство которых требуется получение разрешения, аргумент о моменте приобретения прав на земельный участок правообладателем иногда усиливается наличием градостроительного плана как доказательства, свидетельствующего о решениях органов публичной власти поддержать застройку[17].

В редких случаях суд не обосновывает принятое решение моментом возникновения прав на земельный участок у правообладателя, а мотивирует свою позицию именно буквальным прочтением положений земельного и градостроительного законодательства и не допускает нового строительства вразрез действующим градостроительным регламентам[18].

Таким образом, факт приобретения прав на земельный участок до изменения градостроительного регламента в совокупности с имеющейся практикой расширительного толкования норм о несоответствующем использовании значительно повышает шансы на возможность нового строительства индивидуальных жилых или садовых домов вразрез измененному градостроительному регламенту.

Для объектов капитального строительства, требующих разрешения на строительство, временны́м ориентиром выступает, как полагается, срок действия градостроительного плана земельного участка. Но, как демонстрирует судебная практика, наличие выданного градостроительного плана не всегда может являться гарантией для застройщика[19].

Применение норм о несоответствующем использовании при реконструкции существующего объекта

В вопросах возможности реконструкции объекта капитального строительства, ставшего не соответствующим градостроительному регламенту, позиции судебных органов также неоднозначны.

---

[14] Кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 15 декабря 2021 г. № 88а-26232/2021 по делу № 2а-1422/2021.

[15] Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 28 марта 2022 г. по делу № 88-6137/2022.

[16] См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 декабря 2023 г. № 44 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при применении норм о самовольной постройке» (п. 3) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2024. № 1.

[17] Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 18 августа 2022 г. № Ф04-3271/2022 по делу № А45-27370/2021.

[18] Апелляционное определение Пермского краевого суда от 15 февраля 2021 г. № 33а-1498/2021 по делу № 2а-4444/2020.

[19] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 17 апреля 2025 г. № 308-ЭС24-20719 по делу № А32-53202/2023.

Например, в случае индивидуального жилищного строительства суды как будто идут навстречу правообладателю и вполне разрешают ситуацию, при которой реконструкция может быть произведена с позиции увеличения несоответствия градостроительному регламенту.

Так, в рамках одного из судебных споров было установлено, что индивидуальный жилой дом расположен на земельном участке, включенном в территориальную зону, где индивидуальное жилищное строительство было исключено из перечня разрешенных видов использования. Жилой дом находился в состоянии физического износа, граничащего с разрушением. При этом заявленная правообладателем реконструкция предполагала не только восстановительные работы, но и существенное изменение параметров объекта. Суд встал на сторону правообладателя, указав, что юридическим препятствием для реализации его намерений по реконструкции могут выступать установленные законодательством ограничения оборотоспособности объектов недвижимости (резервирование, изъятие и пр.)[20].

В ряде случаев суды возвращаются к позиции по хронологии возникновения прав застройщика: до или после изменения градостроительного регламента. Анализ мотивировочной части рассмотренных судебных актов обнаруживает, что расширительное толкование нормы ГрК РФ о возможности реконструкции только по направлению к соответствию градостроительному регламенту объясняется позицией Конституционного Суда Российской Федерации[21]. Таким образом, суды разграничивают две ситуации-исключения из общего правила соблюдения требований градостроительного регламента: 1) использование ранее существовавших объектов; 2) изменение территориальной зоны после возникновения прав лица на земельный участок[22].

При этом вопрос о конкретных пределах и объемах приведения объекта в соответствие с действующим правовым режимом остается открытым.

Так, в деле, где в результате реконструкции предполагалось уменьшение несоответствия объекта капитального строительства предельным параметрам застройки: увеличение площади магазина до 1275,43 кв. м при установленной минимальной площади в 1500 кв. м, – заявителю было отказано в выдаче разрешения на реконструкцию, в том числе по мотивам непредставления им разрешения на отклонение от предельных параметров застройки. Указанные выводы уполномоченного органа поддержали все судебные инстанции[23].

Судами не исследовался вопрос о моменте возникновения права собственности заявителя относительно изменения градостроительного регламента в части предельных параметров застройки, а также об информации, содержащейся в выданном градостроительном плане земельного участка.

При возможности урегулирования ситуации получением специального разрешения (на отклонение от предельных параметров застройки) суд встал на позицию, что его следует получить. При этом заяви-

---

[20] Решение Советского районного суда города Махачкалы от 2 февраля 2022 г. и кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 20 октября 2022 г. № 88а-8966/2022 по делу № 2а-1089/2022.

[21] Кассационное определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 24 марта 2021 г. № 88а-2646/2021 по делу № 2а-1218/2020, кассационное определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 16 июня 2021 г. № 88а-4749/2021 по делу № 2а-10050/2020.

[22] Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 22 февраля 2023 г. по делу № 88А-1652/2023.

[23] Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 23 октября 2019 г. № Ф10-4694/2019 по делу № А09-10868/2018.

телю было отказано в получении такого разрешения (следует из мотивировочной части постановления апелляционного суда, сам отказ не обжаловался)[24].

Как и в случае нового строительства, представлена также судебная практика буквального прочтения положений ГрК РФ вне связи с моментом возникновения прав заявителя на объекты недвижимости, на основании чего делается вывод о невозможности выдачи разрешения на реконструкцию, если таковая не направлена на уменьшение несоответствия градостроительному регламенту объекта капитального строительства[25].

Помимо прочего, судебная практика опирается на положения правил землепользования и застройки.

Например, при разрешении вопроса о соответствии предельным параметрам застройки суд учел положения документа градостроительного зонирования города о неприменении градостроительных регламентов в части установления минимальных отступов от границ земельных участков к объектам капитального строительства, поставленным на кадастровый учет до момента утверждения соответствующих правил[26].

Применение норм о несоответствующем использовании при завершении строительства

Относительно возможности завершения строительства объекта незавершенного строительства, который стал не соответствовать градостроительному регламенту, суды, как правило, исходят из наличия права у застройщика на производство таких работ[27].

Исключения могут составлять случаи отсутствия доказательств у заявителя о правомерности возведения объекта незавершенного строительства, например, не представлено ранее выданное разрешение на строительство объекта, который предполагается к завершению[28], а также наличие совокупности условий относительно степени готовности объекта и его опасности для окружающих, объектов культурного наследия, отсутствия действующего разрешения на строительство и т. п.[29]

Таким образом, для указанной категории дел по оспариванию отказов в выдаче разрешений на строительство, реконструкцию, а также уведомлений по ст. 51.1 ГрК РФ ключевую роль играет дата приобретения прав на земельный участок. С одной стороны, это соответствует принципам защиты законных ожиданий и признает несоответствующее использование как правовой механизм сохранения благоприятствующего фактора при изменении зони-

---

[24] Постановление Двадцатого апелляционного арбитражного суда от 26 июня 2019 г. № 20АП-3592/2019 по делу № А09-10868/2018.

[25] Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 7 июля 2021 г. № 88А-15892/2021.

[26] Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 29 марта 2022 г. № 88а-8632/2022.

[27] Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 19 июля 2022 г. № Ф04-3675/2022 по делу № А27-1903/2021, постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 6 июля 2021 г. № Ф03-3117/2021 по делу № А59-4887/2020, Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 22 октября 2024 г. № 307-ЭС24-9661 по делу № А56-58911/2023, п. 3 Обзора судебной практики по делам, связанным с предоставлением и использованием публичных земельных участков для целей строительства (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации от 19.11.2025).

[28] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2024 г. № 307-ЭС24-17948 по делу № А21-8897/2023.

[29] Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 15 марта 2022 г. № Ф04-889/2022 по делу № А67-5200/2021.

рования [5], но, с другой, представляется, что расширительное толкование судами положений о несоответствующем использовании создает риски для публичных интересов, так как позволяет правообладателям игнорировать актуальные градостроительные нормы.

В то же время нельзя отрицать, что попадание объекта недвижимости в категорию несоответствующего использования наносит ущерб частному интересу и не позволяет использовать весь потенциальный объем прав застройщика, который мог бы у него быть. Более того, статус несоответствующего использования является основанием для включения земельного участка в границы комплексного развития территории нежилой застройки (п. 3 ч. 4 ст. 65 ГрК РФ).

Заключение

Можно сделать вывод, что институт несоответствующего использования в целом служит инструментом защиты прав на объекты недвижимости, приобретенные до изменения градостроительных регламентов. Но его внутренняя структура усложнилась, о чем свидетельствует судебная практика: дифференциация по типам строительных изменений, а также видам объектов.

С точки зрения нового строительства суды в ряде случаев допускают возведение объекта по несоответствующему использованию, склоняясь к расширительному толкованию норм и аргументируя свое решение моментом возникновения прав частного лица (до изменений зонирования).

В вопросах реконструкции объектов по-прежнему остается неясной позиция о реализации нормы об уменьшении их несоответствия предельным параметрам застройки.

Для завершения строительства только несоответствующее использование препятствием не является при наличии подтвержденного документами правомерного основания для возведения объекта изначально и при условии его безопасности.

Особое внимание требуется уделять видам разрешенного использования, которые предусматривают строительство индивидуального жилого дома, поскольку это связано не только непосредственно с градостроительной деятельностью, но и с конституционным правом на жилище, а также определенными юридическими послаблениями для регистрации права собственности на такие объекты. Как показывает судебная практика, именно по спорам, связанным с отказами по ст. 51.1 ГрК РФ, суды более склонны расширительно толковать нормы относительно возможности возведения нового объекта, который уже не соответствует действующему градостроительному регламенту.

Одновременно с этим особенности «расширительного» применения несоответствующего использования на случаи нового строительства и реконструкции, увеличивающей такое несоответствие, вкупе с отсутствием организационно-правовых и экономических стимулов к действиям правообладателей по направлению приведения объектов недвижимости в соответствие с актуальным градостроительным регламентом также позволяют говорить и о некотором ущемлении публичных интересов в вопросах развития территории. Однако органы публичной власти при принятии решения об изменении зонирования территории должны учитывать различные факторы, в том числе и оценку фактического землепользования, и планы по преобразованию конкретных территорий.

Что касается сроков продолжительности несоответствующего использования, то отсутствие их на законодательном уровне позволяет судам ориентироваться только на момент возникновения прав при разрешении споров. В этой связи в дальнейшем будет интересна реализация положений по освоению земельных участков[30] во взаимосвязи с институтом несоответствующего использования.

---

[30] Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 307-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и статью 23 Федерального закона “О ведении гражданами садоводства и

Таким образом, исследование фактического применения института несоответствующего использования требует последующего наблюдения и продолжения дискуссии о его роли и дальнейшем развитии в законодательстве Российской Федерации.

Список источников

1. Гудзь Т. В., Солдатова Л. В., Самоловских Н. В. Принципы градостроительного зонирования в судебной практике // Правоприменение. 2023. Т. 7, № 3. С. 105–115.

2. Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М. : Норма, 2001. 752 с.

3. Зорькин В. Д. Конституционный контроль как фактор совершенствования российского законодательства // Журнал российского права. 2023. № 5. С. 86–102.

4. Роор К. А. Соотношение эстоппеля и доктрины законных ожиданий // Вестник арбитражной практики. 2017. № 3. С. 55–62. (СПС «КонсультантПлюс».)

5. Винницкий А. В., Харинов И. Н. Отмена в порядке самоконтроля благоприятствующих административных актов // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2020. № 6. С. 50–63. URL: https://electronic.ruzh.org/?q=ru/node/1711.

References

1. Gudz T. V., Soldatova L. V., Samolovskikh N. V. Principles of legal zoning in the judicial practice. *Law Enforcement Review*. 2023;7(3):105-115. (In Russ.)

2. Alekseev S. S. *Ascent to law. Searches and solutions.* Moscow: Norma; 2001. 752 p. (In Russ.)

3. Zorkin V. D. Constitutional review as a factor in improving Russian legislation. *Journal of Russian Law*. 2023;(5):86-102. (In Russ.)

4. Roor K. A. Estoppel and the doctrine of legitimate expectations co-relation. *Vestnik arbitrazhnoj praktiki = Bulletin of Arbitration Practice*. 2017;(3):55-62. (In Russ.) (LRS “ConsultantPlus”.)

5. Vinnickiy A. V., Kharinov I. N. Cancellation of favourable administrative acts by way of self-control. *Electronic Supplement to the Russian Juridical Journal.* 2020;(6):50-63. (In Russ.) URL: https://electronic.ruzh.org/?q=ru/node/1711.

Информация об авторе

Н. В. Самоловских – соискатель.

Information about the author

N. V. Samolovskikh – applicant.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 28.11.2025; одобрена после рецензирования 26.12.2025; принята к публикации 12.02.2026.

The article was submitted 28.11.2025; approved after reviewing 26.12.2025; accepted for publication 12.02.2026.

огородничества для собственных нужд” и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 33 (ч. II). Ст. 5003.

Российское правосудие. 2026. № 4. С. 40–53
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 4. P. 40–53
УДК 347.77 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.4.40-53

Научная статья

Правовые основы определения размера компенсации за нарушение исключительных прав на товарные знаки в цифровой среде

Рим Наильевич Адельшин[1], Сергей Петрович Рогожин[2]

[1, 2] Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация

[1] adelshinrn@rsuj.ru, https://orcid.org/0000-0003-3724-7034

[2] rogozhin@rsuj.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка описания условий и критериев оснований нарушений прав на домен, а также установления материальных и процессуальных особенностей определения справедливого размера компенсации при рассмотрения судами споров, связанных с защитой исключительных прав на товарные знаки. Рассмотрены также вопросы, связанные с конкуренцией требований и ответственности в сфере использования товарных знаков в цифровой среде.

Анализируются положения части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации, судебная практика 2020–2025 гг., позиции Суда по интеллектуальным правам и Верховного Суда Российской Федерации, а также изменения законодательства, вступившие в силу с 4 января 2026 г. Выявлены основные тенденции современного правоприменения, и предложены прогнозы развития судебных подходов к формированию справедливых и соразмерных компенсаций.

Использованы: системный подход к изучаемому объекту, методы индукции и дедукции, анализа, синтеза, метод сравнительного правоведения, эмпирический и исторический методы изучения законодательства.

Ключевые слова: товарный знак, исключительное право, интернет, цифровая среда, компенсация, Суд по интеллектуальным правам, интеллектуальная собственность

Для цитирования: Адельшин Р. Н., Рогожин С. П. Правовые основы определения размера компенсации за нарушение исключительных прав на товарные знаки в цифровой среде // Российское правосудие. 2026. № 4. С. 40–53. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.6.40-53.

Original article

Legal Basis for Determining the Amount of Compensation for Infringement of Exclusive Trademark Rights in the Digital Environment

Rim N. Adelshin[1], Sergey P. Rogozhin[2]

[1, 2] Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Moscow, Russian Federation

[1] adelshinrn@rsuj.ru, https://orcid.org/0000-0003-3724-7034

[2] rogozhin@rsuj.ru

Abstract. The article describe the conditions and criterias for the grounds for violations of domain rights, as well as to establish the material and procedural features of determining the fair amount of compen-

© Адельшин Р. Н., Рогожин С. П., 2026

sation when the courts consider disputes related to the protection of exclusive trademark rights. Issues related to the competition of requirements and responsibilities in the field of trademark use in the digital environment are also considered.
The article analyzes the provisions of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation, judicial practice of 2020–2025, the positions of the Intellectual Property Rights Court and the Supreme Court of the Russian Federation, as well as legislative changes that entered into force on January 4, 2026. The main trends of modern law enforcement are identified and forecasts of the development of judicial approaches to the formation of fair and proportionate compensation are proposed.
The authors uses: a systematic approach to the studied object, methods of induction and deduction, analysis, synthesis, method of comparative jurisprudence, empirical and historical methods of studying legislation.

Keywords: trademark, exclusive right, Internet, digital environment, compensation, Intellectual Property Court, intellectual property

For citation: Adelshin R. N., Rogozhin S. P. Legal basis for determining the amount of compensation for infringement of exclusive trademark rights in the digital environment. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(4):40-53. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.4.40-53.

Политические и экономические изменения в мире и государстве влияют на экономику нашей страны. Экономико-правовые аспекты цифровизации гражданского оборота задают особый тон созданию и использованию объектов интеллектуальной собственности. Позитивный фон цифровой экономики и всевозможные санкции недружественных стран приводят к предпринимательской активности наших предприятий и граждан, направленной на нейтрализацию негативных последствий от их введения. Одним из таких видов является использование новых средств индивидуализации для производства товаров, выполнения работ и оказания услуг. Развитие цифровой экономики и электронной коммерции привело к росту числа нарушений исключительных прав на товарные знаки в сети «Интернет» и в цифровой среде в целом. Незаконное использование чужих обозначений в доменных именах, на сайтах, в контекстной рекламе и социальных сетях стало одной из самых актуальных проблем в сфере интеллектуальной собственности. В связи с этим особое значение приобретает вопрос правовых основ и критериев определения размера компенсации за такие нарушения.

Товарные знаки, «осложненность» цифровым элементом. Использование товарного знака в сети «Интернет» нередко имеет негативные нематериальные последствия – формирует ложные ассоциации, вводит потребителей в заблуждение, снижает репутационную ценность бренда. Эти факторы повышают значимость компенсации как меры юридической ответственности, выполняющей не только восстановительную, но и превентивную функцию. При определении суммы компенсации суды руководствуются принципом соразмерности, учитывая как интересы правообладателя, так и необходимость предотвращения злоупотребления правом, при этом слишком крупный ее размер возможен только при доказанности значительного масштаба нарушения.

Суды зарубежных государств также ориентируются на фактические последствия нарушения, доход нарушителя и степень узнаваемости бренда.

Интернет-пространство и локальная, изолированная цифровая среда обладают рядом особенностей, осложняющих защиту прав на товарные знаки, такими как анонимность пользователей и сложность идентификации нарушителя, трансграничный характер нарушений (сайты могут находиться за пределами России), охват широкой аудитории и быстрое проникновение информации в цифровую среду, закрытость и обособление процедур информационного обмена, сложность доказывания факта использования товарного знака именно на-

рушителем и др. Указанное также влияет на определение в таких правовых явлениях точного паритета между нарушителем и правообладателем.

Нарушения чаще всего могут проявляться в разных формах: использование чужого знака в доменных именах (киберсквоттинг), размещение знака без согласия правообладателя на сайтах и в социальных сетях, применение обозначений в контекстной рекламе или SEO-продвижении, реализация контрафактных товаров в интернет-магазинах и, как следствие или как совокупность, нарушение прав на товарные знаки присутствия на рынке.

Компании все чаще применяют внесудебные процедуры защиты – блокировку доменов, жалобы на платформы (YouTube, Instagram, Google Ads), что позволяет оперативно реагировать на онлайн-нарушения. Суды учитывают характер и последствия нарушения, степень вины нарушителя, известность товарного знака, наличие коммерческой выгоды, масштаб распространения информации.

Согласно данным Роспатента, с начала 2024 г. российский бизнес активно регистрирует новые товарные знаки, индивидуализирующие одежду, обувь; электронику; бытовую химию и косметику, а также хлебобулочные и кондитерские изделия[1]. Поэтому возникает необходимость создавать яркие, узнаваемые для потребителей средства индивидуализации, в том числе в цифровой среде.

Подлежащие осмыслению базовые категории, относимые к правовому режиму товарного знака, – это конкуренция и монополия. Конкуренция – это борьба за потребителя, а монополизация на основе здоровой конкуренции, с совпадением интересов, защищенных правом, в отсутствие злоупотреблений доминирующим положением есть базис для существования в обороте таких средств индивидуализации, как товарные знаки. В этом смысле регулирование исключительных прав на товарные знаки преследует будто бы противоположные цели, ведь институт прав на обозначение товарного знака обеспечивает охрану монополии правообладателя [1].

Результаты исследования

Возмещение убытков – компенсация вместо возмещения убытков. Компенсационная мера как специальное средство защиты интеллектуальных прав и как специфическая форма гражданско-правовой ответственности дает возможность не только восстановить имущественную сферу, но и защитить личные неимущественные исключительные права. Компенсационная мера может быть отнесена к специальным средствам защиты интеллектуальных прав, что выражается в том, что основа удовлетворения – это требование о компенсации за нарушение исключительного права. Такая мера установлена законодательством как альтернативный способ защиты, по которому не требуется доказывание размера потерь, связанных с имуществом.

Таким образом, учитывая классическую постановку вопроса о компенсации в сфере защиты интеллектуальных прав, следует отметить, что сторонам спора в области защиты интеллектуальных прав, использующим «возмещение убытков» либо «компенсацию вместо возмещения убытков», следует определиться с выбором способа защиты в отсутствие допущений о «манипуляциях» с такими, по сути, «парными» способами защиты. Такие способы защиты существуют в некоем симбиозе, исключающем злоупотребление правом. Противопоставление двух указанных способов защиты нарушенных интеллектуальных прав сохраняется даже при указанных обстоятельствах и особо остро ощущается при исчислении

[1] *Зубов Ю.* Российские бренды ставят новые рекорды // Роспатент. Федеральная служба по интеллектуальной собственности : [сайт]. URL: https://rospatent.gov.ru/ru/news/rospatent-04042024 (дата обращения: 09.08.2025).

размера компенсации, которая, как известно, определяется судом в зависимости от обстоятельств дела соразмерно объему и характеру нарушения, а также с учетом требований разумности и справедливости (п. 2 ст. 1252.1 ГК РФ).

Кроме того, вопрос выбора правового режима компенсации связан с возможностью ее выплаты наряду с использованием, к примеру, мер ответственности и способов защиты в сфере авторского и патентного права согласно ст. 1301, 1406.1 ГК РФ.

Поскольку действующее законодательство допускает применение только одного из указанных способов защиты нарушенных интеллектуальных прав, для целей выявления критериев конкуренции требований все же необходимо применить императивную норму ГК РФ, разграничивая эти способы [2, с. 38].

В связи с неверным выбором стороной способа защиты возможна судебная ошибка.

Учитывая, что практика взыскания убытков сложилась как исключительная, взоры правоприменителей обращены к компенсации за такие правонарушения ввиду ее привлекательности из-за отсутствия обязанности доказывания размера причиненных убытков согласно ст. 1252.1 ГК РФ.

Рассмотрим судебную практику по средствам индивидуализации в сети «Интернет».

1. Киберсквоттинг

ООО «ЛУНДА» обратилось в Арбитражный суд Московской области с иском к Леонтьеву И. В. с запретом использовать обозначение «ЛУНДА» и «LUNDA» в доменном имени ЛУНДА.РФ и LUNDA.SU при предложении к продаже, продаже, рекламе оборудования для отопления, водоснабжения и канализации. Данное правонарушение выражалось в регистрации и использовании доменного имени, идентичного или сходного до степени смешения с товарным знаком общества, поскольку на домене, схожем с обозначением общества, размещался сайт с контрафактной продукцией, тогда как согласно п. 3 ст. 1484 ГК РФ никто не вправе использовать его без разрешения правообладателя.

Использование товарного знака в домене в данном случае имело очевидно коммерческий характер и могло вводить потребителей в заблуждение[2].

2. Использование товарных знаков в контекстной рекламе (поисковых системах)

Использование товарного знака в «невидимой части» рекламы («метатеги», ключевые слова) также является использованием в смысле ст. 1484 ГК РФ, если оно направлено на привлечение пользователей к чужим услугам. Контекстная реклама с использованием чужих знаков без согласия правообладателя признается незаконным использованием, даже если знак не отображается в тексте объявления.

По смыслу действующего законодательства словесное упоминание чужого товарного знака не является использованием этого знака, если не вызывает смешения продукции (услуг) правообладателя и лица, использующего такое словесное упоминание[3].

Общество «Омниканальные технологии» обратилось в Арбитражный суд г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области с исковым заявлением к обществу «ИТ Проспект» о запрете использовать товарный знак «LiveTex» без его согласия, в частности, запретить размещать товарный знак, а также сходные до степени смешения обозначения на сайте при рекламировании в сети «Интернет» своих услуг.

---

[2] См. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2020 г. № 305-ЭС20-16127 по делу № А41-85820/2019. Здесь и далее доступ из СПС «КонсультантПлюс», если не указано иное.

[3] См. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 16 января 2019 г. № 305-КГ18-22963 по делу № А40-200682/2017.

По мнению суда, использование в ключевых словах контекстной рекламы чужого обозначения позволяет продвигать свой товар за счет перехвата аудитории конкурентов, что является недобросовестной конкуренцией. С общества «ИТ Проспект» взыскано 500 тыс. руб. компенсации.

Суд по интеллектуальным правам, направляя дело на пересмотр, указал, что в материалах дела отсутствуют доказательства размещения ответчиком товарного знака «LiveTex», а также размещения сходного до степени смешения наименования на сайте ответчика. В материалах дела также отсутствует доказательство исключительных прав истца на торговое наименование и фирменное наименование «Омниканальность».

Согласно правовой позиции высшей судебной инстанции, изложенной в п. 172 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10[4], использование рекламодателем при размещении контекстной рекламы в сети «Интернет» в качестве критерия для показа рекламного объявления ключевых слов (словосочетаний), тождественных или сходных до степени смешения с принадлежащим другому лицу средством индивидуализации, с учетом цели такого использования может быть признано актом недобросовестной конкуренции (ст. 14.6 Федерального закона «О защите конкуренции», ст. 10.bis Парижской конвенции). Установление факта недобросовестной конкуренции может служить основанием для предъявления иска о взыскании убытков с нарушителя исключительного права. Для взыскания же компенсации на основании положений ст. 1515 ГК РФ должно быть установлено нарушение исключительного права на товарный знак в смысле ст. 1484 ГК РФ[5].

Компенсация также возможна и в случае использования товарного знака в качестве ключевого слова при настройке рекламы[6]. Использование товарного знака в качестве ключевого слова рекламного объявления тоже является нарушением[7].

3. Использование товарных знаков на сайте без договора с правообладателем

Размещение на странице сайта товарного знака без разрешения правообладателя образует нарушение исключительных прав, даже если упоминание предназначено для описания ассортимента, поскольку нарушение ведет к ложной ассоциации с производителем. Суды должны учитывать не только наличие факта использования товарного знака, но и характер восприятия пользователями – способна ли ссылка вводить потребителя в заблуждение относительно связи продавца с правообладателем[8].

---

[4] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 7.

[5] См. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 2 июня 2022 г. № С01-518/2022 по делу № А56-3455/2021.

[6] См. постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 21 января 2021 г. по делу № А40-147213/2018, Определение Верховного Суда Российской Федерации от 16 июля 2021 г. № 305-ЭС21-13791 по делу № А40-147213/2018, Постановление Суда по интеллектуальным правам от 26 ноября 2019 г. № С01-1140/2019, постановление Девятого апелляционного арбитражного суда от 30 августа 2019 г. № 09АП-41158/2019, решение Арбитражного суда г. Москвы от 28 июня 2019 г. № А40-147213/2018.

[7] См. постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 17 июня 2019 г. № 15АП-5921/2019 по делу № А32-32342/2017, Постановление Суда по интеллектуальным правам 3 июня 2019 г. № С01-577/2019. См. также отказные судебные акты с описанием критериев и ситуаций по учету и распознаванию контекстной рекламы различного рода: постановления Суда по интеллектуальным правам от 13 июля 2023 г. по делу № А27-13869/2022, от 4 апреля 2022 г. по делу № А40-114479/2021.

[8] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 9 декабря 2024 г. № С01-2239/2024 по делу № А76-28418/2023 (использование обозначения «ЧТЗ», без лицензии (договора) на использование этих знаков).

4. Продажа контрафактной или оригинальной продукции в интернет-магазине

По делу Челябинского тракторного завода (ЧТЗ) Арбитражный суд Челябинской области, установив умышленный характер нарушения, направленного на получение прибыли, взыскал с ООО «МашСервис» в пользу ЧТЗ компенсацию за нарушение исключительных прав на два товарных знака в размере 10 млн руб. Суд по интеллектуальным правам поддержал данный вывод, указав, что ответчик незаконно использует обозначения, сходные со спорными товарными знаками в отношении однородных товаров, создавая угрозу смешения в гражданском обороте, восприятия потребителями спорной продукции в качестве продукции истца. При продаже такой контрафактной продукции через интернет существенно увеличивается масштаб нарушения (его негативный эффект), что оправдывает повышенный размер компенсации[9]. Верховный Суд Российской Федерации Определением от 3 июня 2025 г. № 309-ЭС25-764 вернул дело на новое рассмотрение[10].

В результате анализа позиций Суда по интеллектуальным правам можно прийти к выводу о том, что нарушение в сети «Интернет» приравнивается к традиционным формам использования товарного знака. Использование товарного знака в доменных именах, на сайтах, в рекламе и «метатегах» – это формы использования по смыслу ст. 1484 ГК РФ. При определении компенсации приоритетными критериями являются: масштаб распространения информации, наличие коммерческой выгоды, известность знака, длительность нарушения, умысел, договорные основания использования, их некорректность или отсутствие.

Компенсация должна иметь превентивный, а не карательный характер, т. е. быть достаточной для предотвращения подобных нарушений, но не приводить к необоснованному обогащению правообладателя.

При рассмотрении дел о защите товарных знаков за последние четыре года выявлены следующие тенденции.

• ***Усиление индивидуализированного подхода к размеру компенсации.*** С 2022 года в судебной практике по делам о защите товарных знаков в интернете наблюдается отход от формального назначения компенсации «по максимуму». Суды все чаще применяют принцип соразмерности (ст. 10 и п. 3 ст. 1515 ГК РФ), учитывая: умысел нарушителя и степень его вины; продолжительность и масштаб распространения информации в сети; известность и коммерческую ценность товарного знака; прибыль, полученную ответчиком; поведение истца (в том числе злоупотребление правом при массовом взыскании компенсаций).

Так, суды должны избегать «формализованного присуждения компенсации», когда правообладатель заявляет миллионы рублей за единичное использование знака без доказательства коммерческой выгоды.

Суды склонны снижать размер компенсации до символических 50–100 тыс. руб. при отсутствии доказательств ущерба. Имеется тенденция к применению гибкого подхода и формированию дифференцированных критериев: от минимальных сумм для формальных нарушений до повышенных – для системных или коммерчески выгодных.

• ***Развитие практики по цифровым платформам и контенту.*** С 2022 года активно формируется практика защиты товарных знаков на маркетплейсах (Ozon, Wildberries, Aliexpress) и в социальных сетях. Правообладатели все чаще обращаются с исками не только против продавцов, но и против платформ как посредников, способствующих обороту контрафактной продукции.

---

[9] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 9 декабря 2024 г. № С01-2239/2024 по делу № А76-28418/2023.

[10] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 3 июня 2025 г. № 309-ЭС25-764.

К примеру, правообладатель товарных знаков «Magistr» (Магистр), «Titan», «MEGA DRIVE» предъявил иск против продавца на маркетплейсе Wildberries о взыскании компенсации в размере 400 тыс. руб. за использование объектов интеллектуальной деятельности без надлежащего разрешения правообладателя[11].

Очевидно, что сама площадка при наличии уведомления о нарушении обязана предпринимать меры блокировки нарушителя. На наш взгляд, цифровые площадки, не реагирующие на уведомления, должны нести вторичную (косвенную) ответственность.

Таким образом, суды развивают подход, при котором интернет-платформы смогут нести солидарную ответственность, если не приняли разумных мер для прекращения нарушений.

• ***Использование товарных знаков в метатегах и SEO.*** В настоящее время судебная практика окончательно утвердила подход: скрытое использование товарного знака (в коде страниц, метатегах, хештегах) может считаться нарушением, если оно направлено на привлечение внимания к чужим товарам или услугам. А как быть, например, с ситуацией, когда компания использовала чужой бренд в тегах на сайте и соцсетях? Суд предполагаемо признает это «фактическим использованием» в коммерческих целях и взыскивает компенсацию. Налицо тенденция: суды приравнивают цифровые и офлайн-формы нарушения по правовым последствиям, что усиливает защиту правообладателей в онлайн-среде.

• ***Минимизация ущерба и исправительные действия нарушителя.*** С 2022 года при выборе размера компенсации суды стали уделять внимание поведению нарушителя после обнаружения нарушения – удалил ли он контент, прекратил ли использование домена, сотрудничал ли при разбирательстве. Если нарушитель добровольно устранил нарушение до подачи иска или представил доказательства отсутствия прибыли, суды значительно снижают размер компенсации. Такая позиция направлена на стимулирование урегулирования споров без злоупотреблений и массовых «штрафных» исков.

Несмотря на то что судебной практикой выработаны определенные тенденции в специфике защиты товарных знаков, возникают новые или забытые «нюансы».

• ***Использование товарного знака в адресной строке сайта.*** Использование товарного знака в адресной строке сайта не является нарушением исключительного права на товарный знак, если такие действия не направлены на индивидуализацию товаров (услуг) и не возникает вероятность смешения товаров, принадлежащих истцу и ответчику, или оказываемых ими услуг.

При этом Верховный Суд указал, что действия, не направленные на индивидуализацию товаров и услуг, в результате которых не возникает вероятность смешения обозначений, нарушением исключительного права на товарный знак не являются, даже если такие действия прямо поименованы в п. 2 ст. 1484 ГК РФ[12].

Исковая давность в спорах о праве на товарный знак. Заслуживает внимания подход Верховного Суда Российской Федерации к определению срока начала течения исковой давности и уточнению соответствующего подхода судов при оспаривании договора и взыскании компенсации. Срок исковой давности по требованию о взыскании компенсации за наруше-

---

[11] См. постановление Девятого апелляционного арбитражного суда от 11 августа 2025 г. № 09АП-25930/2025-ГК по делу № А40-16938/25.

[12] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2025) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 22 декабря 2025 г. (п. 22) // Верховный Суд Российской Федерации : [сайт]. URL: https://www.vsrf.ru/documents/all/35269/.

ние исключительного права на товарный знак в связи с недействительностью договора о его отчуждении начинает течь с момента, когда истцу должно было стать известно о негативных последствиях, вызванных поведением нарушителя.

Так, нижестоящие суды безосновательно полагали, что последовательность споров (об оспаривании договора и о взыскании компенсации) влияет на начало течения срока исковой давности. Если для удовлетворения иска по второму делу необходимо решение по первому делу, то рассмотрение первого спора не приостанавливает давность по второму, поскольку истец имеет возможность подать иск о взыскании компенсации и заявить ходатайство о его приостановлении до рассмотрения заявления о недействительности договора[13].

При этом следует учитывать, что моменты получения истцом информации об определенных действиях ответчика (в частности, о заключении недействительного договора) и о нарушении этими действиями прав истца могут не совпадать.

Использование товарных знаков в цифровой среде. Не всякое использование товарных знаков идентично, как было указано выше, и, к примеру, в составе цифровых продуктов может ввести потребителей в заблуждение.

При использовании поисковой web-среды могут быть учтены образы и написание товарных знаков, которые могут быть зарегистрированы как словесные обозначения. В такой ситуации возникает резонный вопрос об ответственности интернет-сервиса и нарушителя исключительного права на товарный знак, поскольку, как правило, правообладатель привлекает в качестве ответчика и такой сервис, и нарушителя.

О субъектном составе. Информационные посредники – это лица, которые осуществляют свою деятельность с информацией (материалами), созданной другими лицами в сети «Интернет», действующие от своего имени, выполняющие свою деятельность на возмездной основе и имеющие специальные требования к разным видам информационно-посреднической деятельности, правовой статус которых полностью не определен.

В связи с этой неопределенностью считаем необходимым характеризовать информационных посредников как лиц, предоставляющих возможность размещения материала в информационно-телекоммуникационной сети, в том числе в сети «Интернет», и в качестве лиц, предоставляющих возможность размещения информации, необходимой для получения материала с использованием информационно-телекоммуникационной сети, в том числе сети «Интернет», являющихся самостоятельным типом информационных посредников. Указанные лица не несут ответственность за нарушение интеллектуальных прав при соблюдении определенных условий (подробнее об этом см.: [3]).

Исходя из разъяснений Верховного Суда Российской Федерации, суд самостоятельно устанавливает, является ли конкретное лицо информационным посредником, с учетом характера его деятельности. Если лицо осуществляет деятельность, которая указана в ст. 1253.1 ГК РФ, то оно признается информационным посредником в части осуществления данной деятельности. Если лицо осуществляет одновременно различные виды деятельности, то вопрос о его отнесении к информационному посреднику должен решаться применительно к каждому виду деятельности[14].

Общая проблематика в части иммунитета информпосредников, оказывающих сервисы доступа к сети (передачу данных; кеширование и хостинг), заключается в том, что имеется

[13] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2025) (п. 23).

[14] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» (п. 77).

прямое указание на исключение ответственности поискового сервиса при размещении ключевых слов, нарушающих исключительное право на товарный знак. Судебная практика делает это возможным и распространяет на них эти правила[15].

Использование ключевых слов, сходных до степени смешения с товарным знаком конкретного правообладателя, в том числе такими посредниками, приводит к введению потребителя в заблуждение относительно происхождения товара либо наличия правовой связи между рекламодателем и правообладателем товарного знака или затрудняет определение происхождения товара пользователя интернета [4, с. 11].

Товарные знаки в составе доменных имен. Доменные споры – категория споров об использовании в доменных именах обозначений, сходных со средствами индивидуализации (например, товарными знаками), права на которые принадлежат третьим лицам.

Использование домена и приобретение прав на него могут быть нарушением исключительных прав на товарный знак. Обычно истец должен доказать сходство домена с товарным знаком. Нельзя обойти вниманием и использование товарного знака в составе доменного имени сайта его правообладателя, а также использование обозначений, сходных до степени смешения, в составе доменного имени лица иного, нежели правообладатель товарного знака.

При использовании доменного имени заявитель должен доказать два обстоятельства: то, что он является правообладателем товарного знака, и то, что доменное имя ответчика сходно до степени смешения с этим товарным знаком. При разрешении вопроса о смешении проводятся визуальное и звуковое сравнения товарного знака и доменного имени.

Компании ПАО «Газпром» стало известно о регистрации доменного имени «gasprom-arena.ru» компанией «Датахост ЛТД». Указанное имя не использовалось для размещения сайта, однако такое действие может быть рассмотрено в контексте недобросовестной конкуренции согласно общему правилу. Компания «Датахост Лтд» была «поймана» за занятием массовой регистрацией доменов с использованием чужих торговых марок для их последующей перепродажи. Суды первой и второй инстанций определили, что налицо случай недобросовестной конкуренции, и постановили, чтобы регистратор передал спорный домен истцу.

Суд установил, что ответчик не имеет самостоятельного намерения использовать домен. Домен был зарегистрирован только с целью его дальнейшей продажи другим компаниям. В связи с этим суд пришел к выводу, что регистрация спорного доменного имени является результатом недобросовестных действий администратора домена. Суд по интеллектуальным правам, выступавший в качестве кассационной инстанции, отправил дело на новое рассмотрение по процессуальным основаниям, не отменяя выводов нижестоящих судов по существу спора[16].

До 2022 года не принято было считать «обратную замену» домена незаконной. Суды удовлетворяли иски владельцев младших товарных знаков против админов старших доменов, потому что доменные имена – не объекты исключительных прав и дата их регистрации не влияет на оценку законности использования товарного знака. В 2022 году Суд по интеллектуальным правам постановил[17], что такие действия являются примером недобросовестной конкуренции и злоупотребления правом. Эта позиция была поддержана в практике 2023 г.

---

[15] Решение ECJ от 23 марта 2010 г. по делу «Google France SARL and Google Inc. vs Louis Vuitton Malletier SA and Others» // Официальный сайт Европейского союза. URL: https://infocuria.curia.europa.eu/tabs/affair?sort=AFF_NUM-DESC&searchTerm=%22C-236%2F08%22&publishedId=C-236%2F08&lang=EN.

[16] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 7 декабря 2023 г. № С01-1383/2023 по делу № А40-207146/2022.

[17] Там же.

Таким образом, в сфере «доменного» права принципы и способы реализации права на компенсацию существенно отличны от классических.

Процессуальные аспекты при защите товарных знаков. В части 4 ст. 1515 ГК РФ установлены три способа определения размера компенсации за нарушение исключительных прав на товарный знак. Вроде все ясно и понятно: обращайся с претензией к нарушителю; если ответ на претензию не поступил или получен отрицательный ответ, правообладатель обращается в суд за взысканием компенсации в принудительном порядке. Однако единообразия нет.

При обращении в суд у правообладателя возникает обязанность доказать определенные обстоятельства, без установления которых вероятность взыскания компенсации стремится к нулю. При этом обязанностей по доказыванию у правообладателя – будущего истца – больше, чем у нарушителя (ответчика).

Истец должен:

1) доказать, что он является правообладателем исключительных прав на товарный знак;

2) доказать факт нарушения исключительных прав на товарный знак. При этом из представленных доказательств должно явным образом следовать понимание, каким способом был использован товарный знак, какие обстоятельства свидетельствуют о том, что используемое ответчиком действие, указанное в подп. 5 п. 2 ст. 1484 ГК РФ, подпадает под правонарушение;

3) обозначить твердый размер заявленной компенсации и указать количество нарушений, а также представить доказательства, обосновывающие такой размер (кроме случая минимального размера компенсации). Например, в случае взыскания компенсации в двукратном размере стоимости права использования товарного знака либо в двукратном размере стоимости контрафактных экземпляров (товаров) истец должен представить расчет и обоснование взыскиваемой суммы (договоры, накладные, чеки и т. п.). Если таких доказательств у истца нет, то истец вправе ходатайствовать перед судом об истребовании их у ответчика или лиц, у которых такие сведения есть.

У ответчика только одна обязанность – представить доказательства выполнения им требований законодательства при использовании соответствующих обозначений. На практике эта обязанность реализуется ответчиком в трех возможных вариантах.

1. Ответчик является ненадлежащим. Как правило, данный вариант предполагает, что истец при фиксации нарушения в сети «Интернет» использует информацию о нарушителе, указанную на сайте доменного имени. Но по общему правилу, если иное не следует из обстоятельств дела и представленных доказательств, считается, что владельцем сайта является администратор доменного имени, адресующего на соответствующий сайт. Поэтому при рассмотрении дела по ходатайству истца суд истребует от провайдера сведения о владельце сайта, который и будет надлежащим ответчиком по делу.

2. Ответчик использует обозначение в отношении товаров, не зарегистрированных для товарного знака истца или однородных им. Например, товарный знак истца зарегистрирован в отношении товаров «минеральная вода», а ответчик использует точно такое обозначение в отношении услуг «санаторно-курортное лечение».

3. Ответчик использует обозначение, степень сходства которого с товарным знаком и/или степень однородности товаров не порождают вероятность смешения у потребителя. При этом установление такого сходства является прерогативой суда с учетом представленных сторонами доказательств.

Но на этом материальные и процессуальные вопросы взыскания компенсации не заканчиваются. После выполнения процессуальных обязанностей сторонами по делу суд устанавливает: было ли нарушение исключительных прав на товарный знак, каким способом, как

долго, а также количество таких нарушений. Установление указанных обстоятельств является очень важным при определении размера компенсации, особенно когда такой размер заявлен в твердом размере. Так как эти и другие критерии – наличие и степень вины нарушителя (в том числе носило ли нарушение грубый характер, допускалось ли оно неоднократно), вероятные имущественные потери правообладателя, являлось ли использование результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации, права на которые принадлежат другим лицам, существенной частью хозяйственной деятельности нарушителя – признаются обстоятельствами, с учетом которых суд определяет размер подлежащей взысканию компенсации.

При этом важно подчеркнуть, что суд не вправе по своей инициативе снижать нижний порог размера компенсации. Для ниже низшего размера компенсации законодатель, а потом и Конституционный Суд Российской Федерации установили критерии (обстоятельства), при совокупности которых по ходатайству ответчика суд вправе снизить минимальный размер компенсации за каждое нарушение.

Вследствие того, что компенсация – это, по сути, главное и самое популярное средство правовой защиты правообладателей (90% исков), многочисленная судебная практика характеризуется активным использованием правообладателями возможностей для искусственной мультипликации нарушений, заявления несоразмерного размера компенсации, носящего явно карательный характер, сопряженного с злоупотреблениями со стороны правообладателей[18].

Заключение

Федеральным законом от 7 июля 2025 г. № 214-ФЗ[19] (далее – Закон № 214-ФЗ) внесены изменения в часть четвертую ГК РФ, вступившие в силу 4 января 2026 г., которые повлияют на порядок защиты исключительных прав, включая товарные знаки. Предполагается, что компенсация станет более гибкой и экономически обоснованной: суд будет учитывать характер и последствия нарушения (масштаб, умысел, повторность), реальную стоимость использования товарного знака, прибыль нарушителя, репутационные потери правообладателя, обстоятельства заключения договора, отношения с правообладателями.

Закрепление цифровых форм использования и возможность взыскания «комбинированной компенсации»

В статье 1484 ГК РФ указано, что использование знака в доменах, рекламных метатегах, электронных площадках и соцсетях – это использование в гражданско-правовом смысле. Это

---

[18] Данная ситуация стала предметом рассмотрения Конституционным Судом Российской Федерации. См. постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 24 июля 2020 г. № 40-П «По делу о проверке конституционности подпункта 2 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда», от 13 декабря 2016 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросами Арбитражного суда Алтайского края» и от 13 февраля 2018 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487 и пунктов 1, 2 и 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью “ПАГ”», от 14 декабря 2023 г. № 57-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 1252 и подпункта 2 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Суда по интеллектуальным правам».

[19] Федеральный закон от 7 июля 2025 г. № 214-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации : [сайт]. URL: https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-07072025-n-214-fz-o-vnesenii-izmenenii/.

положение устранит пробел и сделает выводы судов более предсказуемыми в отношении юридической квалификации.

Суд сможет определить компенсацию, исходя как из стоимости лицензии, так и из масштаба нарушения в сети (например, количество просмотров, охват, трафик сайта).

Суды получат больше полномочий для снижения компенсации при отсутствии вины. Предполагается, что незначительные и непреднамеренные нарушения, особенно в цифровой среде, будут компенсироваться в меньших размерах, что предотвратит злоупотребления со стороны правообладателей.

Законом № 214-ФЗ установлены новые пределы размера компенсации – как нижний, так и верхний – в новой дефиниции ст. 1252.1 «Компенсация за нарушение исключительного права». Предусмотрены также усиление правовосстановительной направленности, уменьшение элементов большего судебного усмотрения и дискреции при выборе как способа, так и размера компенсации (всего 14 пунктов).

В новой редакции ст. 1252 ГК РФ уточнено, чтó является нарушением исключительного права. При этом остались возможности для мультипликации, но появились специальные положения: общее правило о расчете компенсации, а также специальные правила о расчете компенсации при множественности нарушений. Размер компенсации определяется судом в зависимости от обстоятельств дела соразмерно объему и характеру нарушения, а также с учетом требований разумности и справедливости.

В пункте 4 ст. 1252.1 ГК РФ определено: если в одном контрафактном материальном носителе незаконно использовано несколько результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации (РИД/СИ), то общий размер компенсации не может быть больше двукратного максимального размера / двукратной стоимости / 220% (для авторского права). Расчет делается на основании совокупности нарушений, а не за каждое в отдельности. Минимальный размер не ниже нижней планки / однократной стоимости / 150% стоимости контрафакта или права использования (для авторского права), что также получило разъяснения Конституционного Суда Российской Федерации в Постановлении от 24 июля 2020 № 40-П.

Множественность способов использования

Согласно п. 5 ст. 1252.1 ГК РФ компенсация не взыскивается в случае применения такого способа использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, который объективно необходим для применения другого способа использования и сам по себе не имеет самостоятельного экономического значения (единое нарушение[20]).

Особо актуальным нововведением представляется *множественность правообладателей* (актуально для географического указания / наименования места происхождения товаров). Изменение позиции Верховного Суда Российской Федерации вводит, по сути, потенциально новую категорию споров[21].

---

[20] Ранее существовало правило о единой экономической цели и едином нарушении. См.: Рекомендации Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам по вопросам, возникающим при установлении одной экономической цели и единства намерений правонарушителя (пункты 56 и 65 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации») (утв. постановлением президиума Суда по интеллектуальным правам от 15 февраля 2023 г. № СП-22/4). Доступ из СПС «Гарант».

[21] См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 г. № 308-ЭС22-9213 по делу № А63-13005/2020. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-15112022-n-308-es22-9213-po-delu-n-a63-130052020/.

Возможность соглашения между правообладателями

Требования правообладателя и лицензиата по исключительной лицензии признаны солидарными. Особо актуально совместное обладание результатом интеллектуальной деятельности[22] (п. 2 и 3 ст. 1229 ГК РФ).

Также интересна позиция о нескольких правообладателях: поставлен вопрос о возможности включения товарного знака в паевый инвестиционный фонд[23]. В связи с этим особо актуальна дискуссия о том, что, если нарушено исключительное право на РИД/СИ, принадлежащее нескольким правообладателям, с требованием о взыскании компенсации может обратиться любой из правообладателей или несколько из них (п. 6 ст. 1252.1 ГК РФ). При этом лицо, обратившееся с требованием, обязано передать взысканную им компенсацию всем правообладателям в равных долях, если иное не предусмотрено законом, соглашением правообладателей или не вытекает из существа отношений между ними.

После вступления в силу в 2026 г. изменений в ГК РФ можно ожидать: стандартизации судебных подходов при определении компенсации, учета цифровых доказательств (метаданные, логи, цифровые следы), развития «пропорциональной ответственности» для посредников и платформ, формирования реальных рыночных ориентиров для оценки стоимости прав на товарный знак, роста числа досудебных урегулирований через механизмы жалоб на платформах.

Изменения части четвертой ГК РФ создают нормативные условия для формализации цифровых видов использования и справедливого определения размера компенсации. Складывающаяся тенденция перехода от формальной «штрафной» компенсации к экономически и юридически взвешенному механизму позволит стимулировать добросовестность участников рынка и обеспечить баланс интересов правообладателя и пользователя.

Список источников

1. Senftleben M. Trade mark protection – a black hole in the intellectual property galaxy? // International Review of Intellectual Property and Competition Law. 2011. Vol. 42, no. 4. P. 383–387. URL: https://www.researchgate.net/publication/296125824_Trade_Mark_Protection_-_A_Black_Hole_in_the_Intellectual_Property_Galaxy.

2. Булаевский Б. А. Некоторые вопросы выбора способа защиты нарушенного права в делах о защите интеллектуальных прав // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 6. С. 36–41.

3. Адельшин Р. Н. Правовое положение участников сделок и структура обязательства в цифровой среде // LEGALTECH в сфере предпринимательской деятельности : коллектив. моногр. / отв. ред. И. В. Ершова, О. В. Сушкова. М. : Проспект, 2024. С. 42–54.

[22] Законопроект № 479514-8 «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» (о сообладании исключительным правом) прошел первое чтение // Система обеспечения законодательной деятельности : [сайт]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/479514-8.

[23] Право паевого инвестиционного фонда быть правообладателем исключительного права на товарный знак подтверждено судом. См.: Решение Арбитражного суда г. Москвы от 17 июня 2024 г. по делу № А40-29026/2024; Постановление Девятого апелляционного арбитражного суда от 30 декабря 2025 г. № 09АП-60083/2025 (Фабула дела: АО «Центротраст», являясь доверительным управляющим Комбинированного ЗПИФ «Капитал – 21 век», представило в Роспатент заявление о регистрации отчуждения исключительного права на товарный знак на основании договора об отчуждении исключительного права на товарный знак, заключенного между Заявителем и ООО «Крекинг-Проф». Правовое обоснование указания в качестве приобретателя исключительного права на товарный знак АО «Центротрас» Д.У. Комбинированным ЗПИФ «Капитал – 21 век»). URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/9ff42b80-2f7f-423f-9af9-75206ee02089/3f724159-14e9-4079-8f22-a425e3b5e5d5/A40-29026-2024_20260111_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True.

4. Моргунова Е. Информационный посредник в гражданских спорах о защите авторских прав // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2016. № 1. С. 5–12.

References

1. Senftleben M. Trade mark protection – a black hole in the intellectual property galaxy? *International Review of Intellectual Property and Competition Law.* 2011;42(4):383-387. URL: https://www.researchgate.net/publication/296125824_Trade_Mark_Protection_-_A_Black_Hole_in_the_Intellectual_Property_Galaxy.

2. Bulaevsky B. A. Some questions of selecting the method of protecting the breach of law in the protection of intellectual rights. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2017;(6):36-41. (In Russ.)

3. Adelshin R. N. The tegal status of participants in transactions and the structure of obligations in the digital environment. In: I. V. Ershova, O. V. Sushkova, eds. *Legaltech in the sphere of entrepreneurial activities*. Collective monograph. Moscow: Prospekt; 2024. Pp. 42–54. (In Russ.)

4. Morgunova E. Information mediator in civil disputes on copyright protection. *Intellectual Property. Copyright and Related Rights*. 2016;(1):5-12. (In Russ.)

Информация об авторах

Р. Н. Адельшин – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права;

С. П. Рогожин – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права.

Information about the authors

R. N. Adelshin – Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor at the Civil Law Department;

S. P. Rogozhin – Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor at the Civil Law Department.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 29.08.2025; одобрена после рецензирования 28.01.2026; принята к публикации 12.02.2026.

The article was submitted 29.08.2025; approved after reviewing 28.01.2026; accepted for publication 12.02.2026.

Российское правосудие. 2026. № 4. С. 54–62
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 4. P. 54–62
УДК 347 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.4.54-62

Научная статья

Принудительная лицензия в отношении отдельных объектов права интеллектуальной собственности

Иван Сергеевич Андрущенко
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация, andrushchenkois@my.msu.ru

Аннотация. Автор анализирует допустимость института принудительной лицензии на различные объекты права интеллектуальной собственности. С помощью общенаучных методов познания, а также формально-юридического, сравнительно-правового, политико-правового и иных частнонаучных методов познания предпринята попытка определить допустимость или отсутствие таковой применения механизма принудительного лицензирования в отношении различных объектов интеллектуальных прав: объектов авторского, патентного и смежных прав, программ для ЭВМ, баз данных и топологий интегральных микросхем, секретов производства (ноу-хау), средств индивидуализации (на примере товарных знаков).
В результате сформулирован вывод о допустимости использования принудительного лицензирования в отношении объектов авторского, патентного и смежных прав, программ для ЭВМ, баз данных и топологий интегральных микросхем. В отношении секретов производства (ноу-хау), а также средств индивидуализации (на примере товарных знаков) доказывается неприменимость данного механизма. Каждый из проанализированных объектов обладает уникальными характеристиками и функциями, что в значительной степени определяет условия и оправданность использования рассматриваемого механизма. Это обстоятельство значительно осложняет попытки построения единой концепции интеллектуальных прав, так как необходимость учитывать разнообразные аспекты их применения приводит к фрагментарности правового регулирования. В связи с этим для эффективного и гармоничного функционирования права интеллектуальной собственности важно развивать законодательные и правоприменительные механизмы, способные учитывать специфику каждого объекта, а также адаптировать их к меняющимся условиям цифровой экономики и общества.

Ключевые слова: принудительная лицензия, интеллектуальные права, право интеллектуальной собственности, авторское право, смежные права, патентное право, программа для ЭВМ, база данных, ноу-хау, товарный знак

Для цитирования: Андрущенко И. С. Принудительная лицензия в отношении отдельных объектов права интеллектуальной собственности // Российское правосудие. 2026. № 4. С. 54–62. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.4.54-62.

Original article

Compulsory License in Respect of Certain Objects of Intellectual Property Rights

Ivan S. Andrushchenko
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, andrushchenkois@my.msu.ru

© Андрущенко И. С., 2026

Abstract. The author analyzes the permissibility of the institution of compulsory license in relation to various objects of intellectual property law. With the help of general scientific methods of cognition, as well as formal legal, comparative-legal, political-legal and other private scientific methods of cognition, the author of the article attempts to determine the permissibility or absence of such a mechanism of compulsory licensing in relation to various objects of intellectual rights: objects of copyright, patent and related rights, computer programs, databases and topologies of integrated circuits, production secrets (know-how), means of individualization (using trademarks as an example).
As a result of the analysis, the author concludes that it is permissible to use compulsory licensing in relation to objects of copyright, patent and related rights, computer programs, databases and topologies of integrated circuits. With regard to production secrets (know-how), as well as means of individualization (using the example of trademarks), the inapplicability of this mechanism is proved. Each of the analyzed objects has unique characteristics and functions, which largely determines the conditions and justification for using the mechanism in question. This circumstance significantly complicates attempts to build a unified theory of intellectual property rights, since the need to take into account various aspects and contexts of their application leads to fragmentation of legal regulation. In this regard, for the effective and harmonious functioning of intellectual property law, it is important to develop legislative and law enforcement mechanisms that can take into account the specifics of each object, as well as adapt them to the changing conditions of the digital economy and society.

Keywords: compulsory license, intellectual property rights, intellectual property law, copyright, related rights, patent law, computer software, database, know-how, trademark

For citation: Andrushchenko I. S. Compulsory license in respect of certain objects of intellectual property rights. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice.* 2026;(4):54-62. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.4.54-62.

В данной статье будет рассмотрен вопрос допустимости применения механизма принудительного лицензирования к различным объектам права интеллектуальной собственности, включая объекты авторского права, смежных прав, патентного права, а также отдельные результаты технического творчества, ноу-хау и средства индивидуализации.

Принудительная лицензия в отношении объектов авторского права

Анализируя допустимость принудительной лицензии в авторском праве, стоит отметить, что речь идет об особой сфере, где утилитарный характер исключительных прав выражен не так ярко (как, например, в патентном праве), поскольку основной акцент направлен на стимулирование авторского самовыражения и культурно-технического развития общества [1, с. 10–12, 18–19]. Возникает вопрос: насколько целесообразно рассуждать о принудительном лицензировании применительно к обозначенной сфере? Основания для выдачи соответствующих лицензий, которые используются в патентном праве, в данном случае будут не вполне применимы.

Еще один важный аспект, отражающий специфику большого количества объектов авторского права, – это тесная связь произведения с личностью автора, что приводит к тому, что принудительная лицензия в рассматриваемом случае может сильно ущемлять конституционные права и свободы. Также не стоит забывать, что принудительная лицензия возможна только при соответствующей модели субъективного авторского права, воспринятой правопорядком. Особенностью субъективного авторского права должно быть четкое разделение конструкции на личные неимущественные права и исключительные, поскольку принудительная лицензия возможна лишь в отношении последних. Стоит также отметить, что категория «иные права», сильно варьирующаяся в зависимости от рассматриваемого института права интеллектуальной собственности, не подходит для процедуры принудительного лицензирования. Об этом также свидетельствуют и ограниченные возможности по правопреемству некоторых прав из данной категории. Ярким примером обозначенного тезиса может служить ограниченное исключительно кругом наследников право следования (п. 3 ст. 1293 ГК РФ).

Следующая трудность, с которой приходится сталкиваться в сфере авторского права, – это крайняя разнородность объектов, не позволяющая выработать общий знаменатель в отношении принудительного лицензирования. Теоретические попытки дифференциации произведений по критерию творческой составляющей продолжаются не один век и не закончены до сих пор [2]. Так, относительно недавно было высказано предложение варьировать режим охраны для различных объектов авторского права [3, s. 502–511]. В отношении так называемых «классических» произведений, в которых имеется весомый творческий вклад автора (т. е. обладающих высоким уровнем творчества, обусловленным личным участием автора в создании результата интеллектуальной деятельности), предлагается ввести жесткий режим охраны, предусматривающий сильные исключительные и личные неимущественные права. Для остальных произведений с менее выраженным уровнем творчества и авторским своеобразием предлагается ослабленная система защиты по модели ответственности (Liability rule)[1].

Однако оценка допустимости принудительной лицензии в авторском праве не может всецело зависеть от степени авторского выражения в произведении[2], поскольку иначе существует опасность сместить критерии в поле субъективизма и оценочных суждений. Тем не менее приведенный тезис не свидетельствует о полном отрицании допустимости принудительной лицензии в отношении объектов авторского права, особенно так называемых kleine Münze[3] (например, фотоснимков). Не стоит забывать и о производных произведениях, где вопрос баланса интересов встает наиболее остро.

Интересный пример законодательного закрепления принудительной лицензии в авторском праве можно наблюдать в праве *Индии*. Так, в соответствии со ст. 31 Закона об авторском праве Индии[4] принудительная лицензия может быть предоставлена при обращении заинтересованного лица в отношении произведения, которое было опубликовано или исполнено публично, если владелец авторских прав на соответствующий результат интеллектуальной деятельности: 1) отказался переиздавать или разрешить переиздание произведения и по причине такого отказа произведение не публикуется; или 2) отказался разрешить доведение до сведения общественности такое произведение путем трансляции или, в случае звуковой записи произведения, записанного в такой звукозаписи, на условиях, которые истец считает разумными. При этом особо подчеркивается именно судебная процедура выдачи принудительной лицензии через Апелляционный совет по интеллектуальной собственности, посредством которой правообладателю предоставляется возможность быть заслушанным с целью оценки его оснований для отказа в публикации произведения на предмет разумности.

Еще одна возможность предоставления принудительной лицензии согласно ст. 31А Закона об авторском праве Индии предусмотрена в отношении неопубликованного произведения или любого произведения, опубликованного или доведенного до всеобщего сведения, автор которого умер[5], неизвестен или невозможно узнать его местоположение. В этом случае

---

[1] Про разграничение различных вариантов защиты права – Property rule (по модели права собственности) и Liability rule (по модели ответственности) см. подробнее: *Карапетов А. Г.* Модели защиты гражданских прав: экономический взгляд // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2014. № 11. С. 24–80.

[2] См. анализ и критику теорий, ставящих охраноспособность произведения в полную зависимость от наличия или отсутствия в нем творческого характера: [2].

[3] Обозначение в западной литературе произведений с низким уровнем творческого характера.

[4] The Copyright Act, 1957 (Закон об авторском праве Индии от 4 июня 1957 г.) // WIPO Lex : [сайт]. URL: https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/15814 (дата обращения: 15.02.2025).

[5] При этом согласно п. 6 ст. 31А Закона об авторском праве Индии правительство может, если оно сочтет, что публикация произведения желательна в национальных интересах, потребовать от наслед-

любое лицо может обратиться в Апелляционный совет за предоставлением лицензии на публикацию или доведение до всеобщего сведения такого произведения или его перевода на любой язык.

Сфера возможностей по применению анализируемого механизма в отношении объектов авторского права по законодательству Индии завершается предусмотренной ст. 31B принудительной лицензией в интересах лиц с ограниченными возможностями.

Приведенные положения в отношении случаев принудительной лицензии в авторском праве могут быть реципированы и отечественным правопорядком. Но при этом следует сделать несколько важных уточнений. Во-первых, правоотношения, возникающие по поводу «сиротских произведений», регулируются положениями ст. 1244.2 ГК РФ. Закрепленный в данной норме механизм выдачи лицензий не представляется возможным квалифицировать в качестве принудительного лицензирования. Во-вторых, «право на обнародование произведения» как личное неимущественное право, представленное в российском правопорядке (ст. 1255 ГК РФ), весьма спорная категория. Так, согласно абз. 2 п. 2 ст. 1228 ГК РФ личные неимущественные права непередаваемы и неотчуждаемы, однако в соответствии с п. 3 ст. 1268 ГК РФ право на обнародование произведения появляется у лица, которому после смерти правообладателя перешло исключительное право. Представляется, что данное положение стоит скорректировать путем переведения права на обнародование произведения из категории личных неимущественных прав в категорию имущественных. Это позволит устранить догматические препятствия для потенциальных возможностей в отношении принудительного лицензирования.

Принудительная лицензия в отношении объектов смежных прав

Главный объект смежных прав, интересующий нас в контексте принудительной лицензии, – это фонограмма. В данном случае принудительная лицензия представляется инструментом, вполне допустимым для широкого применения. Эффективность применения подобного рода лицензии можно обосновать невозможностью в противном случае тотального контроля со стороны правообладателя за анализируемым объектом. Допустимость принудительной лицензии применительно к фонограммам можно вывести из толкования ст. 12 Международной конвенции по охране прав исполнителей, изготовителей фонограмм, вещательных организаций от 26 октября 1961 г. (см: [4, с. 307; 5, с. 719]).

На текущий момент существует оптимальная система принудительного лицензирования в отношении данного объекта смежных прав. Так, в *США* действует механизм «компенсируемого ограничения» субъективного права, предоставляющий субъектам право на использование ранее записанных фонограмм без разрешения правообладателя, но с уплатой последнему компенсации (ст. 114 Закона об авторском праве США[6]). Аналогичные законодательные положения могли бы быть успешно использованы и в российском законодательстве.

Принудительная лицензия в отношении объектов патентного права

Традиционно сфера патентного права характеризуется наиболее ярко выраженной степенью утилитарности предоставляемых правообладателю субъективных исключительных

ников, исполнителей или законных представителей автора опубликовать такое произведение в указанный им срок. Если это требование не будет исполнено, то данная возможность предоставляется любому заинтересованному лицу, которое обратится с соответствующей просьбой в Апелляционный совет.

[6] Copyright Law of the United States (Закон об авторском праве США от 19 октября 1976 г.) // WIPO Lex : [сайт]. URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/text/589740 (дата обращения: 11.03.2026).

прав. Таким образом, смысл обладания патентными правами состоит в их эффективном использовании. В противном случае общественные интересы будут сильно нарушаться. Так, неиспользование патента (даже в ожидании более выгодной позиции на рынке) может привести к почти полной блокировке значительного рыночного сегмента. Поэтому, как справедливо отмечается в последних исследованиях в этой области, при современной мировой модели коммерциализации объектов интеллектуальной собственности негативное правомочие в структуре субъективного патентного права играет второстепенную роль по сравнению с позитивным [6, с. 49]. В связи с этим главным правомочием следует признать именно возможность контроля за коммерциализацией объекта.

Изложенное позволяет использовать механизм принудительного лицензирования в отношении патентных прав. Вопрос состоит лишь в том, как не допустить нанесения ущерба системе стимулов, которая является крайне важным аспектом инвестирования и, как следствие, научно-технического развития. Среди возможных вариантов решения проблемы некоторые исследователи предлагают государственные субсидии, а также продление срока охраны исключительного права правообладателя на период использования соответствующего результата интеллектуальной деятельности [7, s. 524]. Каждый из этих вариантов является предметом отдельного исследования.

Принудительная лицензия в отношении программ для ЭВМ и баз данных

При анализе правового режима охраны таких особых объектов интеллектуальных прав, как программы для ЭВМ, база данных и топология интегральных микросхем, следует отметить, что приоритетом является именно защита инвестиций правообладателя[7]. Данное положение подчеркивает утилитарный характер интеллектуальных прав на рассматриваемые объекты (что роднит их с объектами патентного права). Важно упомянуть, что в условиях стремительной цифровизации, когда информационные технологии проникают во все сферы жизни, как никогда становится актуальной необходимость в обеспечении общественных интересов. Все это повышает релевантность применения механизма принудительного лицензирования в данной сфере[8].

Принудительная лицензия в отношении секретов производства (ноу-хау)

По вопросу о допустимости принудительной лицензии в отношении секрета производства можно встретить диаметрально противоположные позиции. Некоторые исследователи допускают такую возможность[9], тогда как другие, напротив, категорически ее отрицают [8, s. 335]. Влияние на данный вопрос оказывает противоречивость мнений ученых при определении природы ноу-хау. Ранее господствовала позиция, согласно которой отрицалась возможность закрепления за владельцем секрета производства соответствующего субъективного гражданского права ввиду того, что речь могла идти лишь о фактической монополии [9, с. 33, 86]. Данный тезис был поддержан российскими учеными [10]. Но последние исследо-

---

[7] См.: Директива № 91/250/ЕЭС Совета Европейских Сообществ «О правовой охране компьютерных программ» (принята в г. Брюсселе 14.05.1991) (преамбула) // WIPO : [сайт]. URL: http://www.wipo.int/wipolex/en/details.jsp?id=1424 (дата обращения: 15.02.2025).

[8] В пользу данного тезиса говорят и частые высказывания относительно допустимости ограничений прав на соответствующие результаты интеллектуальной деятельности (см., например: [4, с. 393]).

[9] Le Gleut R (2021) Proposition de loi autorisant l'octroi d'une licence d'office de brevet dans l'intérêt de la santé publique en cas d'extrême urgence sanitaire // Senat : [site web]. URL: https://www.senat.fr/leg/ppl20-524.html (дата обращения: 15.02.2025).

вания и судебная практика[10] в данной области все больше склоняют научное сообщество к противоположной позиции, согласно которой речь все же может идти о субъективном праве, обеспеченном правовой защитой [11].

Нам представляется, что принудительное лицензирование в отношении секрета производства невозможно. Данную позицию можно обосновать следующими аргументами.

Во-первых, особый правовой режим, опосредующий отношения, связанные с ноу-хау, не предполагает его публикацию в открытых источниках в отличие, например, от патентов. С этим связано сильное ограничение на доступ к информации о существовании и существе испрашиваемого для потенциального принудительного лицензирования секрета производства.

Во-вторых, защита секрета производства прекращается в том случае, если информация о нем попадает в общий доступ (вне зависимости от правомерности публикации такой информации). Именно такая тесная зависимость правовой охраны от фактической монополии на данный секрет производства со стороны правообладателя в случае принудительной лицензии будет наносить серьезный ущерб интересам последнего. Таким образом, если патентообладатель в случае принудительного лицензирования вынужден мириться с использованием его патентоохраняемой разработки третьим лицом, то владелец ноу-хау рискует полностью его утратить.

В-третьих, специфика анализируемого объекта обусловливает и объем предоставляемой субъекту правовой охраны. Так, если патентное право позволяет защитить соответствующий результат интеллектуальной деятельности от несанкционированного использования, то защита ноу-хау распространяется на несанкционированное приобретение, использование и разглашение. Однако данное положение вовсе не означает, что защита секретов производства гораздо сильнее патентной защиты. Напротив, в отношении ноу-хау принято говорить об «ослабленном» режиме защиты [6, с. 90–103].

В-четвертых, охрана ноу-хау создает так называемую «лабораторную зону» [7, s. 519], позволяющую довести изобретение до патентной зрелости в отсутствие конкурентной гонки. Таким образом, секрет производства на первоначальной стадии (до патентования) является необходимым условием для функционирования рыночной конкуренции.

В-пятых, при передаче секрета производства не всегда бывает достаточно сообщить новому субъекту необходимую информацию (которая также часто не имеет письменного закрепления, представляя из себя негласное правило). Так, в некоторых случаях может потребоваться обучение новых владельцев секрета производства и их персонала. В случае принудительного лицензирования существует большая вероятность предоставления со стороны владельца ноу-хау (при его нежелании сотрудничать с другими субъектами рынка) не вполне точной и неполной информации, что может привести к негативным и даже опасным последствиям.

В-шестых, в продолжение приведенного ранее аргумента: неясно, каким образом государство может осуществлять принудительное лицензирование в отношении ноу-хау на практике. Как отмечается в литературе, альтернативой огромным штрафам и уголовной ответственности может быть только создание системы, предполагающей государственный доступ к определенным документам, связанным с секретом производства, которые судебный при-

[10] Например, дело о взыскании убытков, возникших в результате передачи секретов производства, убытков в виде упущенной выгоды (что косвенно свидетельствует о наличии исключительного права, нуждающегося в защите, а не фактической монополии). См. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 17 августа 2021 г. № С01-494/2020 по делу № А45-14237/2018. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

став будет вправе изъять [7, s. 519]. Однако не вполне понятно, как можно создать гарантии по сохранению ноу-хау в тайне, а также полному предоставлению информации со стороны владельца секрета производства государственным органам. К тому же это не решает проблему в том случае, если предоставление соответствующего секрета производства должно сопровождаться обучением, а также если обладатель ноу-хау находится за границей [12, p. 1256].

В-седьмых, залог допустимости принудительной лицензии (особенно в патентном праве) – адекватная компенсация правообладателю, которая должна покрывать не только потерю монополии, но и возможное ухудшение положения субъекта на рынке, а также риск его убытков. В отношении ноу-хау крайне сложно или практически невозможно определить даже рыночную цену на соответствующий товар. Поэтому в данном случае непонятно, кто возьмет на себя риск возмещения потенциальных колоссальных убытков владельцу ноу-хау. Представляется, что ни потенциальный новый владелец секрета производства, ни государство не в состоянии взять на себя такую финансовую нагрузку.

Таким образом, следует констатировать недопустимость использования принудительного лицензирования в отношении секретов производства ввиду крайней непредсказуемости последствий и неясной практической реализации данного механизма. Поэтому более целесообразным решением может быть лишь создание стимулов для добровольной договорной передачи технологий между субъектами.

Принудительная лицензия в отношении товарных знаков

Принудительное лицензирование в отношении средств индивидуализации представляется недопустимым по причине его противоречия правовой природе и функциям данного института. Например, товарный знак выполняет основную функцию идентификации источника происхождения товаров, а также защиты репутации производителя. Принудительное лицензирование вступало бы в конфликт с этими ключевыми функциями, поскольку использование товарного знака третьими лицами без согласия правообладателя могло бы привести к дезориентации потребителя на рынке, а также ухудшению имиджа владельца бренда. Это не только нарушало бы исключительные права владельца товарного знака, но и подрывало бы доверие потребителей к нему, что создает угрозы справедливой конкуренции и развитию рыночной экономики. Более того, невозможно представить ситуацию, при которой принудительное лицензирование в отношении товарного знака отвечало бы балансу частных и публичных интересов.

Следовательно, принудительное лицензирование в отношении средств индивидуализации вступает в конфликт с основными целями их регулирования и создает правовую неопределенность, что делает его недопустимым и потенциально разрушительным для нормального функционирования рынка. Поэтому необходимо констатировать, что ст. 21 Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) обоснованно устанавливает запрет в отношении принудительных лицензий на товарные знаки.

Заключение

Таким образом, проанализирована допустимость применения механизма принудительного лицензирования к различным объектам права интеллектуальной собственности. Каждый из объектов, как было продемонстрировано выше, обладает уникальными характеристиками и функциями, что в значительной степени определяет условия и оправданность использования рассматриваемого механизма. Ответ на вопрос о допустимости принудительной лицензии в каждом конкретном случае варьируется в зависимости от специфики рассматрива-

емого объекта и его предназначения[11]. Это обстоятельство значительно осложняет попытки построения единой теории интеллектуальных прав, так как необходимость учитывать разнообразные аспекты и контексты их применения приводит к фрагментации правового регулирования. В связи с этим для эффективного и гармоничного функционирования права интеллектуальной собственности важно развивать законодательные и правоприменительные механизмы, способные учитывать специфику каждого объекта, а также адаптировать их к меняющимся условиям цифровой экономики и общества.

Список источников

1. Щербак Н. В. Гражданско-правовое регулирование авторского права и смежных прав на современном этапе : моногр. М. : Юстицинформ, 2022. 544 с.

2. Кашанин А. В. Творческий характер как условие охраноспособности произведения в российском и иностранном авторском праве // Вестник гражданского права. 2007. Т. 7, № 2. С. 75–119.

3. Kreutzer T. Das Modell des deutschen Urheberrechts und Regelungsalternativen: konzeptionelle Überlegungen zu Werkbegriff, Zuordnung, Umfang und Dauer des Urheberrechts als Reaktion auf den urheberrechtlichen Funktionswandel. Nomos Verlag, 2008. 528 s.

4. Матвеев А. Г. Система авторских прав в России: нормативные и теоретические модели : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2016. 460 с.

5. Липцик Д. Авторское право и смежные права : пер. с фр. / предисл. М. А. Федотова. М. : Ладомир : ЮНЕСКО, 2002. 788 с.

6. Спиридонова Н. Б. Структура исключительного права : дис. … канд. юрид. наук. М., 2022. 183 с.

7. Ohly A. Zwangslizenzen an Geschäftsgeheimnissen? // Kreation Innovation Märkte – Creation Innovation Markets / Hrsg. F. Thouvenin, A. Peukert, T. Jaeger et al. Berlin ; Heidelberg : Springer Berlin Heidelberg, 2024. S. 509–526.

8. Hauck R. Gibt es die “Know-how-Zwangslizenz” // Gewerbl Rechtsschutz Urheberr Prax. 2021. Bd. 13 (12). S. 333–335.

9. Штумпф Г. Договор о передаче ноу-хау / пер. с нем. В. И. Дергачева ; общ. ред. и вступ. ст. М. М. Богуславского. М. : Прогресс, 1976. 376 с.

10. Зенин И. А., Блинова Л. Г. Ноу-хау (Некоцид) – ключ к инновационной модернизации российской экономики // И. А. Зенин Проблемы российского права интеллектуальной собственности (избранные труды). М. : Статут, 2015. С. 250–265.

11. Ворожевич А. С. Исключительное право на ноу-хау (секрет производства): сущность, границы, проблемы защиты // Вестник гражданского права. 2023. Т. 23, № 3. С. 130–187.

12. Gurgula O., Hull J. Compulsory licensing of trade secrets: ensuring access to COVID-19 vaccines via involuntary technology transfer // Journal of Intellectual Property Law and Practice. 2021. Vol. 16, no. 11. P. 1242–1261.

References

1. Shcherbak N. V. *Civil law regulation of copyright and related rights at the present stage*. Monograph. Moscow: Yustitsinform; 2022. 544 p. (In Russ.)

2. Kashanin A. V. Creative character as a condition for the protectability of a work in Russian and foreign copyright. *Civil Law Riview*. 2007;7(2):75-119. (In Russ.)

3. Kreutzer T. *Das Modell des deutschen Urheberrechts und Regelungsalternativen: konzeptionelle Überlegungen zu Werkbegriff, Zuordnung, Umfang und Dauer des Urheberrechts als Reaktion auf den urheberrechtlichen Funktionswandel*. Nomos Verlag; 2008. 528 s.

[11] Что напоминает тезис Гирке об имманентных границах субъективных прав, т. е. внутренних ограничениях права, обусловленных спецификой конкретного объекта (см.: *Gierke O. von*. Die soziale Aufgabe des Privatrechts. Berlin ; Heidelberg : Springer, 1889. 46 s.), а также современную критику данной теории (*Третьяков С. В*. Развитие учения о субъективном частном праве в зарубежной цивилистике. М. : МГУ, 2022. С. 318–337).

4. Matveev A. G. *The copyright system in Russia: normative and theoretical models.* Dr. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2016. 460 p. (In Russ.)

5. Lipszyc D. *Copyright and related rights.* Transl. from French; preface by M. A. Fedotov. Moscow: Ladomir; UNESCO; 2002. 788 p. (In Russ.)

6. Spiridonova, N. B. *The structure of exclusive law*. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2022. 183 p. (In Russ.)

7. Ohly A. Zwangslizenzen an Geschäftsgeheimnissen? In: F. Thouvenin, A. Peukert, T. Jaeger, et al., Hrsg. *Kreation Innovation Märkte – Creation Innovation Markets.* Berlin; Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg; 2024. Ss. 509–526.

8. Hauck R. Gibt es die "Know-how-Zwangslizenz". *Gewerbl Rechtsschutz Urheberr Prax*. 2021;13(12):333-335.

9. Stumpf G. *Know-how transfer agreement*. Transl. from Germ. by V. I. Dergachev, general ed. and the introd. art. by M. M. Boguslavsky. Moscow: Progress; 1976. 376 p. (In Russ.)

10. Zenin I. A., Blinova L. G. Know-how (Necocide) is the key to innovative modernization of the Russian economy. In: I. A. Zenin *Problems of Russian intellectual property law (selected works)*. Moscow: Statut; 2015. Pp. 250–265. (In Russ.)

11. Vorozhevich A. S. Exclusive right to trade secret (know-how): essence, boundaries, protection. *Civil Law Riview*. 2023;23(3):130-187. (In Russ.)

12. Gurgula O., Hull J. Compulsory licensing of trade secrets: ensuring access to COVID-19 vaccines via involuntary technology transfer. *Journal of Intellectual Property Law and Practice.* 2021;16(11):1242-1261.

Информация об авторе

И. С. Андрущенко – аспирант кафедры гражданского права юридического факультета.

Information about the author

I. S. Andrushchenko – Postgraduate Student at the Civil Law Department, Faculty of Law.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 31.10.2025; одобрена после рецензирования 20.01.2026; принята к публикации 12.02.2026.

The article was submitted 31.10.2025; approved after reviewing 20.01.2026; accepted for publication 12.02.2026.

Российское правосудие. 2026. № 4. С. 63–74
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 4. P. 63–74
УДК 347.634/.637 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.4.63-74
Научная статья

Установление происхождения детей как правовое основание, обусловливающее возникновение субъективных наследственных прав

Юлия Сергеевна Близнюк
Новосибирский юридический институт (филиал), Томский государственный университет, Новосибирск, Российская Федерация, ed.information@mail.ru

Аннотация. В статье осуществляется комплексный анализ правовых основ происхождения детей и влияния данных юридических фактов на возникновение субъективных наследственных прав. Проблематика установления материнского и отцовского происхождения ребенка носит многоаспектный характер и оказывает существенное влияние на содержание его правоспособности. Как показывает анализ научных работ, активно ведутся исследования такой правовой категории, как происхождение ребенка. Несомненно, происхождение детей как важнейший элемент правоспособности имеет теоретическое и практическое значение в сфере различных правоотношений, в том числе для определения круга наследников.
Цель настоящего исследования заключается в выявлении проблемных вопросов, связанных с влиянием происхождения ребенка на возникновение наследственных прав.
При написании статьи использовались общенаучные методы и приемы исследования, такие как теоретическое исследование, систематизация, научное толкование, анализ и обобщение.

Ключевые слова: происхождение ребенка, защита наследственных прав детей, права наследования, государственная регистрация рождения ребенка, наследование по закону, вспомогательные репродуктивные технологии.

Для цитирования: Близнюк Ю. С. Установление происхождения детей как правовое основание, обусловливающее возникновение субъективных наследственных прав // Российское правосудие. 2026. № 4. С. 63–74. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.4.63-74.

Original article

Establishing the Origin of Children as a Legal Basis That Determines the Emergence of Subjective Inheritance Rights

Yulia S. Bliznyuk
Novosibirsk Law Institute (Branch), Tomsk State University, Novosibirsk, Russian Federation, ed.information@mail.ru

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of the legal foundations of the origin of children and the influence of these legal facts on the emergence of subjective inheritance rights. The problem of establishing the maternal and paternal origin of a child is multidimensional and has a significant impact on the content of his legal capacity. As the analysis of scientific papers shows, research is actively conducted on such a legal category as the origin of a child. Undoubtedly, the origin of children as an essential

© Близнюк Ю. С., 2026

element of legal capacity has theoretical and practical significance in the field of various legal relations, including for determining the circle of heirs.
The purpose of this study is to identify problematic issues related to the influence of the child's origin on the emergence of inheritance rights.
When writing the article, general scientific research methods and techniques were used, such as theoretical research, systematization, scientific interpretation, analysis and generalization.

Keywords: origin of the child, protection of inheritance rights of children, inheritance rights, state registration of the birth of a child, inheritance by law, assisted reproductive technologies

For citation: Bliznyuk Yu. S. Establishing the origin of children as a legal basis that determines the emergence of subjective inheritance rights. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(4):63-74. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.4.63-74.

Право ребенка знать своих родителей закреплено в нормах международного и национального права. Согласно ст. 8 Конвенции о правах ребенка к элементам индивидуальности ребенка относятся имя, гражданство и семейные связи[1]. Конституция Российской Федерации (ч. 1 и 2 ст. 38), Семейный кодекс Российской Федерации (ст. 47, п. 2 ст. 54), Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (ст. 264), постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей», «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов», Федеральный закон «Об актах гражданского состояния» и другие нормативные правовые акты осуществляют регулирование вопросов защиты семейных прав ребенка, имущественных и личных неимущественных прав, исходя из правового статуса ребенка, важнейшим элементом которого являются правовые отношения с кровными родителями.

Законодатель, определяя порядок установления происхождения ребенка, не раскрывает само понятие «происхождение». Стремление определить ценность данного права прослеживается в правоприменительной практике судебных органов и в научных исследованиях. Так, в Обзоре судебной практики Верховный Суд Российской Федерации отметил, что право ребенка знать своих предков является важнейшим аспектом идентичности его личности[2].

В юридической доктрине изучение такой правовой категории, как происхождение ребенка, сопряжено с конкретной целью научных исследований. Так, Е. Г. Комиссарова, опираясь на комбинированную методологическую стратегию, исследует понятие происхождения ребенка углубленно, исходя из двух реалий – естественной (генеалогической) и юридической. Первая форма представлена совокупностью процессов: телесное и технологическое слияние двух полов как предпосылка деторождения; межпоколенный порядок; преемственность рождений в пределах одного поколения с разделением всех родившихся на старших и младших. Юридическая сторона вопроса, по мнению автора, отражает семейно-правовые последствия состоявшегося акта рождения, включает точки отсчета, важные для активации норм о порядке установления материнского и отцовского происхождения, приоритеты регулирования, законные предположения и фикции [1], которые упрощают процесс доказывания принадлежности ребенка к семье.

Помимо естественной и юридической природы институт установления происхождения детей содержит нравственный аспект [2]. Генетическая связь ребенка с отцом и матерью вли-

[1] Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990). Здесь и далее доступ из СПС «КонсультантПлюс», если не указано иное.
[2] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2018) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 14.11.2018) (ред. от 26.12.2018).

яет на формирование и самоопределение его как личности, позволяет ему реализовать в полной мере индивидуальную правоспособность по мере своего взросления.

Интересной представляется точка зрения Ю. Ф. Беспалова, рассматривающего установление происхождения детей как институт и способ защиты прав, где способ представляет собой меру, направленную на восстановление (признание) нарушенных (оспоренных) прав ребенка [3]. И действительно: если сместить фокус рассмотрения порядка установления происхождения детей на действия, осуществляемые субъектами гражданских правоотношений и уполномоченными органами, то усматриваются способы и цель защиты. Так, в целях установления отцовства лица, не состоящего в браке с матерью ребенка, необходимо подать совместное заявление отца и матери в орган записи актов гражданского состояния либо только отца ребенка, но с согласия органа опеки и попечительства. При отсутствии согласия органов опеки и попечительства отцовство может быть установлено в судебном порядке.

Право наследования, как и множество иных прав, является элементом правового статуса личности и тесно взаимосвязано с родственными отношениями и степенью родства. Чтобы появилась возможность осуществлять данное субъективное право, оно должно возникнуть, что согласуется со ст. 47 СК РФ, согласно которой права и обязанности родителей и детей основываются на происхождении детей, удостоверенном в установленном законном порядке. Таким порядком является государственная регистрация рождения, в результате которой происхождение ребенка становится юридическим фактом и порождает правовые последствия[3]. Федеральный законодатель, регламентируя строгий порядок внесения записей о родителях в акты гражданского состояния о рождении ребенка, подчеркивает важность установления происхождения детей, поскольку именно данный юридический факт становится предпосылкой возникновения комплекса различных прав у ребенка. Законодателем определена также цель государственной регистрации актов гражданского состояния, которая включает в себя охрану имущественных, личных неимущественных прав граждан и интересов государства[4].

По мысли Е. А. Ходыревой, возникновение субъективного права наследования зависит не столько от оснований наследования, сколько от предписаний закона, дозволяющих субъекту стать управомоченным лицом в наследственном правоотношении, способным к осуществлению субъективного права [4, с. 173–174]. Как верно отмечает Е. Г. Комиссарова, приводя работу П. Лежандра, признание ценности письменных актов метрического учета явилось основанием для многоговорящего тезиса: «Прежде, чем мы станем детьми наших родителей по родству, мы должны стать детьми текста» (цит по: [1, с. 31]).

Б. Б. Черепахин, рассматривая вопросы наследования с позиции теории юридических фактов, отмечал: для перехода наследства к наследникам необходимо последовательное накопление определенного состава юридических фактов, являющихся предпосылками возникновения права наследования [5, с. 408]. Эти факты распадаются на две подгруппы: юридические факты наследования по закону и юридические факты наследования по завещанию. К первой подгруппе относятся факты рождения детей от наследодателя; при наследовании усыновленными детьми необходимо наличие акта усыновления наследодателем данного наследника. Вторая подгруппа юридических фактов включает один положительный факт – завещание. К другим юридическим фактам, определяющим состав наследственного правопреемства, ученый относил открытие и принятие наследства [5, с. 409].

---

[3] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 мая 2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. № 7.

[4] Федеральный закон от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об актах гражданского состояния» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 47. Ст. 5340.

В связи с изменениями, внесенными в часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации и вступившими в силу 1 июня 2019 г.[5], наследование осуществляется и по наследственному договору (ст. 1140.1). В связи с этим представляется необходимым выделить третью подгруппу юридических фактов. Однако при определении состава фактов, влияющих на возникновение права наследования по указанному основанию, важно заметить следующее. Исходя из общих положений, к наследственному договору применяются правила ГК РФ о завещании, а условия наследственного договора действуют в части, не противоречащей правилам об обязательной доле в наследстве. По нашему мнению, важное значение при наследовании по завещанию или наследственному договору имеют как юридические факты, которые влияют на возникновение самого права наследования и определяют границы его реализации (завещание, наследственный договор), так и факты, подтверждающие право наследования обязательной доли, в случае если несовершеннолетний не указан в завещании или не является стороной наследственного договора.

Российский цивилист К. П. Победоносцев в трудах, посвященных семейному и наследственному праву, подчеркивал особую важность принадлежности лица к своему роду, поскольку из принадлежности вытекают юридические последствия, составляющие подлинно гражданское право лица, в том числе право на законное наследование. Рождение в юридическом смысле есть не только происхождение на свет живого человеческого существа, но и происхождение от известных родителей, от отца и матери; следовательно, рождением определяется законное значение человека как члена семьи и рода, принадлежность к сословию, пользование соединенными с ними правами, правом имени, чести и имущества – по наследству [6, с. 137–138].

По мнению Б. А. Шушкевича, наследование по закону предполагает действие следующих правил: дети наследуют после смерти матери во всех случаях; дети наследуют после смерти отца лишь тогда, когда мать состояла с их отцом в зарегистрированном браке[6]. Первое и второе утверждения требуют уточнения.

Дети наследуют по закону после своих кровных родителей в том случае, если не имело места их усыновление (удочерение) другими лицами, поскольку с момента усыновления правовая связь между усыновленными и их кровными родственниками прекращается. Исключение составляет случай, указанный в п. 3 ст. 1147 ГК РФ: усыновленный наследует после своих кровных родителей (родителя), если факт сохранения с ними отношений отражен в решении суда. Важно заметить, что дети, усыновленные после смерти кровных родителей, не утрачивают право на наследство, оставшееся после них, так как такое право может быть утрачено только в том случае, если ребенок был усыновлен до их смерти. Усыновленные дети наследуют в порядке первой очереди наравне с родными детьми наследодателя после смерти усыновителя, если не имело места сохранение правовой связи ребенка с кровными родителями. При этом соблюдение порядка усыновления является гарантией возникновения наследственных прав у ребенка по отношению к усыновителю. Так, нотариусы для совершения нотариальных действий устанавливают полномочия законного представителя усыновленного ребенка на основании свидетельства, выданного органами записи актов гражданского состояния[7].

---

[5] Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации».

[6] *Шушкевич Б. А.* Наследственное право Российской Федерации : учеб. пособие. Тюмень : Тюмен. гос. ун-т, 1998. С. 70.

[7] См. Регламент совершения нотариусами нотариальных действий, устанавливающий объем информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных действий, и способ ее фикси-

Право наследования в отношении кровных родителей не возникает, а сведения о родителях не вносятся в записи актов гражданского состояния в случае, если ребенок был найден или подкинут. Орган внутренних дел, орган опеки и попечительства либо медицинская организация, воспитательная организация или организация социального обслуживания, в которую помещен ребенок, обязаны заявить о государственной регистрации ребенка. Сведения о ребенке вносятся в запись акта о рождении по указанию таких органов или организаций.

Следующий случай также не предполагает возникновения у ребенка права наследования в отношении генетических родителей. Так, если ребенок был оставлен матерью либо если мать не предъявила документ, удостоверяющий ее личность, в медицинскую организацию, в которой происходили роды или в которую обратилась мать после родов, сведения о родителях в запись акта о рождении этого ребенка не вносятся. Государственная регистрация рождения ребенка осуществляется не позднее чем через семь дней со дня его оставления матерью по заявлению медицинской организации, в которой находится ребенок, либо органами опеки и попечительства по месту нахождения ребенка.

Указанные случаи не исключают установления материнства и отцовства путем обращения в суд в порядке искового производства, а также усыновления (удочерения) в порядке, предусмотренном законодательством, с последующим приобретением имущественных прав и обязанностей в отношении кровных родителей либо усыновителей.

Исходя из изложенного, можно резюмировать, что ребенок наследует после смерти биологической матери, за исключением следующих случаев: если имело место его усыновление (удочерение) без сохранения правовой связи с матерью; если имело место оставление ребенка в медицинской организации, в которой проходили роды или в которую мать обратилась после родов, и сведения о матери в записи акта о рождении ребенка не были внесены.

Вопрос о возникновении права наследования после смерти отца также требует разъяснения. Ребенок приобретает наследственные права в отношении отца, если он родился в зарегистрированном браке. Дети, рожденные в зарегистрированном браке, приобретают имущественные права в силу государственной регистрации акта о рождении и внесения сведений о матери и отце с момента рождения. Согласно п. 3 ст. 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» при государственной регистрации рождения ребенка в органы записи актов гражданского состояния одновременно с подачей заявления о рождении ребенка должны быть представлены документ, подтверждающий факт рождения ребенка, и документы, удостоверяющие личности родителей. При этом сведения о матери ребенка вносятся в запись акта о рождении ребенка на основании документа установленной формы о рождении, выданного медицинской организацией, сведения об отце ребенка – на основании свидетельства о заключении брака родителей. Кроме того, отцом признается супруг либо бывший супруг матери ребенка в течение трехсот дней с момента расторжения брака, признания брака недействительным или с момента смерти супруга.

Дети, рожденные не в зарегистрированном браке, приобретают наследственные права в отношении имущества отца, если при государственной регистрации рождения ребенка помимо внесения записи о матери одновременно устанавливается и регистрируется отцовство. Если матерью ребенка не внесены сведения об отце в запись акта о рождении ребенка, в

рования (п. 11) (утв. приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 30 августа 2017 г. № 156 «Об утверждении Регламента совершения нотариусами нотариальных действий, устанавливающего объем информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных действий, и способ ее фиксирования»). Доступ из СПС «Гарант».

дальнейшем это не является препятствием для решения вопроса об установлении отцовства. Отцовство лица, не состоящего в браке с матерью ребенка, устанавливается путем подачи в орган записи актов гражданского состояния совместного заявления отца и матери ребенка. В случае смерти матери, признания ее недееспособной, невозможности установления места нахождения матери или в случае лишения ее родительских прав – по заявлению отца ребенка с согласия органа опеки и попечительства. Моментом возникновения у ребенка наследственных прав в отношении имущества отца является государственная регистрация установления отцовства, т. е. внесение сведений в запись акта об установлении отцовства на основании совместного заявления отца и матери ребенка, не состоящих между собой в браке на момент рождения ребенка, или заявления об установлении отцовства отца ребенка, не состоящего в браке с матерью ребенка на момент его рождения, в случаях, предусмотренных п. 1 ст. 51 Федерального закона «Об актах гражданского состояния».

При отсутствии совместного заявления родителей или заявления отца ребенка о признании отцовства в добровольном порядке либо отсутствии согласия органов опеки и попечительства на установление отцовства происхождение ребенка от соответствующего лица устанавливается в судебном порядке по заявлению одного из родителей, опекуна (попечителя) ребенка или по заявлению лица, на иждивении которого находится ребенок, а также по заявлению самого ребенка по достижении им совершеннолетия. Сведения об отце ребенка вносятся в запись акта об установлении отцовства в соответствии с данными, указанными в решении суда об установлении отцовства или об установлении факта признания отцовства. На основании записи акта об установлении отцовства в запись акта о рождении ребенка вносятся сведения о его отце. В таком случае моментом возникновения у ребенка наследственных прав в отношении имущества отца является государственная регистрация установления отцовства, т. е. внесения сведений в запись акта об установлении отцовства на основании вступившего в законную силу решения суда об установлении отцовства или об установлении факта признания отцовства. Согласно ст. 53 СК РФ при установлении отцовства права детей приравниваются к правам детей, родившихся от лиц, состоящих в браке между собой.

В научной среде дискуссионным является вопрос, касающийся возможности матери, не состоящей в браке с отцом ребенка, при том что отцовство в отношении ребенка не установлено, вносить (не вносить) сведения об отце ребенка в запись акта о рождении по своему усмотрению. Многие авторы отмечают негативные последствия односторонней регистрации ребенка. Отказ матери ребенка от внесения записи об отце в свидетельство о рождении ребенка представляет собой злоупотребление правом, запрещенное ст. 1 СК РФ [7]. По мнению Г. С. Демидовой, такая возможность противоречит основным началам семейного законодательства, к которым отнесено обеспечение приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних детей [2]. На наш взгляд, возможность внесения сведений об отце по указанию матери является необходимостью, поскольку иное затрудняло бы регистрацию рождения ребенка до установления или признания отцовства. Законодатель, предоставляя такую возможность матери, в том числе устанавливает порядок установления и признания отцовства в добровольном и судебном порядке. Необходимость такого регулирования заключается также в том, что зачастую дети рождаются у лиц, не состоящих в зарегистрированном браке. С одной стороны, порядок установления и признания отцовства позволяет уберечь ребенка от установления его происхождения от любого другого лица. С другой стороны, закон устанавливает процедуру оспаривания отцовства в случае, если в запись акта рождения ребенка внесены сведения о небиологическом отце по совместному заявлению матери и лица, не являющегося отцом ребенка.

Так, согласно позиции Конституционного Суда Российской Федерации, мать ребенка вправе оспаривать отцовство, ранее выразив свое согласие на запись лица в качестве отца, которое фактически им не является, при установлении отцовства в отношении биологического родителя (генетического отца ребенка)[8].

Несомненно, такая ситуация оказывает прямое влияние на наследственный статус ребенка. Так, объем прав ребенка, рожденного вне брака, меньше объема прав ребенка, родившегося в браке. Ребенок, родившийся вне брака, не обладает правом на охрану наследства, оставленного после смерти предполагаемого отца, в период зачатия и до рождения, а также в период от рождения до установления отцовства или факта признания отцовства [8, с. 77]. Либо лишается права наследования в отношении отца в случае, если такие факты установлены не были.

Очевидно, что рождение ребенка вне брака может быть вызвано разными обстоятельствами, а сам вопрос находится в плоскости частной жизни. Вместе с тем на родителей возлагается обязанность при осуществлении родительских прав действовать в интересах ребенка и принимать меры, направленные на соблюдение и защиту его законных интересов.

В нормах текущего законодательства отсутствует прямое указание на юридические последствия внесения сведений об отце ребенка по заявлению матери.

Как показывает анализ судебной практики, если в запись акта о рождении ребенка внесены сведения об отце по заявлению матери ребенка, не состоящей в браке с отцом ребенка, и если его отцовство не установлено в законном порядке, такая запись не порождает материально-правовых последствий и не является основанием возникновения прав и обязанностей детей и лица, указанного в записи акта о рождении в качестве отца, отцовство которого не установлено ни в добровольном, ни в судебном порядке[9].

Ребенок, в отношении которого родители ограничены в родительских правах либо лишены родительских прав, сохраняет имущественные права, основанные на факте родства с родителями и другими родственниками, в том числе право на получение наследства. Как верно отмечал Ю. Ф. Беспалов, лишение и ограничение родительских прав являются способами защиты прав ребенка и мерой семейно-правовой ответственности [3, с. 236–250]. Однако применение данной меры не влияет на реализацию субъективного права наследования в отношении кровных родителей.

Стремительные темпы развития биомедицинских технологий оказали существенное влияние на способы воспроизводства человека. Прямая генетическая связь между родителями и детьми не является в современном мире единственным основанием установления родства. Помимо традиционного кровного родства Д. В. Ранняя выделяет родство, основанное на таком юридическом факте, как намерение лица стать родителем [9, с. 318]. Два новых вида отмечает О. Ю. Лебедева: гестационный, когда суррогатная мать вынашивает и рожает генетически не родственного ей ребенка, а также родство, основанное на факте совершения волевых последовательных действий по оплодотворению и развитию эмбриона, т. е. на методе вспомогательной репродукции [10]. Потенциальные родители в совре-

[8] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 февраля 2019 г. № 397-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Г. на нарушение его конституционных прав пунктами 1 и 2 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации».

[9] Решение Успенского районного суда Краснодарского края от 30 августа 2024 г. по делу № 2-612/2024.

менном мире применяют вспомогательные репродуктивные технологии. И, безусловно, искусственные методы деторождения позволили многим супружеским парам стать счастливыми родителями. Однако в реалиях правового пространства такие достижения породили множество вопросов, касающихся правового статуса ребенка, его прав и законных интересов, а также интересов генетических родителей и суррогатных матерей. В частности, при использовании супругами либо одинокой женщиной донорского генетического материала внесение сведений о генетических родителях в запись акта о рождении ребенка допускается только с согласия суррогатной матери. По вопросу закрепления законодателем императивной нормы, касающейся предоставления суррогатной матери исключительной привилегии в решении вопроса о наделении родительскими правами, судья Конституционного Суда Российской Федерации в отставке Г. А. Гаджиев отметил, что такое установление ведет к нарушению прав генетических родителей и не обеспечивает соблюдение конституционных принципов правовой определенности, справедливости и равенства[10]. При этом Пленум Верховного Суда Российской Федерации[11] разъяснил, что в случае, если суррогатная мать отказалась дать согласие на запись в качестве родителей генетической матери и генетического отца, данное обстоятельство не может служить безусловным основанием для отказа в удовлетворении иска этих лиц о признании их родителями ребенка и передаче им ребенка на воспитание.

При применении данного метода наследственные права ребенка в отношении имущества генетических родителей возникают с момента внесения записи о них в акт гражданского состояния о рождении ребенка после дачи согласия суррогатной матерью. Отказ дать согласие генетической матери и отцу на регистрацию их в качестве родителей ребенка означает возможность суррогатной матери записать себя в акте о рождении ребенка. Возникающие спорные отношения между генетическими родителями и суррогатной матерью оставляют наследственный статус ребенка в состоянии неопределенности. Презумпция материнства при использовании вспомогательных репродуктивных технологий в России по-прежнему основывается на физиологическом факте рождения ребенка. Судебная практика и научные дискуссии указывают на необходимость гибкого и индивидуального подхода к каждому случаю [11].

Сходные проблемы выявляются и в случае применения репродуктивных технологий одинокой женщиной. В такой ситуации нарушаются интересы «суррогатного ребенка», который впоследствии лишается возможности воспитываться в полной семье и претерпевает «законное» нарушение его субъективных прав, в том числе наследственных. Как отмечает Е. В. Бурмистрова, в научном сообществе прослеживается оживленная дискуссия и по вопросу реализации права на применение метода суррогатного материнства одинокими мужчинами [12, с. 6].

Возможна ли охрана наследственных прав ребенка с момента его зачатия до рождения, после смерти «генетических родителей», если ребенок вынашивается суррогатной матерью? Позволяет ли действующее правовое регулирование, ориентированное преимущественно на естественный способ репродукции, установить происхождение постмортального ребенка от

---

[10] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15 мая 2012 г. № 880-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Ч. П. и Ч. Ю. на нарушение их конституционных прав положениями пункта 4 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 5 статьи 16 Федерального закона “Об актах гражданского состояния”».

[11] Пункт 30 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 мая 2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей».

умершего родителя и обеспечить ему правовой статус в наследственных правоотношениях? В. В. Долинская выявляет группу проблем, связанных с применением вспомогательных репродуктивных технологий. Первая обусловлена распоряжением своим биоматериалом, в том числе на случай смерти, установлением происхождения ребенка и имущественными отношениями между донором и реципиентом. Вторая связана с наследованием, признанием/непризнанием постмортального ребенка наследником и условиями такого признания, а также с призванием его к наследству [13]. Права ребенка, зачатого с использованием новейших технологий после смерти одного или обоих родителей, остаются нерешенными в большинстве юрисдикций мира [14]. Проблема признания права наследования за такими детьми обсуждается юридическим сообществом не один десяток лет и может быть решена только путем закрепления в действующем законодательстве права еще не родившегося ребенка на охрану наследства, оставшегося после смерти генетических родителей.

Российское законодательство закрепляет право на криоконсервацию репродуктивного материала и перечень показаний для ее осуществления[12]. Однако, исходя из анализа судебной практики, на сегодняшний день нерешенными остаются вопросы, касающиеся определения дальнейшего использования репродуктивного материала в случае расторжения брака или смерти одного из супругов. Следовательно, при использовании репродуктивного материала в целях рождения ребенка возникают вопросы о внесении записи об отце в акт государственной регистрации рождения ребенка и возникновении у него наследственных прав в отношении генетического родителя. Е. В. Бурмистрова полагает, что на современном этапе развития общества возникла острая потребность в закреплении права наследования за детьми, зачатыми в течение шести месяцев после смерти потенциального родителя (наследодателя) и впоследствии рожденными живыми [15, с. 27]. На наш взгляд, приведенное мнение является обоснованным, поскольку метод посмертной репродукции может быть разрешен к применению при наличии предоставленного при жизни права распоряжаться своим биоматериалом супруге[13]. Кроме того, представляется целесообразным изменение положения п. 2 ст. 48 СК РФ, согласно которому отцом ребенка может быть признан бывший супруг матери ребенка в течение 300 дней с момента расторжения брака, признания его недействительным или с момента смерти прежнего супруга, поскольку при использовании биоматериала и вынашивании ребенка женщине может потребоваться значительно больше времени. Полагаем, что право использования репродуктивного материала должно предоставляться по решению суда, в котором также необходимо определить наследственные права ребенка.

Весьма противоречивой является судебная практика при рассмотрении споров, касающихся передачи репродуктивного материала по наследству.

Так, использование материала супругой после смерти супруга представляется допустимым при наличии его согласия при жизни. Однако передача прав на распоряжение и использование наследниками репродуктивного материала наследодателя является спорной, поскольку оставляет множество вопросов, затрагивающих непосредственно статус и интересы самого ребенка[14].

---

[12] Приказ Минздрава России от 31 июля 2020 г. № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru.

[13] Решение Советского районного суда города Уфы от 24 февраля 2025 г. по делу № 2-693/2025.

[14] Решение Октябрьского районного суда города Ростова-на-Дону от 21 мая 2024 г. по делу № 2-1685/2024.

Заключение

Подводя итоги по результатам проведенного исследования о влиянии происхождения ребенка на возникновение наследственных прав, отметим следующее. Право наследования по закону в порядке первой очереди имеют: дети, рожденные в зарегистрированном браке, и дети, рожденные вне брака; дети, в отношении которых установлено отцовство и материнство; усыновленные дети от своих генетических родителей, если правовая связь с ними (одним из них) сохранена решением суда; усыновленные дети после смерти своих усыновителей; дети, рожденные с использованием метода искусственного оплодотворения; дети, выношенные и рожденные суррогатной матерью.

Возникновение наследственных прав у ребенка в отношении имущества его генетических родителей зависит от факта внесения ими сведений в запись акта гражданского состояния о рождении ребенка. Данный вывод не противоречит ряду нормативных установлений. Так, согласно ст. 47 СК РФ права и обязанности родителей и детей основываются на происхождении детей, удостоверенном в установленном законном порядке, а именно в акте гражданского состояния. Исходя из п. 1 ст. 3 Федерального закона № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния», акт гражданского состояния представляет собой действия граждан или события, влияющие на возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей, а также характеризующие правовое состояние граждан.

При применении методов вспомогательных репродуктивных технологий прослеживается прямая зависимость возникновения наследственных прав ребенка в отношении генетических родителей, от волеизъявления суррогатной матери о внесении сведений о них в запись акта о рождении ребенка. Действующее законодательство, признающее непосредственное влияние согласия суррогатной матери на установление происхождения ребенка от генетических родителей, допускает конкуренцию в материнских правах между генетической и суррогатной матерями. Как показывает обзор судебной практики, причиной отказа суррогатной матери от дачи согласия на внесение сведений о генетических родителях в запись акта о рождении могут стать возникающие в процессе вынашивания ребенка материнские чувства.

Вспомогательные репродуктивные технологии позволяют потенциальным родителям реализовать потребность в продолжении рода и дают возможность воспитывать детей и осуществлять о них заботу. Вместе с тем возникновение правоотношений, связанных с использованием и реализацией таких технологий, затрагивает важнейшие фундаментальные ценности, связанные с правами и законными интересами несовершеннолетних детей. Противоречивость судебной практики указывает на имеющиеся пробелы в текущем законодательстве, устранение которых позволит не допустить нарушение прав ребенка.

Список источников

1. Комиссарова Е. Г. Происхождение ребенка и порядок его усыновления по нормам семейного права : моногр. М. : Статут, 2025. 242 с.

2. Демидова Г. С. Особенности внесения сведений об отце при государственной регистрации рождения ребенка // Цивилист. 2008. № 4. С. 72–74.

3. Беспалов Ю. Ф. Семейно-правовое положение ребенка в Российской Федерации : моногр. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2014. 240 с.

4. Ходырева Е. А. Право наследования в гражданском праве России : моногр. М. : Статут, 2022. 386 с.

5. Черепахин Б. Б. Труды по гражданскому праву. 2-е изд. М. : Статут, 2020. 479 с.

6. Победоносцев К. П. Курс гражданского права : в 3 ч. Ч. 2 : Права семейственные, наследственные и завещательные. М. : Статут, 2003. 639 с.

7. Михайлова И. А. Установление происхождения детей: эволюция института и актуальные проблемы законодательства, доктрины и практики // Актуальные проблемы частного права : коллектив. моногр. / отв. ред. А. Ю. Касаткина. М. : Проспект, 2023. С. 40–50.

8. Беспалов А. Ю., Беспалов Ю. Ф., Гордеюк Д. В. и др. Частное право: проблемы теории и практики / отв. ред. Ю. Ф. Беспалов. М. : Проспект, 2016. 144 с.

9. Ранняя Д. В. Основания возникновения родства в современном российском праве // Дни науки – 2018 : сб. тр. междунар. науч.-практич. конф. (Новосибирск, 4–5 апр. 2018) : в 2 ч. Ч. 1. / под ред. В. И. Бакайтис; Новосибирск : Сибир. ун-т потребительской кооперации, 2018. С. 315–318.

10. Лебедева О. Ю. Установление происхождения детей по законодательству Российской Федерации и иностранных государств // Lex russica. 2015. № 1. С. 96–102.

11. Фроловская Ю. И. Проблемы установления материнства при использовании вспомогательных репродуктивных технологий // Семейное и жилищное право. 2025. № 5. С. 14–16.

12. Бурмистрова Е. В. Гражданско-правовое регулирование установления происхождения детей при применении вспомогательных репродуктивных технологий : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2025. 21 с.

13. Долинская В. В. Специфика правового статуса несовершеннолетних как наследников // Цивилист. 2024. № 4. С. 14–23.

14. Трифонова К. В., Трифонов С. Г. Унификация норм наследственного права в международном частном праве // Наследственное право. 2020. № 4. С. 13–19.

15. Бурмистрова Е. В. Особенности наследования детьми, зачатыми и рожденными в результате реализации посмертных репродуктивных программ // Юридический мир. 2024. № 9. С. 24–27.

References

1. Komissarova E. G. *Origin of the child and the order of his adoption according to the norms of family law*. Monograph. Moscow: Statut; 2025. 242 p. (In Russ.)

2. Demidova G. S. Features of entering information about the father during state registration of the child's birth. *Civilist.* 2008;(4):72-74. (In Russ.)

3. Bespalov Yu. F. *Family-legal status of the child in the Russian Federation*. Monograph. 2nd ed., rev. and sup. Moscow: Prospekt; 2014. 240 p. (In Russ.)

4. Khodyreva E. A. *Inheritance law in the civil law of Russia.* Monograph. Moscow: Statut; 2022. 386 p. (In Russ.)

5. Cherepakhin B. B. *Works on civil law*. 2nd ed. Moscow: Statut; 2020. 479 p. (In Russ.)

6. Pobedonostsev K. P. *Course of civil law*. In 3 pts. Pt. 2: Family, inheritance and testamentary rights. Moscow: Statut; 2003. 639 p. (In Russ.)

7. Mikhailova I. A. Establishing the origin of children: evolution of the institution and current problems of legislation, doctrine and practice. In: A. Yu. Kasatkina, ed. *Current problems of private law*. Collective monograph. Moscow: Prospekt; 2023. P. 40–50. (In Russ.)

8. Bespalov A. Yu., Bespalov Yu. F., Gordeuk D. V., et al. *Private law: problems of theory and practice.* Ed. Yu. F. Bespalov. Moscow: Prospekt; 2016. 144 p. (In Russ.)

9. Rannyaya D .V. Grounds for the emergence of kinship in modern Russian law. In: V. I. Bakaitis, ed. *Days of science – 2018.* Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Novosibirsk 4–5 Apr. 2018). In 2 pts. Pt. 1. Novosibirsk: Siberian University of Consumer Cooperation; 2018. Pp. 315–318. (In Russ.)

10. Lebedeva O. Yu. Certain problems of deducing the progenity of children under the legislation of the Russian Federation and foreign countries. *Lex Russica.* 2015;(1):96-102. (In Russ.)

11. Frolovskaya Yu. I. Problems of establishing motherhood when using assisted reproductive technologies. *Family and Housing Law.* 2025;(5):14-16. (In Russ.)

12. Burmistrova E. V. *Civil-legal regulation of establishing the origin of children when applying assisted reproductive technologies*. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2025. 21 p. (In Russ.)

13. Dolinskaya V. V. Specifics of the legal status of minors as heirs. *Civilist.* 2024;(4):14-23. (In Russ.)

14. Trifonova K. V., Trifonov S. G. Unification of inheritance law provisions in private international law. *Inheritance Law*. 2020;(4):13-19. (In Russ.)

15. Burmistrova E. V. Specifics of inheriting by children conceived and born a result of posthumous reproduction programs implementation. *Juridical World*. 2024;(9):24-27. (In Russ.)

Информация об авторе

Ю. С. Близнюк – преподаватель кафедры истории государства и права, конституционного права, соискатель.

Information about the author

Yu. S. Bliznyuk – Lecturer at the History of State and Law, Constitutional Law Department, Applicant.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 26.12.2025; одобрена после рецензирования 30.01.2026; принята к публикации 12.02.2026.

The article was submitted 26.12.2025; approved after reviewing 30.01.2026; accepted for publication 12.02.2026.

Российское правосудие. 2026. № 4. С. 75–85
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 4. P. 75–85
УДК 347.61 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.4.75-85

Научная статья

Использование цифровых технологий в сфере семейного предпринимательства: правовой аспект

Денис Евгеньевич Матыцин[1, 2], Полина Анатольевна Федорова[3]

[1] Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация

[2] Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина, Краснодар, Российская Федерация, dmatytsin@ya.ru, https://orcid.org/0000-0002-4038-4032

[3] Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация, polinafedorova999@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0000-1186-1162

Аннотация. Семейное предпринимательство традиционно считается одной из наиболее распространенных форм малого бизнеса, играющей значительную роль в экономике. Однако, несмотря на масштабы этого явления, оно до сих пор не имеет четкого правового регулирования на федеральном уровне. Законодательное определение «семейного бизнеса» все еще разрабатывается, но в научной доктрине идет активная дискуссия о понятии и содержании семейного предпринимательства.

В статье доказывается, что цифровизация семейного бизнеса способствует инновациям, повышению производительности, конкурентоспособности. Использование цифровых технологий (электронная коммерция, облачные сервисы, искусственный интеллект, CRM-системы) позволит семейному бизнесу оптимизировать производственные процессы, расширить рынок сбыта и улучшить взаимодействие с клиентами. Но внедрение этих технологий сопряжено с рядом правовых проблем: соблюдением требований законодательства в сфере электронной торговли, защитой персональных данных, использованием электронных подписей, цифровых платформ и т. д. Авторы анализируют названные правовые проблемы и формулируют законотворческие предложения, в частности, касающиеся определения особенностей правового положения субъектов семейного предпринимательства в части государственной регистрации, бухгалтерского, налогового, статистического учета, отчетности и др., а также закрепления четких мер поддержки семейного предпринимательства. По мнению авторов, отдельные статьи закона должны быть посвящены цифровым аспектам семейного бизнеса.

Ключевые слова: семейное предпринимательство, электронная коммерция, облачные сервисы, цифровизация, CRM-системы, искусственный интеллект, торговля, товар

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 25-28-00129 «LegalTech в семейном бизнесе как драйвер устойчивого развития: экономико-правовая инфраструктура».

Для цитирования: Матыцин Д. Е., Федорова П. А. Использование цифровых технологий в сфере семейного предпринимательства: правовой аспект // Российское правосудие. 2026. № 4. С. 75–85. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.4.75-85.

© Матыцин Д. Е., Федорова П. А., 2026

Original article

Use of Digital Technologies in Family Business: Legal Aspects

Denis E. Matytsin[1, 2], Polina A. Fedorova[3]

[1] Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation
[2] Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin, Krasnodar, Russian Federation, dmatytsin@ya.ru, https://orcid.org/0000-0002-4038-4032
[3] Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation, polinafedorova999@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0000-1186-1162

Abstract. Family entrepreneurship is traditionally considered to be one of the most widespread forms of small business, which plays a significant role in the economy. However, despite the scale of this phenomenon, it still does not have a clear legal regulation at the federal level. The legislative definition of "family business" is still being developed, but there is an active discussion in the scientific doctrine about the concept and content of family entrepreneurship.
The article proves that the digitalization of family business contributes to innovation, increased productivity, and competitiveness. The use of digital technologies (e-commerce, cloud services, artificial intelligence, cloud services, and CRM systems) will allow family businesses to optimize their production processes, expand their market, and improve their customer interactions. However, the implementation of these technologies is associated with a number of legal issues, such as compliance with the requirements of e-commerce legislation, protection of personal data, use of electronic signatures, digital platforms, etc. The authors analyze these legal issues and formulate legislative proposals, particularly regarding the definition of the legal status of family business entities in terms of state registration, accounting, tax, statistical records, reporting, etc., as well as the establishment of clear measures to support family business. According to the authors, separate articles of the law should be dedicated to the digital aspects of family business.

Keywords: family entrepreneurship, e-commerce, cloud services, digitalization, CRM systems, artificial intelligence, trade, product

Acknowledgments: this research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 25-28-00129 "LegalTech in Family Business as a Driver of Sustainable Development: Economic and Legal Infrastructure".

For citation: Matytsin D. E., Fedorova P. A. Use of digital technologies in family business: legal aspects. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(4):75-85. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.4.75-85.

В России семейный бизнес составляет подавляющую часть сектора малого и среднего предпринимательства: по оценкам Торгово-промышленной палаты России, более 74% малых и средних предприятий являются семейными[1]. Однако, несмотря на масштабы этого явления, оно до сих пор не имеет четкого правового регулирования на федеральном уровне. Законодательное определение «семейного бизнеса» не выработано.

В научной доктрине активно обсуждаются понятие и содержание семейного предпринимательства. Например, Л. А. Баркова отмечает, что поддержка семейного предпринимательства как инструмента обеспечения условий для преодоления негативных тенденций в сфере стабилизации материального положения семей, уменьшения бедности, увеличения помощи малоимущим семьям является одним из приоритетных направлений российской государственной семейной политики. Непосредственно под «семейным предпринимательством» она предлагает понимать самостоятельную, инициативную, систематическую, на собственный риск и под свою имущественную ответственность «деятельность в любой легальной организационно-правовой форме, осуществляемую членами семьи не столько в целях полу-

[1] СенатИнформ. Семейному бизнесу нужно законодательное определение // Торгово-промышленная палата Российской Федерации. Семейное предпринимательство : [сайт]. URL: https://family.tpprf.ru/families/media/2841872/ (дата обращения: 28.04.2025).

чения прибыли, сколько для достижения экономических и социальных результатов, направленных на удовлетворение имущественных потребностей и гармонизацию интересов семьи при преодолении социально-экономических проблем» [1, с. 12]. Семейное предпринимательство в современных индустриальных реалиях, по мнению А. Х. Рофиевой, занимает ту нишу, в которой нет заинтересованности у крупного и среднего бизнеса, включая торговлю (розничную и оптовую), оказание бытовых услуг (химчистки, ателье, парикмахерские, ремонт бытовой техники, одежды, обуви и т. д.), заведения общественного питания, различные виды транспортных услуг и др. Соответственно, под семейным предпринимательством следует понимать сферу «…предпринимательской деятельности, в которой два или более члена семьи, имея родственные связи, выполняют руководящие или имущественные функции, осуществляют производство с целью получения прибыли в виде выполнения работ, оказания услуг или реализации товаров» [2, с. 11].

Д. А. Пономарев предлагает следующее определение: семейное предпринимательство – это предпринимательская деятельность, осуществляемая лицами, «…связанными между собой семейными и/или родственными отношениями, с использованием любых допускаемых законодательством организационно-правовых форм или на основе заключаемых ими договоров в целях извлечения прибыли и (или) достижения иных хозяйственных результатов за счет объединения имущественных, трудовых, организационных и (или) иных вкладов участников такой деятельности» [3, с. 12]. Семейное предпринимательство иногда рассматривается как разновидность более рамочной правовой категории «социальное предпринимательство» [4, с. 6], хотя другие авторы считают взаимосвязь этих двух видов предпринимательской деятельности более сложной [5, с. 24–25].

Со своей стороны хотелось бы заметить, что в настоящий момент российское законодательство не содержит ни определения, ни особенностей осуществления семейного бизнеса (предпринимательства), что является одним из пробелов в праве. С некоторой условностью можно говорить о семейном характере крестьянского (фермерского) хозяйства, хотя законодатель не делает на семейном характере фермерства какого-то специального акцента. Несмотря на эти пробелы, семейный бизнес массово осуществляется на основе общих правил ГК РФ и иных законов. Его ключевых характеристик две: наличие фактора родственных связей между членами семьи, участвующими в малом (среднем) бизнесе; наличие регистрации в качестве индивидуального предпринимателя у одного из членов семьи (или создание некоторых видов юридических лиц, например ООО). При этом представляется, что едва ли главной целью организации семейного бизнеса является решение важных для государства социально-экономических или любых других задач. Обычно цель создания этого вида бизнеса – финансовое обеспечение семьи. Одной из ключевых тенденций, влияющих на развитие современного семейного бизнеса, является цифровизация.

Результаты исследования

Цифровая трансформация бизнеса способствует инновациям, повышению производительности и конкурентоспособности, что особенно важно для малых семейных предприятий, стремящихся выживать и развиваться в условиях конкуренции. Использование цифровых технологий (электронная коммерция, облачные сервисы, CRM-системы, искусственный интеллект и др.) позволяет семейному бизнесу оптимизировать производственные процессы, расширять рынок сбыта и улучшать взаимодействие с клиентами. В то же время внедрение этих технологий сопряжено с рядом правовых вопросов: необходимо соблюдать требования законодательства в сфере электронной торговли, защиты персональных данных, использования электронных подписей, регулирования цифровых платформ и т. д. Рассмотрим указанные цифровые технологии более подробно.

Электронная коммерция (онлайн-торговля) позволяет выйти за рамки локального рынка и напрямую предлагать товары потребителям через интернет. Правовое регулирование онлайн-торговли в России основано на нормах о розничной купле-продаже и защите прав потребителей, адаптированных к дистанционному способу продажи товаров. Российское законодательство использует термин «продажа товаров дистанционным способом» применительно к интернет-торговле. Нормативное определение этого понятия содержится в ст. 26.1 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-I «О защите прав потребителей»[2] и в Правилах продажи товаров по договору розничной купли-продажи[3]. К существенным признакам дистанционной торговли относятся: продажа по договору розничной купли-продажи, при которой покупатель знакомится с товаром по описанию и фото, без возможности непосредственного ознакомления (через сайт). Размещение товара на сайте с указанием цены и возможностью оформить заказ является публичной офертой (ст. 437 ГК РФ). Информация на сайте адресована неопределенному кругу лиц, содержит существенные условия договора (наименование товара, цену, способы оплаты и доставки и т. д.) и выражает волю продавца заключить договор с любым, кто откликнется. Покупатель, осуществляя оформление заказа онлайн, принимает оферту продавца, и именно в этот момент договор розничной купли-продажи считается заключенным в электронной форме. Таким образом, интернет-заказ юридически равнозначен договору, заключенному традиционным способом, и накладывает на стороны взаимные обязанности [6].

Отметим: некоторые категории товаров запрещены для розничной продажи дистанционным способом. Например, через интернет запрещено продавать алкогольную продукцию, табачные изделия, оружие, драгоценные металлы и камни, лекарственные средства (кроме разрешенных к дистанционной торговле медицинских препаратов) и некоторые другие товары из специального перечня.

Для *семейных предприятий*, ориентированных на работу с большим числом клиентов (розничная торговля, услуги), критически важно поддерживать хорошие отношения с потребителями, знать их предпочтения и историю обращений. CRM-системы (Customer Relationship Management) позволяют хранить данные о клиентах, фиксировать продажи, автоматизировать маркетинговые коммуникации (например, рассылать постоянным клиентам персональные предложения). Внедрение CRM даже на уровне малого бизнеса может значительно повысить лояльность клиентской базы и эффективность продаж. Однако вместе с техническими возможностями CRM возникает и зона правового регулирования – это персональные данные клиентов. Любая база данных, содержащая сведения о физических лицах (имена, контактные данные, история заказов, предпочтения и т. д.), подпадает под действие Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»[4]. В данной ситуации семейный (малый) бизнес уже выступает оператором персональных данных, т. е. лицом, организующим и осуществляющим обработку персональных данных, обязанным соблюдать требования этого Закона.

---

[2] Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 3. Ст. 140.

[3] Постановление Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2020 г. № 2463 «Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование потребителя о безвозмездном предоставлении ему товара, обладающего этими же основными потребительскими свойствами, на период ремонта или замены такого товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[4] Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3451.

Реализуя эту стратегию, важно получать необходимые согласия от клиентов, разработать и опубликовать свою политику конфиденциальности, уведомить Роскомнадзор о начале обработки персональных данных (этим требованием Закона часто пренебрегают). Желательно проводить регулярные обзоры: какие данные собираются, не избыточны ли они, как хранятся. Соблюдение закона о персональных данных не только убережет от штрафов, но и повысит уровень доверия клиентов, которые увидят ответственное отношение семейного бизнеса к их приватности, что важно для его репутации.

Облачные сервисы и ИТ-инфраструктура. Семейный бизнес может хранить документы в облачном хранилище («Яндекс.Диск», Google Drive), использовать офисные приложения онлайн, арендовать виртуальные серверы для работы специализированного программного обеспечения или воспользоваться облачными бухгалтерскими системами. Преимущества облака очевидны: нет необходимости инвестировать в дорогостоящее оборудование и его обслуживание; данные доступны из любой точки, где есть интернет; масштабируемость ресурсов по потребностям; резервное копирование или обновление обеспечивается провайдером. Для семейных предпринимателей, не имеющих собственных ИТ-специалистов, облачные решения зачастую являются оптимальным вариантом. Вместе с тем переход на облачные технологии ставит ряд правовых и организационных вопросов, связанных с защитой информации и договорными отношениями с поставщиками услуг:

• *договор с провайдером облачных услуг*. В нем должны быть четко определены обязанности провайдера по обеспечению конфиденциальности и доступности данных. Крупные облачные сервисы обычно предлагают публичную оферту (пользовательское соглашение). Предприниматель должен внимательно ознакомиться с его условиями: какова ответственность провайдера при сбоях или утрате данных, как разрешаются споры, действует ли ограничение ответственности. Следует учитывать, что типовые оферты часто максимально ограничивают обязательства поставщика (вплоть до отказа от ответственности за потерю данных), перекладывая риски на пользователя. С позиции законодательства такие условия в рамках свободы договора допустимы, хотя потребителей (граждан) закон защищает в большей степени, чем коммерческих пользователей. Поэтому бизнесу важно самому заботиться о сохранности данных – регулярно делать резервные копии критически важной информации и хранить их в альтернативном месте;

• *конфиденциальность и безопасность*. Если в облако перемещаются коммерчески значимые данные (клиентская база, финансовые документы), следует удостовериться, что сервис отвечает требованиям информационной безопасности. Для малого (семейного) бизнеса это означает, что стандартные меры (шифрование каналов, система резервирования) предусмотрены. Передача данных в облако не снимает с семейного бизнеса обязанности по защите персональных данных. Провайдер выступает в роли лица, осуществляющего обработку данных по поручению оператора; последний должен убедиться, что провайдером были приняты все меры безопасности. Не будет лишним заключить с ним соглашение о конфиденциальности или включить соответствующие условия в договор;

• *локация серверов*. Закон о персональных данных требует хранения данных россиян на серверах в Российской Федерации. Поэтому при выборе облачной платформы нужно учитывать, где находятся ее дата-центры. Крупные международные компании (Amazon и др.) до недавнего времени не имели дата-центров в России, что создавало юридическую коллизию при их использовании для физических лиц. Сейчас, в условиях геополитических ограничений, бизнес в России переходит на услуги отечественных облачных компаний, чьи мощности находятся внутри страны;

• *доступ к информации и риск блокировок*. Использование публичных облачных сервисов предполагает передачу данных через интернет, что подчиняется нормам Федерального зако-

на от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[5]. В частности, если на облачном хранилище будет размещена информация, признанная незаконной (например, экстремистские материалы, пиратский контент), ресурс может попасть под блокировку. Для легального бизнеса это маловероятно, но все же заметим: реестр запрещенных сайтов (Единый реестр Роскомнадзора) технически может заблокировать доступ и к облачным доменам, если там выявлен запрещенный контент.

В целом правовых запретов на использование облачных технологий нет, напротив, государство само переводит многие услуги для бизнеса в «цифровой облачный» формат (онлайн-банки, электронная отчетность через интернет-сервисы ФНС, государственные информационные системы для взаимодействия с малым бизнесом и т. д.). Семейный бизнес активно применяет облачные решения, но при этом следует грамотно выстраивать отношения с провайдерами и не забывать об информационной безопасности. Необходимо помнить, что ответственность за персональные данные остается на самом бизнесе: утрата клиентских данных в облаке не освобождает от обязанности уведомить пострадавших и может повлечь наложение штрафа, даже если произошел технический сбой у провайдера. Поэтому договорная работа и дублирование критичных данных – элементы правовой защиты интересов семейного бизнеса при работе в облаке.

Автоматизация учета и электронный документооборот – важные элементы цифровизации семейного бизнеса. Традиционно небольшие предприятия вели учет вручную или в таблицах, однако современные требования (в том числе со стороны государства) практически обязывают переходить на специализированное программное обеспечение. Существуют доступные решения, например 1С: Бухгалтерия или упрощенные версии для малого бизнеса. Они позволяют автоматически рассчитывать налоги, формировать отчетность, учитывать продажи и остатки товара. Для семейного предприятия использование таких программ снижает риск ошибок и облегчает выполнение обязанностей перед государством (сдачу отчетности, уплату налогов и др.). Правовой аспект автоматизации учета связан прежде всего с соблюдением закона о бухгалтерском учете и налогового законодательства. Федеральный закон от 6 декабря 2011 г. № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете»[6] требует от организаций и индивидуальных предпринимателей вести бухгалтерский учет в установленном порядке, составлять бухгалтерскую (финансовую) отчетность. Индивидуальные предприниматели на упрощенных режимах могут освобождаться от обязанностей бухучета, однако должны вести налоговый учет доходов и расходов. Таким образом, абсолютно любой хозяйствующий субъект обязан фиксировать финансовые операции, а значит, использование программного обеспечения для учета поощряется, но не меняет сути требований. Важно, чтобы применяемое программное обеспечение соответствовало нормативным требованиям. Как правило, сертифицированные программы (та же 1С) отвечают актуальному законодательству и регулярно обновляются.

Одним из ключевых направлений, где техника встречается с правом, является переход на электронный документооборот. Это касается как внутреннего оборота документов в организации, так и обмена документами с контрагентами и государством. С точки зрения закона электронный документ имеет юридическую силу, если соблюдены требования к его подписанию и защите. Гражданский кодекс Российской Федерации допускает совершение сделки в простой письменной форме посредством обмена электронными документами, подписанными электронной подписью (ст. 160). Более того, ст. 6 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи»[7] прямо устанавливает, что документ в электронной фор-

[5] Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.
[6] Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 50. Ст. 7344.
[7] Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 15. Ст. 2036.

ме, подписанный квалифицированной электронной подписью, равнозначен документу на бумаге, подписанному собственноручно. Таким образом, семейный бизнес может перевести большинство своих документов – договоры, акты, счета, накладные – в электронный вид при условии, что будет использоваться верно оформленная электронная подпись сторон.

Искусственный интеллект (далее – ИИ) *и связанные с ним технологии машинного обучения* проникают во все сферы бизнеса. Для малого семейного предприятия использование продвинутых технологий ИИ пока не столь распространено, как для крупных корпораций, однако некоторые их проявления уже доступны и потенциально полезны. Примеры применений ИИ в семейном (малом) бизнесе: интеллектуальные чат-боты на сайте или в мессенджерах для консультаций клиентов; системы аналитики больших данных, помогающие анализировать поведение потребителей и прогнозировать спрос; сервисы генерации контента (тексты, дизайн) на основе нейросетей для маркетинговых нужд; голосовые помощники для обработки звонков и т. д. Семейный ресторан может внедрить бота для приема заказов онлайн, а семейный магазин одежды – использовать рекомендательный сервис, предлагающий клиентам товары на основе их покупательской истории.

Правовое регулирование сферы ИИ пока находится в Россиии в начальной стадии формирования [7, с. 99]. Специального закона об искусственном интеллекте нет, поэтому деятельность с использованием ИИ подчиняется общим нормам законодательства. Следует иметь в виду, что, если семейный бизнес использует ИИ при взаимодействии с потребителем (например, консультация, подбор товаров), результаты этого контакта воспринимаются потребителем как действия предпринимателя. Ошибка чат-бота, давшего неверную информацию, не освобождает предпринимателя от ответственности по закону о защите прав потребителей. Свою специфику использования ИИ мы видим у семейных ферм в сельском хозяйстве [8, p. 9].

Цифровой маркетинг является неотъемлемой частью стратегии развития практически любого малого бизнеса. Семейные предприниматели активно используют интернет-продвижение по причине его относительной дешевизны и широкого охвата. В рамках цифрового маркетинга можно выделить: рекламу в поисковых системах; продвижение в социальных сетях; email-рассылки клиентам; SMS-оповещения; контент-маркетинг (ведение блогов, публикация статей); участие в партнерских программах и т. д. Грамотное сочетание этих инструментов позволяет семейному бизнесу конкурировать с более крупными игроками, формируя свой бренд и привлекая аудиторию. Однако рекламная и маркетинговая деятельность регулируется рядом законодательных актов, нарушение которых может привести к штрафам или искам со стороны потребителей и конкурентов.

Обратим внимание на следующие аспекты. Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе»[8] распространяется и на рекламу в интернете. Он содержит общие требования: реклама должна быть достоверной, не вводить в заблуждение относительно потребительских свойств товара, не нарушать законодательство (например, не содержать запрещенных сравнений, не дискредитировать конкурентов). Рассылка рекламы по сетям электросвязи (телефон, электронная почта, SMS и аналогичные каналы) без предварительного согласия адресата запрещена. При рекламе онлайн важно соблюдать все специальные ограничения, предусмотренные Законом о рекламе для отдельных видов товаров. В тех случаях, когда представители семейного бизнеса ведут странички в соцсетях и взаимодействуют с пользователями, они должны соблюдать правила платформы (которые зачастую касаются запрещенного контента – экстремизма, азартных игр и др.) и общие нормы закона. Например, если на странице публикуются отзывы клиентов, они не должны содержать оскорблений конку-

[8] Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 12. Ст. 1232.

рентов. Проведение конкурсов и розыгрышей в соцсетях – популярный маркетинговый прием – тоже имеет правовые рамки. Если розыгрыш призов носит рекламный характер и требует от участников каких-то действий, он может квалифицироваться как лотерея или стимулирующее мероприятие, требующее соблюдения ст. 9 Закона о рекламе (необходимо публично объявить правила, сроки, порядок получения выигрыша).

Все изложенное означает, что цифровая трансформация семейного предпринимательства – это не дань моде, а насущная необходимость для повышения конкурентоспособности и эффективности данного бизнеса. Проведенный анализ показал, что семейный бизнес активно осваивает электронную коммерцию, облачные технологии, автоматизированные системы и цифровой маркетинг, что приносит ощутимые плоды: расширяется рынок сбыта, оптимизируются издержки, укрепляется связь с клиентами. В то же время каждая из рассмотренных технологий ставит перед семейным бизнесом ряд правовых задач, требующих ответственного подхода. Российское законодательство в целом успевает за цифровыми инновациями: разработаны базовые нормы, регулирующие онлайн-торговлю, электронный документооборот, защиту данных, электронные подписи.

Эти нормы подчеркивают юридическую значимость цифровой деятельности (например, признают онлайн-сделки равноправными офлайн-сделкам; придают электронным документам силу доказательства). Вместе с тем нормативная база постоянно дополняется и усложняется под влиянием стремительного развития технологий и цифровой экономики. Для семейного бизнеса критически важно своевременно учитывать изменения в законодательстве и соблюдать установленные требования. В противном случае юридические риски могут свести на нет преимущества цифровизации. К числу наиболее значимых рисков относятся: претензии потребителей в сфере электронной коммерции (нарушение их прав при дистанционной покупке); штрафы контролирующих органов (Роспотребнадзора – за нарушение правил торговли, Роскомнадзора – за нарушение закона о персональных данных, ФАС – за ненадлежащую рекламу); санкции платформ (блокировка аккаунта, штрафы в адрес продавца), а также уголовно-правовые риски (например, за незаконный контент). Представляется, что российское законодательство нуждается в дальнейшем совершенствовании с учетом специфики семейного предпринимательства и новых цифровых вызовов.

Заключение

Опираясь на результаты проведенного исследования, выдвинем следующие предложения.

1. Необходимо закрепление правовых особенностей ведения семейного предпринимательства в законодательстве. В настоящий момент отсутствует даже само его нормативное определение. Тем не менее семейный бизнес осуществляется в рамках законодательства (ГК РФ и другие федеральные законы), регламентирующего деятельность малого (среднего) бизнеса. Представляется, что главными критериями именно семейного предпринимательства являются регистрация в качестве индивидуального предпринимателя одного из членов семьи, ведущего семейный бизнес (включая фермерство), либо создание некоторых видов юридических лиц (например, ООО), а также преимущественно родственный состав участников такого бизнеса. Для решения данного вопроса могут быть как принят отдельный федеральный закон, так и внесены изменения в уже действующие правовые акты.

Наряду с определением семейного предпринимательства и его признаков предлагаемый закон должен закрепить особенности правового положения субъектов семейного предпринимательства в части государственной регистрации, бухгалтерского, налогового, статистического учета и отчетности и др., а также закрепить четкие меры поддержки семейного предпринимательства [9].

Отдельные статьи закона должны быть посвящены цифровым аспектам семейного бизнеса. В данном законе, например, необходимо предусмотреть налоговые льготы или субсидии на внедрение отечественных ИТ-технологий, установить упрощенный порядок коллективной работы членов семьи (чтобы супруги и родственники могли официально трудиться без избыточного документооборота). Юридическое признание семейного предпринимательства позволит точнее адресовать государственную поддержку, в том числе и в сфере цифровизации данного сектора.

2. Следует принять специальный закон об электронной коммерции. Хотя основные вопросы дистанционной торговли урегулированы, правовые нормы разбросаны по разным нормативным актам. Специальный закон или подзаконный акт могли бы четко определить права и обязанности сторон непосредственно при интернет-торговле, включая такие аспекты, как электронные договоры, цифровые товары и услуги, ответственность интернет-посредников. Это снизило бы правовую неопределенность. Примером здесь может послужить зарубежный опыт (в ЕС – Директивы о цифровом контенте, правах потребителей в онлайн-торговле) [10]. Для российского семейного бизнеса ясность правил дистанционной торговли снизит издержки на юридическое сопровождение и предотвратит многие споры.

3. Необходимо регулирование деятельности онлайн-платформ (маркетплейсов). Требуется законодательно закрепить прозрачность и баланс интересов на платформах [11, с. 196]. В ГК РФ или отдельный правовой акт нужно включить положения о недопустимости произвольной блокировки добросовестных продавцов, об обязанности платформ заранее уведомлять об изменении условий работы, о понятных механизмах разрешения споров. Также необходимо продолжить борьбу с контрафактом и нелегальным товаром на платформах (что делается посредством обязательной маркировки и других мер), поскольку недобросовестные конкуренты, продающие контрафакт, подрывают репутацию всего рынка и ставят в невыгодное положение честный семейный бизнес. Закон или иной акт о маркетплейсах должен учитывать мнение как крупных платформ, так и семейного бизнеса, которому зачастую нужна защита от диктата платформ, и государство тут может выступить арбитром.

Таким образом, цифровые технологии при грамотном использовании и соблюдении правовых норм – мощный драйвер развития семейного предпринимательства. Они стирают прежние барьеры, позволяя семейным предпринимателям работать на равных с крупными игроками в интернете, находить своего покупателя по всей стране и за рубежом, эффективно управлять бизнес-процессами. Российское законодательство явно стремится к обеспечению баланса – стимулировать цифровую экономику и одновременно защитить права всех ее субъектов (потребителей, бизнеса, государства). Семейному бизнесу надо быть законопослушным, информированным и адаптивным, тогда цифровизация из источника рисков превратится в основу стабильного роста доходов семьи.

Список источников

1. Баркова Л. А. Семейное предпринимательство в механизме правового обеспечения гармонизации интересов семьи : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2015. 25 с.

2. Рофиева А. Х. Правовое регулирование семейного предпринимательства в Республике Таджикистан : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Душанбе, 2023. 30 с.

3. Пономарев Д. А. Семейное предпринимательство: частноправовое исследование : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Курск, 2023. 28 с.

4. Левушкин А. Н. Гражданско-правовое регулирование и развитие семейного предпринимательства как вида социального предпринимательства в Российской Федерации // Гражданское право. 2019. № 2. С. 6–10.

5. Барков А. В., Гришина Я. С., Лескова Ю. Г и др. Легализация социального предпринимательства в России и за рубежом: тенденции и перспективы развития : моногр. М. : Проспект, 2020. 216 с.

6. Черноштанова Н. И. Проблема защиты прав потребителей при дистанционной торговле в сети «Интернет» // Интернаука. 2023. № 23-4. С. 20–22.

7. Иншакова А. О., Квициния Н. В. Цифровые решения для семейных компаний: юридические технологии и автоматизация юридических процессов // Власть Закона. 2024. № 2 (58). С. 99–110.

8. Inshakova A. O., Matytsin D. E., Baltutite I. V. Preface // LegalTech and legal-AI in business. Major and promising sectors of economy : collection of articles / eds. A. Inshakova, D. Matytsin, I. Baltutite. Vol. 276. Cham : Springer, 2025. P. 7–9.

9. Мохов А. А. Семейное и малое предпринимательство в современной России: доктрина и законодательство // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2017. № 2. С. 25–28.

10. Мефодьева К. А. Эволюция законодательства ЕС о защите прав потребителей цифрового контента // Международный правовой курьер. 2018. № 1. С. 48–53.

11. Иншакова А. О., Гончаров А. И. Совершенствование законодательства в области применения ключевых технологий Индустрии 4.0: распределенные реестры в интернет-торговле // Век качества : электрон. журн. 2022. № 3. С. 196–215. URL: http://www.agequal.ru/pdf/2022/AGE_QUALITY_3_2022.pdf.

References

1. Barkova L. A. *Family entrepreneurship in the mechanism of legal support for harmonizing family interests*. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2015. 25 p. (In Russ.)

2. Rofieva A. Kh. *Legal regulation of family entrepreneurship in the Republic of Tajikistan*. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Dushanbe; 2023. 30 p. (In Russ.)

3. Ponomarev D. A. *Family entrepreneurship: private law research*. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Kursk; 2023. 28 p. (In Russ.)

4. Levushkin A. N. Civil law regulation and development of family entrepreneurship as a type of social entrepreneurship in the Russian Federation. *Civil Law*. 2019;(2):6-10. (In Russ.)

5. Barkov A. V., Grishina Ya. S., Leskova Yu. G., et al. *Legalization of social entrepreneurship in Russia and abroad: trends and development prospects.* Monograph. Moscow: Prospekt; 2020. 216 p. (In Russ.)

6. Chernoshtanova N. I. The problem of consumer rights protection in distance selling on the Internet. *Internauka*. 2023;(23-4):20-22. (In Russ.)

7. Inshakova A. O., Kvitsinia N. V. Digital solutions for family companies: legal technologies and automation of legal processes. *The Power of Law*. 2024;(2):99-110. (In Russ.)

8. Inshakova A. O., Matytsin D. E., Baltutite I. V. Preface. In: A. Inshakova, D. Matytsin, I. Baltutite, eds. *LegalTech and legal-AI in business. Major and promising sectors of economy*. Collection of articles. Vol. 276. Cham: Springer; 2025. Pp. 7–9.

9. Mokhov A. A. Family and small business in modern Russia: doctrine and legislation. *Journal of Entrepreneurial and Corporate Law*. 2017;(2):25-28. (In Russ.)

10. Mefodieva K. A. The evolution of EU legislation on consumer protection of digital content. *International Legal Courier*. 2018;(1):48-53. (In Russ.)

11. Inshakova A. O., Goncharov A. I. Improving legislation in the field of applying key technologies of Industry 4.0: distributed registries in online shopping. *Age of Quality*. E-journal. 2022;(3):196-215. (In Russ.) URL: http://www.agequal.ru/pdf/2022/AGE_QUALITY_3_2022.pdf.

Информация об авторах

Д. Е. Матыцин – доктор юридических наук, кандидат экономических наук, профессор кафедры предпринимательского права и международного частного права, главный научный сотрудник Кубанского государственного университета, профессор кафедры гражданского права Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина;

П. А. Федорова – аспирант кафедры гражданского права и процесса.

Information about the authors

D. E. Matytsin – Doctor of Science (Law), Candidate of Science (Economic), Professor at the Business Law and Private International Law Department, Chief Researcher at the Kuban State University, Professor at the Civil Law Department of the Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin;

P. A. Fedorova – Postgraduate Student at the Civil Law and Procedure Department.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no relebant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 04.12.2025; одобрена после рецензирования 16.12.2025; принята к публикации 12.02.2026.

The article was submitted 04.12.2025; approved after reviewing 16.12.2025; accepted for publication 12.02.2026.

Российское правосудие. 2026. № 4. С. 86–93
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 4. P. 86–93
УДК 343.33 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.4.86-93

Научная статья

Проблемы правовой оценки мародерства

Александр Владимирович Бриллиантов
Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация, brilliantov-07@mail.ru, http://orcid.org/0000-0002-6186-1491

Аннотация. Статья посвящена анализу состава мародерства в соответствии со ст. 356.1 УК РФ, дополнившей систему преступлений против мира и безопасности человечества. Ранее аналогичный состав преступления имел место в УК РСФСР. Однако в УК РФ он включен в видоизмененном варианте, в котором учтены особенности современного периода. В этой связи в статье кратко рассматриваются исторические аспекты противодействия мародерству, проводится анализ действующей редакции указанного выше состава, исследуется содержание используемых законодателем дефиниций, отдельных дискуссионных позиций, связанных с правоприменением.
Выявлены и рассмотрены проблемы, связанные с применением новой статьи УК РФ. Обосновывается авторская позиция по рассматриваемым вопросам, приводятся подходы других авторов.

Ключевые слова: мародерство, призыв на военную службу, мобилизация, военное время, военное положение, вынужденная необходимость, гражданское население

Для цитирования: Бриллиантов А. В. Проблемы правовой оценки мародерства // Российское правосудие. 2026. № 4. С. 86–93. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.4.86-93.

Original article

Problems of Legal Assessment of Looting

Alexander V. Brilliantov

Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Moscow, Russian Federation, brilliantov-07@mail.ru, http://orcid.org/0000-0002-6186-1491

Abstract. The article is devoted to the analysis of the composition of looting (Art. 356.1 of the Criminal Code of the Russian Federation), which complemented the system of crimes against the peace and security of mankind. Previously, a similar corpus delicti took place in the Criminal Code of the RSFSR. However, it is included in the Criminal Code of the Russian Federation in a modified version, which takes into account the peculiarities of the modern period. In this regard, the article briefly examines the historical aspects of countering looting, analyzes the current version of the above composition, examines the content of definitions used by the legislator, and individual controversial positions related to law enforcement. The problems related to the application of the new article of the Criminal Code of the Russian Federation have been identified and considered. The author's position on the issues under consideration is substantiated, and the approaches of other authors are presented.

Keywords: looting, conscription, mobilization, wartime, martial law, emergency, civilian population

For citation: Brilliantov A. V. Problems of legal assessment of looting. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(4):86-93. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.4.86-93.

© Бриллиантов А. В., 2026

В современных условиях международной политической нестабильности, перехода к многополярному миру неизбежны межгосударственные конфликты различного уровня и интенсивности, в том числе конфликты, разрешение которых сопряжено с военным противостоянием. В этой ситуации нужно обратить особое внимание на противодействие преступлениям, число которых возрастает именно в условиях военного конфликта.

К таким преступлениям относится и мародерство. Что оно собой представляет, какова его сущность? Ответить на эти вопросы непросто. Это обусловлено тем, что исторически насилие над гражданским населением, изъятие имущества всегда были неотъемлемой частью военных конфликтов. Зачастую такие действия осуществлялись победившей стороной, которая получала свою добычу за счет разграбления городов, захваченных земель, населения. Подобные насильственные действия расценивались в качестве способа улучшения материального положения солдат армии победителя.

Результаты исследования

Насильственное изъятие имущества, безусловно, позволяло извлекать материальную выгоду. Однако оно же порождало ряд серьезных проблем: падение дисциплины, снижение боевой готовности воинских подразделений, внутренние конфликты, связанные с разделом награбленного, и случаи коррупции среди начальства. Поэтому, хотя мародерство иногда разрешалось, возникала необходимость в установлении четких ограничений или полного запрета на подобные действия по отношению к мирному населению.

Мародерство случалось не только на территориях, где непосредственно велись военные действия, но и на смежных территориях. Поэтому одной из важных задач была защита мирного населения.

По этой причине во многих странах, включая Россию, законодательно стали закрепляться нормы, относящие насильственное изъятие имущества у населения и прочих собственников к категории преступлений, если подобные действия не диктовались военной необходимостью.

К примеру, в России законодательно запрет на мародерство был установлен Соборным уложением 1649 г., где в ст. 22 главы 7 «О службе всяких ратных людей Московского государьства» устанавливалось следующее: «А будет кто служилые люди, будучи на государеве службе, учнут у кого имати хлебныя запасы и конския кормы насильством, или учнут кого грабити, или дворы и огороды, где они стоят, учнут пустошити, или иныя какие убытки кому делати, и в том на них будут челобитчики, а сыщется про то допряма, и на тех людех, кто кому какия убытки учинят, те убытки правити вдвое»[1]. Но не всегда насильственное изъятие имущества у населения было под абсолютным запретом.

В артикуле 104 Артикула воинского 1715 г. под страхом смертной казни запрещалось без дозволения изымать имущество определенных социально значимых объектов. В частности, в нем говорилось: «Когда город или крепость штурмом взяты будут, тогда никто да не дерзает, хотя вышнего или нижнего чина, церкви, школы или иные духовные домы, шпитали, без позволения и указу грабить, или розбивать. Разве что гарнизон или граждане в оном здачею медлить, и великой вред чинить будут. Кто против сего преступит, оный накажется яко разбойник, а именно лишен будет живота»[2]. А в артикуле 106 был установлен аналогичный запрет «на грабеж» до наступления определенных обстоятельств и до получения соответствующего разрешения: «Когда город приступом взят будет, никто да не дерзает грабить, или

[1] Соборное уложение 1649 года : текст, коммент. / коммент. Г. В. Абрамовича и др. ; рук. авт. коллектива А. Г. Маньков. Л. : Наука : Ленингр. отд-е, 1987. С 26.

[2] Памятники российского права : учеб.-науч. пособие : в 35 т. Т. 4 : Памятники права в период единодержавия Петра I / под общ. ред. Р. Л. Хачатурова. М. : Юрлитинформ, 2014. С. 383.

добычу себе чинить, или обретающимися во оном питьем пьян напитца прежде, пока все сопротивление престанет, все оружие в крепости взято, и гарнизон оружие свое низположит, и квартиры салдатам розведены, и позволение к грабежу дано будет, под опасением смертной казни»[3]. Таким образом, частично грабеж был легализован, легитимность он приобретал только при определенных условиях, но не тогда, когда являлся частной инициативой.

А вот несколько позднее российский законодатель вновь обращается к абсолютному запрету и суровому наказанию за различного рода насильственные действия в военное время. Так, ст. 285 Воинского устава о наказаниях предусматривала ответственность за различного рода преступления, совершенные в военное время. В этой статье говорилось: «Въ военное время, за умышленное убійство, изнасилованіе, разбой, грабежъ и умышленное зажигательство или потопленіе чужаго имущества, виновные приговариваются: къ лишенію всехъ правъ состоянія и смертной казни»[4].

Очевидно, что в каждый исторический период развития общество и государство определяют свое отношение к насильственным действиям применительно к гражданскому населению, гражданским организациям и их имуществу. Значимую роль играет и политическая система государства. Так, широко известны факты узаконенного насилия над гражданским населением, мародерства со стороны военнослужащих Германии и ее государственных институтов во время Второй мировой войны.

Поощряется рядом государств насилие над гражданами и мародерство и в настоящее время. Ярким примером этого могут служить оккупация и насилие над мирным населением со стороны ВСУ Украины в Курской области, не замечаемое, а следовательно, поощряемое коалицией ряда западных государств.

И подобные проявления имеют место тогда, когда насилие над мирным населением на правовом уровне запрещается международным правом и правом на национальном уровне практически всех государств.

Так, п. «ж» ст. 23 IV Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны[5] запрещает «…истреблять или захватывать неприятельскую собственность, кроме случаев, когда подобное истребление или захват настоятельно вызывается военной необходимостью». А в ст. 47 говорится о том, что «грабеж безусловно воспрещается».

Ограбление запрещено и ст. 33 Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны[6].

Термин «мародерство» редко используется в актах международного права. В них, как правило, реализуется иная терминология. Например, этот термин можно найти в Постановлении № 48-6 Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ «О модельном Наставлении по международному гуманитарному праву для Содружества Независимых Государств»[7], где говорится о недопущении случаев мародерства в отношении раненых и

---

[3] Памятники российского права. С. 384.

[4] Воинский устав о наказаниях. СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1868. С. 102.

[5] Действующее международное право : в 3 т. Т. 2 / сост. Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчикова. М. : Изд-во Моск. независимого ин-та междунар. права, 1997. С. 575–587.

[6] Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XVI. М. : Литиздат НКИД, 1957. С. 204–278, 280.

[7] Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств от 29 ноября 2018 г. № 48-6 «О модельном Наставлении по международному гуманитарному праву для Содружества Независимых Государств» // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств. 2019. № 70 (ч. 1).

больных. При этом под мародерством понимается ограбление тел погибших (умерших – п. 6 ст. 7). Используется этот термин и в некоторых ведомственных межгосударственных соглашениях[8].

Каково же научное определение мародерства и содержание этого деяния? Равнозначно ли мародерство грабежу и насилию над гражданами?

Можно сказать, что с общих позиций под мародерством понимается изъятие имущества в любой форме (тайной или открытой, насильственной или ненасильственной), осуществляемое в период экстремальных условий (войны, политического кризиса, стихийных бедствий и др.). В указанные периоды эффективность деятельности органов власти, в том числе правоохранительных органов, как правило, существенно снижается или вообще отсутствует, что и является, наряду с экстремальной ситуацией, условием мародерства. Исходя из изложенного и несколько упрощая подход к определению мародерства, можно сказать, что мародерство – это кража, грабеж, разбой, совершаемые в условиях социального кризиса.

Аналогичный, но нетождественный подход к определению мародерства был использован в УК РСФСР 1960 г. В статье 266, находящейся в главе 12 «Воинские преступления», мародерство определялось как «похищение на поле сражения вещей, находящихся при убитых и раненых (мародерство)». Таким образом, объектом мародерства признавались интересы военной службы, а деяние соотносилось только с местом совершения преступления (поле боя) и предметом посягательства – вещами убитых и раненых. Представляется, что в этом случае имел место чрезвычайно узкий подход к определению сущности рассматриваемого явления.

Федеральным законом от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ в УК РФ была введена ст. 356.1, устанавливающая ответственность за мародерство. Каким образом данное деяние определяется в соответствии с действующим законом? Ведь его четкое определение чрезвычайно важно для понимания и применения на практике [1, с. 37–38].

Здесь следует отметить, что, определяя состав мародерства, законодатель установил и временные, и субъективные, и связанные с понятием предмета посягательства факторы.

Итак, мародерство, с позиции объективной стороны состава преступления представляет собой безвозмездное изъятие и (или) обращение в пользу виновного или других лиц чужого имущества. Однако подобное изъятие может образовывать состав мародерства, только если оно совершено в такие особые периоды, как: военное положение, военное время, условия военного конфликта, условия ведения боевых действий.

Как указано в ст. 1 Федерального конституционного закона от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении»[9], под военным положением понимается особый правовой режим, вводимый на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях в соответствии с Конституцией Российской Федерации Президентом Российской Федерации в случае агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы агрессии.

«Военным временем является период с момента объявления федеральным законом состояния войны в случае вооруженного нападения (агрессии) на Российскую Федерацию другого государства или группы государств, а также в случае необходимости выполнения международных договоров Российской Федерации либо с момента фактического начала военных действий до момента объявления об их прекращении, но не ранее фактического прекращения.

---

[8] См., например: Соглашение между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Министерством внутренних дел Республики Абхазия о сотрудничестве органов внутренних дел приграничных регионов от 11 ноября 2009 г. // Министерство внутренних дел Российской Федерации : [сайт]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/45387/.

[9] Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 5. Ст. 375.

Под вооруженным конфликтом следует понимать вооруженное столкновение ограниченного масштаба между государствами (международный вооруженный конфликт) или противостоящими сторонами в пределах территории одного государства (внутренний вооруженный конфликт), в ходе которого осуществляется применение Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских (специальных) формирований и органов без перехода государства в состояние войны.

Военными являются действия, которые ведет Российская Федерация в военное время по отражению вооруженного нападения на Российскую Федерацию другого государства или группы государств, а также в случае необходимости выполнения международных договоров Российской Федерации.

Боевые действия представляют собой организованное применение Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских (специальных) формирований и органов в военном конфликте, охватывающем все виды вооруженного противоборства, включая войны и вооруженные конфликты, а также в иных случаях в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности (например, участие в операциях по поддержанию (восстановлению) международного мира и безопасности, принятие мер для предотвращения (устранения) угрозы миру, подавление актов агрессии (нарушения мира) на основании решений органов, уполномоченных их принимать в соответствии с международными договорами, участие в проведении контртеррористической операции, специальной военной операции либо защита Государственной границы Российской Федерации). Боевые действия ведутся в определенном районе и в определенный период при выполнении поставленных боевых (оперативных) задач» [10].

За пределами перечисленных условий состав мародерства будет отсутствовать.

Далее необходимо обратить внимание на предмет посягательства, имеющий составообразующее значение. Как указано в законе, таким предметом является имущество. Его характер не ограничен, и, следовательно, предметом посягательства является любое имущество. Ограничение в этом отношении установлено лишь применительно к принадлежности имущества: оно должно принадлежать убитым, раненым или гражданскому населению.

Могут возникнуть определенные затруднения при определении того, кого (собственника, владельца) следует относить к гражданскому населению. В российском законодательстве четкое определение понятия «гражданское население» отсутствует. Ориентиром в этом отношении может являться ст. 50 Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающаяся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I)[11]. В части 1 этой статьи указано, что гражданским лицом является любое лицо, не принадлежащее ни к одной из категорий лиц, указанных в ст. 4.a, 1, 2, 3 и 6 Третьей конвенции: это военнослужащие, лица, состоящие в добровольческих отрядах и ополчении, население, открыто носящее оружие (подробнее см. указанные нормы. – *А. Б.*). А в ч. 2 ст. 50 гражданским населением признаются все лица, являющиеся гражданскими лицами. Иными словами, применительно к рассматриваемому составу преступления предметом посягательства признается любое имущество гражданских лиц.

---

[10] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 г. № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» (п. 2) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2023. № 7.

[11] Дополнительный Протокол I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, от 8 июня 1977 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : [сайт]. URL: https://docs.cntd.ru/document/901755843.

А можно ли к этой категории отнести не только физических, но и юридических лиц, т. е. признавать предметом преступления любое имущество, вне зависимости от его принадлежности (за исключением принадлежности лицам, указанным выше)? На наш взгляд, такой подход является вполне оправданным, поскольку место совершения преступления законодательно не определено, а ограничено только определенными специальными периодами (положениями). Следовательно, мародерство может иметь место не только на поле боя, но и в любом ином месте, где имеется имущество, которое в конечном итоге, независимо от правового статуса лица, принадлежит гражданским лицам.

Следующим обязательным признаком мародерства является наличие корыстной цели, содержание которой, если говорить кратко, состоит в стремлении к собственному обогащению или обогащению третьих лиц. Однако это стремление не должно быть связано с вынужденной необходимостью. Если же таковая имеется, состав мародерства отсутствует (вопрос вынужденной необходимости рассмотрен ниже).

Следует обратить внимание на то, что изъятие имущества может образовывать и такой состав преступления, как применение запрещенных средств и методов ведения войны (ст. 356 УК РФ), где одним из действий, составляющих объективную сторону состава преступления, является разграбление национального имущества.

М. Г. Янаева к категории «национальное имущество» относит находящиеся на оккупированной территории культурные, исторические ценности, природные богатства, любое движимое и недвижимое имущество, деньги, ценные бумаги [2, с. 24, 25; 3, с. 133].

В целом, соглашаясь с указанной позицией, можно констатировать, что предметы состава мародерства (ст. 356.1 УК РФ) и состава применения запрещенных средств и методов ведения войны (ст. 356 УК РФ) имеют общие признаки, поскольку национальное имущество также является чужим имуществом. Однако представляется, что категория национального имущества должна определяться с учетом, в том числе, объема имущества и его значимости для государства, нации (например, культурные, исторические ценности, промышленное производство, полезные ископаемые и др.). Предмет же мародерства, на наш взгляд, более узок: к нему можно отнести предметы обихода, вещи, деньги, ювелирные ценности и т. п., принадлежащие как физическим, так и юридическим лицам.

О таком подходе к определению предмета мародерства, думается, свидетельствует и то обстоятельство, что законодатель хотя и не ограничил место совершения преступления полем боя, как делал это ранее, но все же в качестве примера указал на принадлежность имущества убитым, раненым, гражданскому населению, что косвенно указывает на отсутствие масштаба и ценности, свойственных национальному имуществу.

Изъятие чужого имущества исключает состав мародерства, если изъятие было осуществлено в условиях вынужденной необходимости.

Понятие вынужденной необходимости в законе не раскрыто. В теории уголовного права подобного рода сущности принято относить к так называемым «извинительным» обстоятельствам. Применительно к составу мародерства, учитывая специфику данного преступления, состояние вынужденной необходимости не должно трактоваться расширенно. В этом отношении следует полностью согласиться с позицией В. В. Власенко, считающего, что «вынужденная необходимость изъятия имущества у собственника либо иного владельца должна быть обусловлена военными потребностями, надобностью обеспечения безопасности, а также защитой прав и законных интересов военнослужащих, военнопленных, мирного населения. Это может быть изъятие у убитых, раненых оружия, боеприпасов, средств коммуникации, документов, топографических карт для дальнейшего использования в военных целях, изъятие стройматериалов для возведения оборонительных укреплений, мостов, переправ,

изъятие транспортных средств и горюче-смазочных материалов для транспортировки военной техники, грузов, изъятие у гражданского населения огнестрельного оружия для обеспечения безопасности гарнизона, изъятие у мертвых предметов обмундирования, продовольствия, медикаментов для защиты жизни и здоровья и т. д.» [4, с. 40]. Исходя из этого, можно сказать, что вынужденная необходимость всегда прямо и непосредственно связана с военными целями и в определенной мере напоминает состояние крайней необходимости. Отсутствие такой связи будет означать и отсутствие состава мародерства.

Говоря о вынужденной необходимости, А. Г. Кибальник обоснованно проводит параллель этого состояния с состоянием крайней необходимости и отмечает, что состояние вынужденной необходимости будет иметь место тогда, когда деяние совершено для спасения более ценного защищаемого блага, например, когда изъятие одежды, обуви для поддержания жизни гражданского лица в суровых климатических условиях нельзя расценивать как мародерство [5, с. 68–67].

Заключение

Таким образом, следует признать, что состояние вынужденной необходимости относится к числу оценочных понятий. По своему содержанию оно близко к состоянию крайней необходимости и может иметь место при наличии обстоятельств, свидетельствующих о том, что изъятие имущества направлено на интересы военной службы, обеспечение жизни и (или) здоровья военнослужащих или гражданских лиц, их безопасности. Однако следует еще раз подчеркнуть, что вопрос о наличии вынужденной необходимости – это вопрос факта, подлежащий установлению и оценке в каждом конкретном случае.

Еще одним моментом, который может вызвать определенные затруднения при правовой оценке мародерства, является, на наш взгляд, имеющаяся конкуренция между квалифицирующими признаками «с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия» (п. «в» ч. 3 ст. 356.1 УК РФ) и «соединенное с угрозой убийством или причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего» (п. «в» ч. 4 ст. 356.1 УК РФ). Дело в том, что угрозой применения насилия, опасного для жизни или здоровья (ч. 3), охватывается и угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, но только в более конкретизированном варианте.

Как было указано в одном из судебных решений, «непосредственная угроза применения насилия, опасного для жизни обороняющегося или другого лица, может выражаться, в частности, в высказываниях о намерении немедленно причинить обороняющемуся или другому лицу смерть или вред здоровью, опасный для жизни…»[12].

В этой связи думается, что для устранения отмеченной конкуренции целесообразно уточнение законодательства по данному вопросу.

Вместе с тем до момента внесения законодателем уточнений в формулировки признаков, связанных с угрозой применения насилия, возможен следующий вариант разграничения п. «в» ч. 3 и п. «в» ч. 4 ст. 356.1 УК РФ: п. «в» ч. 3 ст. 356.1 УК РФ охватывается фактическое применение насилия, опасного для жизни или здоровья, а также угроза применения насилия, выражающегося в причинении легкого и средней тяжести вреда здоровью. Более опасная угроза, а именно угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, должна квалифицироваться по п. «в» ч. 4 ст. 356.1 УК РФ.

И последний момент, на который представляется целесообразным обратить внимание в данной работе. Состав мародерства относится к числу материальных составов. Поэтому необходимо решить вопрос и о моменте окончания преступления. С учетом того, что объек-

[12] Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 5 июля 2021 г. по делу № 77-2082/2021. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

тивная сторона состава преступления может быть выполнена различными действиями (например, кража, мошенничество), момент окончания преступления следует соотносить с позициями, изложенными в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»[13] и от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»[14].

Список источников

1. Артеменко Н. Н. Криминализация мародерства: шаг назад или вперед в будущее // Военно-юридический журнал. 2023. № 2. С. 37–40.

2. Янаева М. Г. Применение запрещенных средств и методов ведения войны : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. 36 с.

3. Иногамова-Хегай Л. В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм : моногр. М. : Норма : Инфра-М, 2019. 288 с.

4. Власенко В. В. Уголовная ответственность за мародерство // Законность. 2023. № 9. С. 37–43.

5. Кибальник А. Г. «Реанимация» мародерства в уголовном праве // Российский следователь. 2024. № 1. С. 64–68.

References

1. Artemenko N. N. Criminalization of looting: a step back or a step forward into the future. *Voenno-yuridicheskij zhurnal = Military-Law Journal*. 2023;(2):37-40. (In Russ.)

2. Yanaeva M. G. *The use of prohibited means and methods of warfare*. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 1997. 36 p. (In Russ.)

3. Inogamova-Khegai L. V. *Conceptual foundations of the competition of criminal law norms*. Monograph. Moscow: Norma; Infra-M; 2019. 288 p. (In Russ.)

4. Vlasenko V. V. Criminal responsibility for looting. *Zakonnost'= Legality.* 2023;(9):37-43. (In Russ.)

5. Kibalnik A. G. Revival of pillaging in criminal law. *Rossijskij sledovatel' = Russian Investigator*. 2024;(1):64-68. (In Russ.)

Информация об авторе

А. В. Бриллиантов – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права, заслуженный юрист Российской Федерации.

Information about the author

A. V. Brilliantov – Doctor of Science (Law), Professor, Head of the Criminal Law Department, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 15.09.2025; одобрена после рецензирования 01.10.2025; принята к публикации 12.02.2026.

The article was submitted 15.09.2025; approved after reviewing 01.10.2025; accepted for publication 12.02.2026.

[13] Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 2.

[14] Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2003. № 2.

Российское правосудие. 2026. № 4. С. 94–102
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 4. P. 94–102
УДК 343.241.2 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.4.94-102
Научная статья

Назначение наказания в виде исправительных или принудительных работ за преступления, совершенные до 20 января 2026 г.

Сергей Валерьевич Скляров[1],
Михаил Александрович Простосердов[2]

[1, 2] Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация

[1] ssv@rsuj.ru, http://orcid.org/0000-0002-1874-0766

[2] prosto_m_alex@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-7651-3246

Аннотация. Проведено исследование вопросов назначения наказания в виде исправительных или принудительных работ за преступления, совершенные до 20 января 2026 г. Исследование основано на сопоставлении положений уголовного и уголовно-исполнительного законодательства в прошлой и новой редакциях, актуальных материалах судебной практики и результатах опроса судей районных судов, проходивших повышение квалификации в Российском государственном университете имени В. М. Лебедева. В ходе исследования авторы приходят к выводам, в каких случаях новый закон, устанавливающий, что принудительные работы назначаются в качестве самостоятельного вида основного наказания, а исправительные работы назначаются только лицам, имеющим основное место работы, имеет обратную силу, а в каких случаях не имеет.

Ключевые слова: назначение уголовного наказания, исправительные работы, принудительные работы, действие закона во времени, обратная сила закона, назначение наказания при рецидиве преступлений

Для цитирования: Скляров С. В., Простосердов М. А. Назначение наказания в виде исправительных или принудительных работ за преступления, совершенные до 20 января 2026 г. // Российское правосудие. 2026. № 4. С. 94–102. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.4.94-102.

Original article

The Assigning a Punishment in the Form of Correctional or Forced Labor for Crimes Committed Before January 20, 2026

Sergey V. Sklyarov[1], Mikhail A. Prostoserdov[2]

[1, 2] Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Moscow, Russian Federation

[1] ssv@rsuj.ru, http://orcid.org/0000-0002-1874-0766

[2] prosto_m_alex@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-7651-3246

Abstract. A study has been conducted on the issues of imposing correctional or forced labor for crimes committed before January 20, 2026. The study is based on a comparison of the provisions of criminal and penal legislation in the previous and new editions, current court practice materials, and the results of

© Скляров С. В., Простосердов М. А., 2026

a survey of district court judges who have undergone advanced training at the Russian State University named after V. M. Lebedev. In the course of the study, the authors come to conclusions about the cases in which the new law establishing that forced labor is imposed as an independent type of basic punishment, and correctional labor is imposed only on individuals whose main place of work is retroactive, and the cases in which it is not.

Keywords: imposition of criminal punishment, correctional labor, forced labor, the operation of the law in time, the retroactive effect of the law, the imposition of punishment for repeated crimes

For citation: Sklyarov S. V., Prostoserdov M. A. The assigning a punishment in the form of correctional or forced labor for crimes committed before January 20, 2026. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(4):94-102. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.4.94-102.

Федеральным законом от 23 июля 2025 г. № 218-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 7.1 части первой статьи 299 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»[1] (далее – Закон № 218-ФЗ) были изменены правила назначения наказания в виде исправительных работ и принудительных работ. С 20 января 2026 г. исправительные работы назначаются осужденному, имеющему основное место работы, тогда как ранее исправительные работы назначались осужденному, как имеющему основное место работы, так и не имеющему его. Принудительные работы перестали быть альтернативой лишению свободы, превратившись в самостоятельный вид наказания.

В связи с произошедшими изменениями в уголовном законе у судов появились вопросы о возможности назначения наказания в виде исправительных или принудительных работ за преступления, совершенные до 20 января 2026 г., если иное – более строгое наказание, предусмотренное санкцией статьи Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), в силу прямого запрета закона назначить невозможно.

Например, ранее не судимое, не имеющее основного места работы лицо до 20 января 2026 г. совершило преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 157 УК РФ, – неоднократную неуплату без уважительных причин средств на содержание несовершеннолетних детей. Отягчающие наказание обстоятельства, предусмотренные ст. 63 УК РФ, отсутствуют. Уголовное дело поступило в суд после 20 января 2026 г.

Санкция ч. 1 ст. 157 УК РФ предусматривает четыре альтернативных вида наказания: исправительные работы на срок до одного года, принудительные работы на тот же срок, арест на срок до трех месяцев, лишение свободы на срок до одного года.

В соответствии со ст. 4 Федерального закона от 13 июня 1996 г. № 64-ФЗ «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации»[2] уголовное наказание в виде ареста в настоящее время не применяется[3]. Таким образом, виновному в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 157 УК РФ, можно назначить исправительные работы, принудительные работы либо лишение свободы. Поскольку согласно ч. 2 ст. 15 УК РФ данное преступление относится к преступлениям небольшой тяжести, лицо ранее не судимо, отягчающие обстоятельства отсутствуют, в силу ч. 1 ст. 56 УК РФ наказание в виде лишения свободы назначено быть не может. Остаются два вида наказания: исправительные работы и принудительные работы.

---

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 30 (ч. I). Ст. 4367.

[2] Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2955.

[3] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 октября 2018 г. № 2766-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бохонова Александра Валериевича на нарушение его конституционных прав статьей 72 Уголовного кодекса Российской Федерации». Здесь и далее доступ из СПС «КонсультантПлюс», если не указано иное.

Исправительные работы с 20 января 2026 г. назначаются осужденному, имеющему основное место работы (ч. 1 ст. 50 УК РФ).

Согласно ч. 1 ст. 9 УК РФ преступность и наказуемость деяния определяются уголовным законом, действовавшим во время совершения этого деяния. Временем совершения преступления признается время совершения общественно опасного действия (бездействия) независимо от времени наступления последствий.

Поскольку исправительные работы во время совершения лицом преступления могли назначаться осужденному, не имеющему основного места работы, то, на первый взгляд, если приговор постановляется после 20 января 2026 г. по преступлению, совершенному до указанной даты, можно назначить исправительные работы.

Однако Федеральным законом от 23 июля 2025 г. № 219-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации»[4] в ст. 39 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ) были внесены изменения, корреспондирующие с изменениями в УК РФ, внесенными указанным ранее Законом № 218-ФЗ. Если до 20 января 2026 г. на органы местного самоуправления возлагалась обязанность определить по согласованию с уголовно-исполнительной инспекцией место отбывания исправительных работ осужденным, не имеющим основного места работы (ч. 1 ст. 39 УИК РФ в ранее действующей редакции), а на уголовно-исполнительные инспекции была возложена обязанность направить осужденного для отбывания исправительных работ (ч. 2 ст. 39 УИК РФ в ранее действующей редакции), то в настоящее время органы местного самоуправления не обязаны, более того, не имеют права определять место отбывания исправительных работ осужденным, а на уголовно-исполнительные инспекции, соответственно, не возложена обязанность направлять осужденных на место отбывания исправительных работ.

Из части 3 ст. 39 УК РФ (в ред. от 23.07.2025) исключено полномочие уголовно-исполнительных инспекций обращаться в органы местного самоуправления по вопросу изменения места отбывания осужденными исправительных работ, но добавлено иное полномочие: при необходимости направлять осужденных в органы службы занятости для трудоустройства. Это дает основание предположить, что исправительные работы могут быть назначены после 20 января 2026 г. лицу, совершившему преступление до этой даты и не имеющему основного место работы. По мнению 70% судей районных судов[5], исправительные работы в этом случае могут быть назначены осужденному.

Согласно ч. 4 ст. 39 УИК РФ порядок исполнения уголовно-исполнительными инспекциями обязанностей, указанных в ч. 3 настоящей статьи, определяется федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний.

С 28 января 2026 г. вступил в силу Порядок ведения уголовно-исполнительными инспекциями учета осужденных к исправительным работам[6] (далее – Порядок). Из пунктов 16, 17 Порядка следует, что уголовно-исполнительная инспекция выдает осужденному направление в органы службы занятости по месту жительства для трудоустройства только в случае, если осужденный был уволен с основного места работы после вынесения приговора суда и

---

[4] Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 30 (ч. I). Ст. 4368.

[5] Данные получены в результате опроса судей районных судов, проходивших повышение квалификации в Российском государственном университете имени В. М. Лебедева в феврале 2026 г.

[6] Приказ Минюста России от 19 января 2026 г. № 6 «Об организации исполнения наказаний в виде обязательных работ, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, исправительных работ, контроля за поведением осужденных, к которым применена отсрочка отбывания наказания, условно осужденных».

не имеет возможности самостоятельно трудоустроиться. В связи с этим возникает сомнение в исполнимости приговора, которым лицу, совершившему преступление до 20 января 2026 г. и не имеющему места работы, назначено наказание в виде исправительных работ.

Между тем, как указал Конституционный Суд Российской Федерации, «право на полную и эффективную судебную защиту, по смыслу статьи 46 Конституции Российской Федерации и статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, с учетом принципа правовой определенности как неотъемлемого элемента права на суд включает в себя исполнимость вступивших в законную силу судебных решений»[7].

Принудительные работы в соответствии с ч. 1 ст. 53.1 УК РФ в редакции до 20 января 2026 г. применялись как альтернатива лишению свободы. Таким образом, лицу, впервые совершившему преступление небольшой тяжести, при отсутствии отягчающих обстоятельств лишение свободы не могло быть назначено и, соответственно, не могло быть заменено на принудительные работы, если бы дело рассматривалось в суде до 20 января 2026 г.[8]

Вместе с тем уголовный закон, устраняющий преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу, т. е. распространяется на лиц, совершивших соответствующие деяния до вступления такого закона в силу (ст. 10 УК РФ).

Принудительные работы после 20 января 2026 г. можно назначить как самостоятельное наказание, тогда как при осуждении до указанной даты виновному лицу напрямую принудительные работы назначать было нельзя. Только назначив наказание в виде лишения свободы, суд мог заменить это наказание принудительными работами при условии, если придет к выводу о возможности такой замены. То есть для окончательного наказания в виде принудительных работ необходимо было дополнительное условие – убежденность суда в возможности замены лишения свободы на принудительные работы. В этом смысле уголовный закон улучшил положение лица, совершившего преступление, так как принудительные работы как менее тяжкое наказание по сравнению с лишением свободы назначаются судом самостоятельно, а не в порядке замены лишения свободы, и поэтому закон имеет обратную силу. А значит, лицу, совершившему преступление до 20 января 2026 г., могут быть назначены принудительные работы, если ранее санкцией соответствующей статьи принудительные работы были предусмотрены в качестве альтернативы лишению свободы.

В УК РФ имеются ограничения, связанные с назначением осужденному наказания в виде исправительных или принудительных работ. Например, указанные виды наказания не могут быть назначены лицам, признанным инвалидами первой группы.

Как поступить, если ранее не судимое, не имеющее основного места работы лицо, являющееся инвалидом первой группы, совершило преступление до 20 января 2026 г., за которое в силу ч. 1 ст. 56 УК РФ наказание в виде лишения свободы назначено быть не может, а наказание в виде исправительных или принудительных работ по вышеизложенным причинам также не может быть назначено, санкция соответствующей статьи Особенной части УК РФ иных видов наказаний не предусматривает?

В этом случае следует руководствоваться разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации, данными в п. 27 Постановления от 22 декабря 2015 г. № 58 (ред. от

---

[7] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 4 июля 2017 г. № 1442-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Александрова Владимира Юрьевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 61 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации».

[8] См., например, Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2018) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26.12.2018).

23.12.2025), в соответствии с которыми в случае, когда осужденному в силу положений, установленных законом, не может быть назначен ни один из предусмотренных соответствующей статьей Особенной части УК РФ видов наказаний, ему следует назначить любое более мягкое наказание, чем предусмотрено санкцией соответствующей статьи. Ссылка на ст. 64 УК РФ в таком случае не требуется[9].

Аналогичным образом следует поступать, если лицо, совершившее преступление до 20 января 2026 г., не имеющее основного места работы, ранее было судимо либо имеют место отягчающие наказание обстоятельства. В этом случае ему может быть назначено наказание в виде лишения свободы. Однако если санкция статьи Особенной части УК РФ (например, ч. 1 ст. 157) предусматривает возможность назначения наказания в виде исправительных работ, принудительных работ либо лишения свободы и в соответствии с положениями УК РФ до 20 января 2026 г. такому лицу, исходя из обстоятельств совершения преступления и личности осужденного, было бы назначено наказание в виде исправительных работ при имеющейся возможности назначить наказание в виде лишения свободы, то после 20 января 2026 г. его положение ухудшится, так как из альтернативы наказаний в виде исправительных работ, принудительных работ и лишения свободы исправительные работы исключаются. Учитывая, что в соответствии со ст. 10 УК РФ уголовный закон, усиливающий наказание или иным образом ухудшающий положение лица, обратной силы не имеет, в рассматриваемой ситуации наказание в виде исправительных работ может быть назначено, но при условии исполнимости приговора, которая, скорее всего, в этой ситуации будет отсутствовать.

Определенный интерес вызывает возможность назначения наказания в виде принудительных работ за совершение преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 159.1, ч. 1 ст. 159.2, ч. 1 ст. 159.5, ч. 1 ст. 159.6, ч. 1 и 2 ст. 200.1, ч. 1 ст. 207 УК РФ, совершенных до 20 января 2026 г. В санкциях указанных норм предусмотрено наказание в виде принудительных работ, но наказание в виде лишения свободы отсутствует. До 20 января 2026 г. устоялась практика, что в таких случаях принудительные работы назначены быть не могут, поскольку они являлись не самостоятельным наказанием, а лишь альтернативой лишению свободы[10]. Однако после 20 января 2026 г. принудительные работы стали самостоятельным видом наказания. В связи с этим возникает вопрос: если лицо совершило одно из указанных преступлений до 20 января 2026 г., а приговор выносится после этой даты, то может ли данному лицу быть назначено наказание в виде принудительных работ?

Принудительные работы в санкциях данных норм выполняют роль наиболее строгого вида наказания. До 20 января 2026 г. они не могли быть назначены в силу специфики вида наказания и конструкции санкции. Таким образом, по смыслу ст. 10 УК РФ, назначение наказания в виде принудительных работ будет ухудшать положение лица, а следовательно, обратной силы новый закон иметь не должен.

Интересны и другие случаи, в частности, когда пределы наказания в виде принудительных работ отличаются от пределов наказания в виде лишения свободы.

В качестве первой группы следует рассмотреть случаи, когда пределы наказания в виде принудительных работ превышают пределы наказания в виде лишения свободы: ч. 2 ст. 121, ч. 1 ст. 135, ч. 2 ст. 159.1, ч. 2 ст. 159.2, ч. 1 ст. 172.1, ч. 1 ст. 172.3, ч. 2 ст. 199.4, ч. 1 ст. 290, ч. 1 ст. 291 УК РФ.

---

[9] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 (ред. от 23.12.2025) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания».

[10] Апелляционное постановление Ленинского районного суда города Тамбова от 25 июля 2019 г. № 10-14/2019.

При совершении указанных преступлений до 20 января 2026 г. принудительные работы назначались через замену лишения свободы, а следовательно, не могли назначаться на срок больший, чем срок лишения свободы. Другими словами, несмотря на то, что в санкции ч. 1 ст. 135 УК РФ принудительные работы установлены на срок до пяти лет, они не могли быть назначены на срок свыше трех лет, так как именно на этот срок устанавливалось наказание в виде лишения свободы, альтернативой которому они являлись [1].

Сейчас же принудительные работы являются самостоятельным видом наказания. Возникает вопрос: можно ли после 20 января 2026 г. назначить наказание в виде принудительных работ на срок свыше трех лет и до пяти лет при совершении преступления, предусмотренного, например, ч. 1 ст. 135 УК РФ, до 20 января 2026 г.?

Представляется, что по смыслу ст. 10 УК РФ такая ситуация будет ухудшать положение лица, следовательно, принудительные работы на срок свыше трех лет назначены быть не могут. Однако новый самостоятельный порядок назначения наказания в виде принудительны работ, на наш взгляд, применять следует.

Чтобы к лицу были применены принудительные работы, ранее суды должны были назначить лишение свободы и прийти к выводу о возможном исправлении без реального отбывания такого наказания. Для этого суды учитывали данные о личности, различные смягчающие обстоятельства, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и условия жизни его семьи. В настоящее время суды сразу могут назначить наказание в виде принудительных работ без предварительного назначения наказания в виде лишения свободы, а следовательно, обстоятельства, которые суды принимали во внимание при замене наказаний, могут быть учтены на других этапах назначения наказания, например, при определении срока принудительных работ или при определении процента удержания из заработной платы. В этом смысле новый порядок назначения наказания в виде принудительных работ улучшает положение лица, совершившего преступления, и может иметь обратную силу.

В качестве второй группы следует рассмотреть случаи, когда в санкции статьи Особенной части УК РФ установлен лишь верхний предел принудительных работ, а у лишения свободы предусмотрены как нижний, так и верхний пределы. Например, такая ситуация возникает в ч. 4 ст. 110.1, ч. 2 ст. 207.3, ч. 1.1 ст. 212, ч. 3 ст. 236, ч. 2 ст. 282.3, ч. 4 ст. 296 УК РФ, в санкциях которых принудительные работы установлены на срок до пяти лет, а лишение свободы – от пяти лет и выше. В санкциях ч. 1.1 ст. 238.1, ч. 1.1 ст. 282.1, ч. 1.1 ст. 282.2 УК РФ принудительные работы также установлены на срок до пяти лет, а лишение свободы имеет нижний предел – от четырех лет. Отечественный уголовный закон знает десятки подобных случаев.

Указанные примеры отличаются тем, что при назначении наказания за совершение таких преступлений до 20 января 2026 г. суды также применяли принудительные работы через замену лишения свободы, а следовательно, возникали трудности с нижним пределом наказания в виде лишения свободы.

Так, в санкции ч. 4 ст. 110.1 УК РФ принудительные работы установлены на срок до пяти лет (без нижнего предела), а лишение свободы – от пяти до десяти лет. Таким образом, по общему правилу, если нижний предел лишения свободы не теряет свое уголовно-правовое значение (например, если не применяется ст. 64 УК РФ либо не применяется ч. 2 ст. 62 или ч. 2 ст. 66 УК РФ), то суд не может назначить наказание в виде лишения свободы ниже пяти лет, а при его замене на принудительные работы их срок также не мог быть ниже пяти лет. Другими словами, при назначении наказания за преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 110.1 УК РФ, суд мог применить принудительные работы на срок менее пяти лет, только если перед этим был изменен нижний предел наказания в виде лишения свободы. После 20 января

2026 г. суд вправе сразу перейти к назначению наказания в виде принудительных работ, у которых в санкции ч. 4 ст. 110.1 УК РФ нижнего предела нет. В этом смысле новый закон улучшает положение лица, совершившего преступление и должен иметь обратную силу.

Также следует рассмотреть вопрос о возможности назначения наказания в виде принудительных работ при рецидиве преступлений.

В пункте 22(1) Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 (ред. от 23.12.2025) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» указано, что исходя из положений ст. 53.1 УК РФ принудительные работы назначаются как самостоятельный вид основного наказания за совершение преступлений небольшой или средней тяжести либо за совершение впервые тяжкого преступления. При этом для целей данной статьи под «впервые совершившим тяжкое преступление» понимается лицо, которое не имеет на момент его совершения не снятые и не погашенные в установленном законом порядке судимости за совершение любого преступления независимо от степени тяжести[11].

Термин «впервые» относится только к новому тяжкому преступлению [2]. Если лицо имеет непогашенную и неснятую судимость за преступление любой категории и совершит новое тяжкое преступление (например, ч. 4 ст. 110.1 УК РФ), то принудительные работы в таком случае не назначаются, но не в связи с положениями ст. 68 УК РФ, а на основании положений ст. 53.1 УК РФ.

При этом если лицо имеет судимость за совершение преступления средней тяжести и совершило новое преступление небольшой либо средней тяжести, то возможность назначения принудительных работ по смыслу ст. 53.1 УК РФ сохраняется.

В случае, если такая ситуация не образует рецидив, например, если совершенные преступления являются неосторожными либо если лицо имеет судимость за преступление, совершенное в несовершеннолетнем возрасте (ч. 4 ст. 18 УК РФ), то проблемы по сути нет – принудительные работы могут быть назначены, если это отвечает целям наказания (ч. 1 ст. 60 УК РФ).

Однако в случае рецидива преступлений возникают трудности. Например, совершеннолетнее лицо, будучи судимым по ч. 2 ст. 158 УК РФ к исправительным работам на срок два года, до 20 января 2026 г. совершило новое преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 158 УК РФ. Можно ли теперь назначить наказание в виде принудительных работ?

Ранее такая возможность была[12]. Согласно ч. 2 ст. 68 УК РФ суд выбирал наиболее строгое наказание, в данном случае лишение свободы, назначал его, а после этого приходил к выводу о возможности исправления без реального исполнения такого наказания и заменял назначенное наказание на принудительные работы на тот же срок, применив прежнюю редакцию ч. 2 ст. 53.1 УК РФ.

После 20 января 2026 г. принудительные работы являются самостоятельными видами основного наказания, и по общему правилу при рецидиве преступлений, если в санкции нормы предусмотрено еще более строгое наказание, например лишение свободы, согласно ч. 2 ст. 68 УК РФ необходимо выбрать именно его, а принудительные работы не назначаются, как и любой иной более мягкий вид наказания.

Исключением может быть ситуация, если в деле установлены исключительные обстоятельства (ст. 64 УК РФ), тогда может применяться не ч. 2, а ч. 3 ст. 68 УК РФ. В этой части но-

---

[11] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 (ред. от 23.12.2025) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания».

[12] Приговор Шебекинского районного суда Белгородской области от 20 декабря 2022 г. по делу № 1-204/2022.

вый закон является более строгим, так как существенным образом усложняет возможность применения наказания в виде принудительных работ при рецидиве преступлений и по смыслу ст. 10 УК РФ обратной силы иметь не должен.

Заключение

Новый закон, без сомнений, направлен на совершенствование и развитие отечественного уголовного законодательства и является важным этапом на пути к гуманизации уголовных наказаний. Он уже разрешил некоторые проблемные вопросы, связанные с заменой лишения свободы принудительными работами [3]. Кроме того, данные исследователей подтверждают вывод о приросте принудительных работ как при реальном, так и при оптимистическом прогнозах [4].

Подведем итоги изложенному.

1. Осужденному, совершившему преступление до 20 января 2026 г. и не имеющему основного места работы, при постановлении приговора после 20 января 2026 г. исправительные работы назначены быть не могут в силу возможной неисполнимости приговора.

2. В большинстве случаев осужденному, совершившему преступление до 20 января 2026 г., при постановлении приговора после 20 января 2026 г. принудительные работы могут быть назначены, так как в этом случае уголовный закон улучшает положение лица, совершившего преступление, и имеет обратную силу.

3. Осужденному, совершившему до 20 января 2026 г. преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 159.1, ч. 1 ст. 159.2, ч. 1 ст. 159.5, ч. 1 ст. 159.6, ч. 1 и 2 ст. 200.1, ч. 1 ст. 207 УК РФ, при постановлении приговора после 20 января 2026 г. принудительные работы назначены быть не могут, так как в этом случае уголовный закон ухудшает положение лица, совершившего преступление, и не имеет обратной силы.

4. Осужденному, совершившему до 20 января 2026 г. преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 121, ч. 1 ст. 135, ч. 2 ст. 159.1, ч. 2 ст. 159.2, ч. 1 ст. 172.1, ч. 1 ст. 172.3, ч. 2 ст. 199.4, ч. 1 ст. 290, ч. 1 ст. 291 УК РФ, при постановлении приговора после 20 января 2026 г. принудительные работы могут быть назначены, но на срок не более чем срок лишения свободы в санкциях указанных норм.

5. В случае невозможности в силу положений уголовного закона назначения осужденному, совершившему преступление до 20 января 2026 г., наказания в виде исправительных работ, принудительных работ или лишения свободы ему назначается любое более мягкое наказание, чем предусмотрено санкцией соответствующей статьи.

6. В случае, если осужденному, совершившему преступление до 20 января 2026 г. и не имеющему основного места работы, может быть назначено наказание в виде принудительных работ или лишения свободы, а санкция статьи Особенной части предусматривает наказание в виде исправительных работ, которые исходя из обстоятельств совершения преступления и личности осужденного были бы ему назначены до 20 января 2026 г., ему назначается любое более мягкое наказание, чем предусмотрено санкцией соответствующей статьи, так как уголовный закон, усиливающий наказание или иным образом ухудшающий положение лица, обратной силы не имеет.

7. Осужденному, имеющему судимость за преступление средней тяжести, совершившему до 20 января 2026 г. преступление небольшой или средней тяжести, при постановлении приговора после 20 января 2026 г. принудительные работы могут быть применены в качестве замены лишения свободы, если суд придет к выводу о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания в местах лишения свободы, применив ч. 2 ст. 53.1 УК РФ в предыдущей редакции.

Список источников

1. Простосердов М. А. Принудительные работы как самостоятельный вид наказания: старые и новые проблемы // Современный ученый. 2026. № 2. С. 347–352.

2. Бриллиантов А. В., Скляров С. В. Замена наказания в виде лишения свободы принудительными работами при рецидиве преступлений // Уголовное право. 2025. № 9 (181). С. 3–9.

3. Бриллиантов А. В. Принудительные работы // Уголовное право. 2023. № 8 (156). С. 21–27.

4. Лебешев И. С., Шульц Е. В., Кашкина Е. В. Прогнозирование развития принудительных работ с учетом принятия Федерального закона от 23 июля 2025 г. № 218-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 7-1 части первой статьи 299 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российский судья. 2026. № 1. С. 45–51.

References

1. Prostoserdov M. A. Forced labor as an independent form of punishment: old and new issues. *Modern Scientist.* 2026;(2):347-352. (In Russ.)

2. Brilliantov A. V., Sklyarov S. V. Commutation of punishment in the form of imprisonment by forced labor in case of recidivism. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*. 2025;(9):3-9. (In Russ.)

3. Brilliantov A. V. Forced labor. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*; 2023;(8):21-27. (In Russ.)

4. Lebeshev I. S., Shults E. V., Kashkina E. V. Forecasting the development of compulsory labor in light of the adoption of Federal Law No. 218-FZ of July 23, 2025, on amending the Criminal Code of the Russian Federation and repealing subparagraph 7-1 of Part 1 of Article 299 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. *Russian Judge.* 2026;(1):45-51. (In Russ.)

Информация об авторах

С. В. Скляров – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права;

М. А. Простосердов – доктор юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой уголовного права, доцент кафедры уголовного права.

Information about the authors

S. V. Sklyarov – Doctor of Science (Law), Professor, Professor at the Criminal Law Department;

M. A. Prostoserdov – Doctor of Science (Law), Associate Professor, Deputy Head of the Criminal Law Department, Associate Professor at the Criminal Law Department.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 02.02.2026; одобрена после рецензирования 16.02.2026; принята к публикации 24.02.2026.

The article was submitted 02.02.2026; approved after reviewing 16.02.2026; accepted for publication 24.02.2026.

Российское правосудие. 2026. № 4. С. 103–110
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 4. P. 103–110
УДК 343.1 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.4.103-110

Научная статья

Субъекты, на которых может быть наложено денежное взыскание по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации

Инна Викторовна Корчагина[1, 2]

[1] Судебный участок № 147 района Строгино г. Москвы, Москва, Российская Федерация, ivadmm@yandex.ru

[2] Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Цель статьи – раскрыть возникшие в теории и правоприменительной практике проблемные аспекты определения субъектов, в отношении которых возможно применение денежного взыскания как иной меры процессуального принуждения, и наметить пути решения обозначенных проблем.

Использование формально-юридического метода обеспечило проведение анализа норм уголовно-процессуального законодательства и судебной практики.

Представляется необходимым закрепить в ст. 117 УПК РФ закрытый исчерпывающий перечень участников уголовного процесса, в отношении которых может быть принято решение о назначении денежного взыскания. Соответствующие дополнения следует также внести в ч. 2 ст. 111 УПК РФ. Для устранения существующих проблем в правоприменительной практике представляется необходимым принятие отдельного специального постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, в котором следует дать четкие и конкретные разъяснения судам, на каких субъектов уголовного судопроизводства может быть наложено денежное взыскание.

Ключевые слова: уголовный процесс, суд, денежное взыскание, иные меры процессуального принуждения, участники уголовного судопроизводства, уголовно-процессуальная ответственность

Для цитирования: Корчагина И. В. Субъекты, на которых может быть наложено денежное взыскание по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации // Российское правосудие. 2026. № 4. С. 103–110. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.4.103-110.

Original article

Subjects in Respect of Which Monetary Penalties May Be Imposed Under the Criminal Procedure Legislation of the Russian Federation

Inna V. Korchagina[1, 2]

[1] Judicial District 147 of the Strogino District of Moscow, Moscow, Russian Federation, ivadmm@yandex.ru

[2] Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Moscow, Russian Federation

© Корчагина И. В., 2026

Abstract. The purpose of the article is to reveal the problematic aspects that have arisen in theory and law enforcement practice in determining the subjects in respect of which it is possible to apply a monetary penalty as another measure of procedural coercion and to outline ways to solve the identified problems. The use of the formal legal method ensured the analysis of the norms of criminal procedure legislation and judicial practice.

It seems necessary to enshrine in Art. 117 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, provide a closed, exhaustive list of participants in criminal proceedings who may be subject to a monetary penalty. Corresponding additions should also be made to Pt. 2 of Art. 111 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. To eliminate existing problems in law enforcement practice, it seems necessary to adopt a separate special corresponding resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, in which clear and specific explanations should be given to the courts regarding which subjects of criminal proceedings a monetary penalty can be imposed.

Keywords: criminal process, court, monetary penalty, other measures of procedural coercion, participants in criminal proceedings, criminal procedural liability

For citation: Korchagina I. V. Subjects in respect of which monetary penalties may be imposed under the criminal procedure legislation of the Russian Federation. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(4):103-110. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.4.103-110.

Становление и развитие института иных мер принуждения неразрывно связано с развитием российского уголовного процесса в целом. Истоки его зарождения можно найти уже в первых законодательных источниках русского права. Важнейшим этапом на пути развития отечественного уголовного судопроизводства в целом и мер процессуального принуждения в частности был Устав уголовного судопроизводства 1864 г. Денежному взысканию по Уставу 1864 г. подвергался достаточно широкий круг участников уголовного судопроизводства, а именно: свидетель (ст. 69, 438, 643); понятой (ст. 114, 323); частный обвинитель (ст. 135); обвиняемый (ст. 141); сведущие люди (ст. 328, 329); присяжные заседатели (ст. 651, 652, 676, 677).

Новый этап развития законодательства об иных мерах процессуального принуждения начинается после Октябрьской революции 1917 г., когда отказались от ранее действовавших институтов уголовно-процессуального права. В первом УПК РСФСР 1922 г. и в последующем УПК РСФСР 2023 г. не существовало отдельной главы, посвященной иным мерам процессуального принуждения, в то же время были регламентированы в качестве таковых привод, отстранение от должности, обязательство о явке, а также наложение ареста на имущество.

Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г. регламентировали лишь задержание и меры пресечения. Об иных мерах процессуального принуждения в данном законодательном акте не упоминалось.

Следующий этап развития института иных мер процессуального принуждения связан с принятием УПК РСФСР 1960 г., в котором в качестве иных мер процессуального принуждения достаточно детально были регламентированы привод, обязательство о явке, отстранение от должности, наложение ареста на имущество, а также денежное взыскание.

Современный новейший этап развития законодательства об иных мерах процессуального принуждения начинается с принятия действующего УПК РФ 2001 г. В действующем УПК РФ впервые на законодательном уровне мерам процессуального принуждения посвящен отдельный раздел IV, состоящий из трех глав. Денежное взыскание регламентировано соответствующими нормами главы 14 «Иные меры процессуального принуждения» (ст. 111, 117, 118 УПК РФ).

Денежное взыскание в качестве иной меры процессуального принуждения применяется судом в случаях неисполнения участниками уголовного судопроизводства своих процессу-

альных обязанностей, предусмотренных УПК РФ, а также нарушения ими порядка в судебном заседании. Таким образом, денежное взыскание представляет собой процессуальную санкцию за совершение уголовно-процессуального правонарушения и является карательной мерой процессуального принуждения [1, с. 13]. Денежное взыскание выступает в качестве имущественной меры уголовно-процессуальной ответственности.

В соответствии с ч. 2 ст. 111 УПК РФ денежное взыскание в качестве иной меры процессуального принуждения может быть применено только к конкретному перечню участников уголовного судопроизводства – потерпевшему, свидетелю, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, эксперту, специалисту, переводчику и (или) понятому.

Одним из ключевых условий возможности применения денежного взыскания является, прежде всего, наличие надлежащего субъекта уголовно-процессуального нарушения, под которым следует понимать деликтоспособное лицо (вменяемое, достигшее 16-летнего возраста). Обязательным является, кроме того, наличие соответствующего указанного процессуального статуса, а также отсутствие у данного лица процессуального иммунитета, который может исключить возможность его участия в производстве по конкретному уголовному делу [2, с. 26].

В указанной выше норме уголовно-процессуального закона формально-юридически закреплен закрытый перечень из восьми различных субъектов, два из которых являются представителями стороны обвинения, один – стороны защиты, а пять представляют иных участников уголовного судопроизводства. Таким образом, бóльшую часть лиц, к которым применяется денежное взыскание, законодатель относит к иным участникам уголовного судопроизводства.

Однако анализ норм уголовного-процессуального закона дает все основания утверждать, что субъектный состав лиц, на которых может быть наложено денежное взыскание в уголовном судопроизводстве, указанный в ч. 2 ст. 111 УПК РФ, к сожалению, не является исчерпывающим. Данное обстоятельство порождает давние теоретические дискуссии, практические проблемы в правоприменительной практике и является существенным недостатком действующего российского уголовно-процессуального законодательства.

Следует особо отметить, что в соответствии с первой редакцией указанной статьи денежное взыскание применялось к потерпевшему, свидетелю и «другим участникам уголовного судопроизводства». Указанная нечетко широкая формулировка давала многим процессуалистам основание утверждать, что рассматриваемой мере уголовно-процессуального принуждения могли быть подвергнуты практически все участники уголовного судопроизводства. Фактически денежное взыскание распространялось на формально не ограниченный круг субъектов уголовного процесса[1].

Федеральным законом от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»[2] вместо обезличенной бланкетной категории «другие участники уголовного судопроизводства» в ч. 2 ст. 111 УПК РФ был закреплен действующий в настоящее время конкретный перечень субъектов процессуальной ответственности, на которых может быть наложено денежное взыскание.

В связи с этим вызывает недоумение отсутствие аналогичных изменений и дополнений ст. 117 УПК РФ, которая до сих пор содержит приведенную выше неперсонифицированную

---

[1] Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. В. Мозякова. М. : Экзамен XXI, 2002. С. 267.

[2] Федеральный закон от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ (ред. от 29.12.2010) «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 27 (ч. I). Ст. 2706.

формулировку, порождающую резонный вопрос о возможности применения денежного взыскания также и в отношении иных участников уголовного судопроизводства, не перечисленных в ч. 2 ст. 111 УПК РФ. Выявленные противоречия общей и специальной норм внутри одной главы уголовно-процессуального закона создают определенные коллизии в правоприменительной практике, что указывает на несовершенство применения законодательной техники [3, с. 147]. Представляется необходимым привести указанные нормы в соответствие друг с другом во избежание возможного расширительного толкования в процессе правоприменения.

Результатом выявленной правовой неопределенности являются неоднократные факты необоснованного применения в судебной практике денежного взыскания к иным участникам уголовного процесса, не перечисленным в ч. 2 ст. 111 УПК РФ. Так, указанная мера процессуального принуждения применялась судом к адвокату[3], частному обвинителю[4], а также к свидетелям, не явившимся без уважительной причины по повестке для допроса в судебном заседании[5].

Высшая судебная инстанция в этой связи неоднократно подчеркивала, что ст. 117 УПК РФ не предусматривает применения денежного взыскания к обвиняемому[6]. Вместе с тем примечательно, что в одном из своих определений Верховным Судом Российской Федерации наложение денежного взыскания на подсудимого за нарушение им порядка в судебном заседании было признано правомерным[7].

Высший судебный орган конституционного контроля закрепил положение о том, что УПК РФ в качестве меры воздействия допускает удаление подсудимого из зала судебного заседания либо наложение денежного взыскания в порядке ст. 117 и 118 (ч. 1 ст. 258 УПК РФ), что исключает возможность злоупотребления им своими правами. Тем самым Конституционный Суд косвенно допустил возможность наложения на подсудимого денежного взыскания[8].

---

[3] Верховный суд Удмуртии признал законным наложение взыскания на адвоката за неявку на допрос в качестве свидетеля // Адвокатская газета : [сайт]. URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/verkhovnyy-sud-udmurtii-priznal-zakonnym-nalozhenie-vzyskaniya-na-advokata-za-neyavku-na-doprosv-kachestve-svidetelya/ (дата обращения: 11.11.2024).

[4] См., например: Кассационное определение Московского городского суда от 12 июля 2010 г. по делу № 22-9147; Кассационное определение Московского городского суда от 5 марта 2012 г. № 22-3049/12 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы : [сайт]. URL: http://mosgorsud.ru (дата обращения: 11.11.2024).

[5] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 9 апреля 2009 г. №14-О09-5 (Извлечение) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2010. № 1. С. 29–30.

[6] Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 10 декабря 2008 г. № 308П08 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2009. № 5; Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за первое полугодие 2010 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 1.

[7] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 21 ноября 2002 г. № 64-о02-26 // Верховный Суд Российской Федерации : [сайт]. URL: https://docs16.online-sps.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=85552&cacheid=D5CBCE42BB221265CE104BE7F152544F&mode=splus&rnd=W167SA#Ln5UgBV8FiBY1JOq (дата обращения: 11.11.2024).

[8] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 апреля 2022 г. № 882-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гусейнова Эльдара Афраиловича на нарушение его конституционных прав частями первой и второй статьи 297 Уголовного кодекса Российской Федерации, частью первой статьи 258 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также пунктами 1 и 7 части первой статьи 36, статьями 39 и 40 Федерального закона

К обвиняемому (подозреваемому), нарушившему примененную к нему меру пресечения в виде домашнего ареста, может быть применено денежное взыскание, как считает А. Р. Белкин, при невозможности применения заключения под стражу в случае, когда лицо покинуло место, определенное решением суда, по семейным обстоятельствам и не имело явного намерения скрыться или каким-либо иным образом воспрепятствовать производству по уголовному делу [4, с. 257].

Представляется, что применение иной меры уголовно-процессуального принуждения в виде денежного взыскания в отношении названных выше и иных участников уголовного судопроизводства, которые прямо не оговорены в действующем УПК РФ, является незаконным и необоснованным.

Анализ специальных норм уголовно-процессуального закона вместе с тем свидетельствует о том, что на досудебных стадиях возможно также наложение денежного взыскания в случае невыполнения их обязательств на поручителя (ч. 4 ст. 103 УПК РФ) и лиц, под присмотр которых отдан несовершеннолетний подозреваемый или обвиняемый (ч. 3 ст. 105 УПК РФ).

Таким образом, денежное взыскание как иная мера процессуального принуждения может применяться к указанным выше так называемым лицам, вовлеченным в уголовный процесс, не закрепленным формально-юридически в разделе II УПК РФ в качестве участников уголовного судопроизводства.

Б. Т. Безлепкиным была высказана дискуссионная и недостаточно обоснованная точка зрения о том, что денежное взыскание может быть наложено исключительно на названных участников уголовного судопроизводства и никого более[9]. Вместе с тем заслуживает внимания указание ученого на то, что основанием для наложения такого взыскания de jure является невыполнение своих обязательств поручителем, тогда как нарушает свои процессуальные обязательства de facto подозреваемый (обвиняемый), а поручитель несет за это ответственность[10]. Очевидно, что аналогичная ситуация характерна и для лиц, которые осуществляют присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым.

Поручителем в соответствии со ст. 103 УПК РФ могут быть одно или несколько заслуживающих доверия лиц по их письменному ходатайству с согласия лица, в отношении которого дается поручительство.

В соответствии со ст. 105 УПК РФ лицами, которые осуществляют присмотр за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым, могут быть родители, опекуны, попечители или другие заслуживающие доверия лица, а также должностные лица специализированного детского учреждения, в котором находится несовершеннолетний, о чем они дают письменное обязательство.

При анализе перечня названных субъектов возникает вопрос о целесообразности включения в него опекуна. В соответствии со ст. 32 ГК РФ опека устанавливается над малолетними, т. е. над несовершеннолетними в возрасте до четырнадцати лет, которые уголовной ответственности не подлежат, таким образом, они не могут являться подозреваемыми (обвиняемыми). В этой связи представляется необходимым внести соответствующие изменения в ч. 1 ст. 105 УПК РФ и исключить опекунов из перечня субъектов, на которых может быть наложено денежное взыскание.

«О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации : [сайт]. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-28042022-n-882-o/ (дата обращения: 11.11.2024).

[9] *Безлепкин Б. Т.* Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 16-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2023. С. 117.

[10] Там же. С. 238.

Представляется заслуживающим внимания предложение А. Р. Белкина распространить возможность применения денежного взыскания по аналогии с поручительством и на командование воинской части, осуществляющее наблюдение за подозреваемым или обвиняемым, являющимся военнослужащим или гражданином, проходящим военные сборы [4, с. 261].

Вызывает практический интерес факт наложения судом денежного взыскания на свидетеля, являвшегося старшим помощником прокурора Ямало-Ненецкого автономного округа по обеспечению собственной безопасности и физической защиты, за неисполнение им своих процессуальных обязанностей, выразившееся в неоднократных неявках к следователю для проверки его показаний на месте преступления. Суд указал, что статус прокурорского работника не освобождает его от ответственности за допущенные нарушения, потому что Закон о прокуратуре предусматривает особый порядок привлечения прокуроров только к уголовной и административной ответственности, а в данном случае речь идет о применении меры процессуального принуждения, предусмотренной главой 14 УПК РФ. В рамках уголовно-процессуальных отношений прокурорские работники не обладают привилегированным статусом и на общих основаниях несут ответственность за ненадлежащее исполнение своих обязанностей[11].

Денежное взыскание в стадиях судебного производства по уголовному делу может быть применено к лицу, участвующему в судебном заседании, при нарушении им установленного порядка, а также неподчинении распоряжениям председательствующего или сотрудника органов принудительного исполнения Российской Федерации (ч. 1 ст. 258 УПК РФ).

Первоначальная редакция указанной нормы давала основания утверждать, что денежное взыскание могло применяться исключительно к лицам, присутствующим в зале судебного заседания, а не к участникам уголовного судопроизводства, т. е. к публике, зрителям.

Федеральным законом от 29 декабря 2022 г. № 610-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»[12] в ч. 1 ст. 258 УПК РФ словосочетание «присутствующее в зале судебного заседания» заменено на «участвующее в судебном заседании». Таким образом, в настоящее время денежное взыскание за нарушение порядка в судебном заседании может быть применено исключительно к участникам уголовного судопроизводства. За аналогичные правонарушения на иных присутствующих в зале судебного заседания лиц денежное взыскание не налагается, они лишь могут быть удалены из зала судебного заседания либо отключены от видео-конференц-связи на все время судебного заседания или на его часть.

Наконец, денежному взысканию может быть подвергнут присяжный заседатель за неявку в суд без уважительной причины (ч. 3 ст. 333 УПК РФ). Закон не ограничивает количество взысканий, налагаемых на одно лицо, т. е. взыскание может налагаться за каждый случай неявки[13]. В таких случаях применение меры процессуального принуждения направлено на предотвращение необоснованного отложения судебного разбирательства в связи с неявкой присяжного заседателя и служит гарантией своевременного осуществления уголовного судо-

[11] Апелляционное постановление Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 14 сентября 2018 г. по делу № 10-32/2018. URL: https://docs16.online-sps.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=AOUR&n=3651789&cacheid=5F29C11055C9B2BD962FC5D4D8EDA129&mode=splus&rnd=W167SA#wPTWgBVEzANxrmyH1n (дата обращения: 11.11.2024).

[12] Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 1 (ч. I). Ст. 57.

[13] См., например, Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 26 августа 2004 г. № 1-011/03. URL: https://docs16.online-sps.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=6759&cacheid=2BA23B705CE18CA05398A7D0A7F18071&mode=splus&rnd=W167SA#RPRXgBV8AumPScWR (дата обращения: 11.11.2024).

производства. Проведенный анализ судебной практики свидетельствует о том, что присяжные заседатели, не явившиеся в суд без уважительной причины, нередко скрываются, а судьи не могут привлечь их к уголовно-процессуальной ответственности по причине отсутствия достаточных правовых средств и времени для розыска таких присяжных. В целях предотвращения подобных ситуаций Е. Г. Котеля предлагает привлекать присяжных заседателей за неявку в суд без уважительной причины не к уголовно-процессуальной, а к административной ответственности, что представляется недостаточно обоснованным [5, с. 7].

Заключение

По итогам рассмотрения круга субъектов, в отношении которых может быть наложено денежное взыскание по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации, следует констатировать наличие серьезных пробелов в части нормативного правового регулирования. Для их восполнения представляется необходимым, в частности, закрепить в ст. 117 УПК РФ закрытый исчерпывающий перечень участников уголовного процесса, в отношении которых возможно назначение денежного взыскания. Соответствующие дополнения следует также внести в ч. 2 ст. 111 УПК РФ: указать субъектов, к которым предусмотрено применение названной иной меры процессуального принуждения не только в главе 14, но и в других главах уголовно-процессуального закона. Кроме того, для устранения существующих проблем в правоприменительной практике целесообразно принятие постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике применения судами законодательства об иных мерах процессуального принуждения», в котором следует дать четкие и конкретные разъяснения судам, на каких субъектов уголовного судопроизводства может быть наложено денежное взыскание.

Список источников

1. Михайлова О. Е. Иные меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве России : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Владимир, 2009. 26 с.

2. Корчагина И. В. Иные меры процессуального принуждения в российском уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы юриспруденции : сб. ст. по материалам LXXXV Междунар. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 21 авг. 2024 г.). № 8 (84). Новосибирск : Сибир. академ. кн., 2024. С. 22–30.

3. Шарипова А. Р. Сравнительный анализ институтов денежного взыскания и судебного штрафа в уголовном, арбитражном, гражданском и административном процессе // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 1 (134). С. 145–153.

4. Белкин А. Р. УПК РФ: отменить нельзя поправить? : в 2 т. Т. 1 : Общая часть. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2023. 287 с.

5. Котеля Е. Г. Уголовно-процессуальный статус присяжных заседателей : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009. 26 с.

References

1. Mikhailova O. E. *Other measures of procedural coercion in criminal proceedings in Russia.* Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation.Vladimir; 2009. 26 p. (In Russ.)

2. Korchagina I. V. Other measures of procedural coercion in Russian criminal proceedings. *Current problems of jurisprudence.* Collection of articles based on the materials of the LXXXV International Scientific and Practical Conference (Novosibirsk, 21 August 2024). No. 8. Novosibirsk: Sibirskaya akademicheskaya kniga; 2024. Pp. 22–30. (In Russ.)

3. Sharipova A. R. Comparative analysis of the institutions of monetary recovery and court fines in criminal, arbitrazh, civil and administrative proceedings. *Actual Problems of Russian Law.* 2022;17(1):145-153. (In Russ.)

4. Belkin A. R. *Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: can't it be repealed or corrected?* In 2 vols. Vol. 1: General part. 2nd ed., rev. and add. Moscow: Yurajt; 2023. 287 p. (In Russ.)

5. Kotelya E. G. *Criminal procedural status of jurors.* Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Yekaterinburg; 2009. 26 p. (In Russ.)

Информация об авторе

И. В. Корчагина – мировой судья, соискатель кафедры уголовно-процессуального права имени Н. В. Радутной.

Information about the author

I. V. Korchagina – Justice of the Peace, Applicant Candidate at the Radutnaya Criminal Procedure Law Department.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 10.11.2024; одобрена после рецензирования 16.12.2024; принята к публикации 12.02.2026.

The article was submitted 10.11.2024; approved after reviewing 16.12.2024; accepted for publication 12.02.2026.

Российское правосудие. 2026. № 4. С. 111–112
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 4. P. 111–112
УДК 341.64

Конкурс «Разрешение споров в Евразийском экономическом союзе – 2025»

Ежегодный международный студенческий конкурс по международному праву «Разрешение споров в Евразийском экономическом союзе» проводится с 2017 г. кафедрой международного права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева. Конкурс посвящен анализу проблем функционирования Евразийского экономического союза (ЕАЭС), Евразийской экономической комиссии и Суда ЕАЭС, изучению материального и процессуального права ЕАЭС.

В ходе конкурса команды студентов из вузов государств – членов ЕАЭС (России, Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана), а также других стран (Индии, Молдовы, Узбекистана, Сьерра-Леоне) участвуют в моделировании судебного процесса в Суде ЕАЭС на основе конкурсного дела, формируемого организаторами. Участники разрабатывают письменную и устную аргументацию, выступают перед судьями – практикующими юристами, представителями научного сообщества и преподавателями.

Соревнования 2025 г. были организованы совместно с Центром международных и сравнительно-правовых исследований при поддержке Евразийского патентного ведомства и Российского арбитражного центра при Российском институте современного арбитража. Темами конкурсного «Дела о виртуальной реальности» 2025 г. были полномочия Комиссии по мониторингу исполнения права Союза, авторское и таможенное право в эпоху искусственного интеллекта, судебная защита физических лиц в праве ЕАЭС, влияние практики Суда ЕАЭС на процесс отправления правосудия в государствах – членах Союза.

В конкурсе приняли участие 23 команды из России, Кыргызстана, Беларуси, Казахстана, Армении, Узбекистана, Индии. В полуфинал вышли команды Белорусского государственного университета (факультет международных отношений), Международного университета «МИТСО» (Республика Беларусь), Санкт-Петербургского государственного университета, Российского университета дружбы народов имени П. Лумумбы (г. Москва), Высшей школы экономики (г. Москва), Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (г. Екатеринбург).

Финал[1] предваряли презентация учебника «Право Евразийского экономического союза» (под ред. Т. Н. Нешатаевой) и конференция «Опасности расширения компетенции Суда Евразийского экономического союза». С приветственным словом выступили Т. Н. Нешатаева (зав. кафедрой международного права РГУП им. В. М. Лебедева, д.ю.н., профессор, судья Суда ЕАЭС, зам. председателя Суда ЕврАзЭС, судья Верховного Суда Российской Федерации в отставке, заслуженный юрист Российской Федерации, научный руководитель конкурса), С. С. Саренкова (директор направления «Международное публичное право» Центра международных и сравнительно-правовых исследований). Успешной работы участникам пожелали П. П. Мысливский (администратор конкурса, советник судьи Суда ЕАЭС, к.ю.н.), А. А. Дронов (Председатель Суда Евразийского экономического союза) (видеообращение).

[1] Видеозапись конференции и финала см.: https://iclrc.ru/ru/events/100.

© Мысливский П. П., 2026

На конференции выступили Ж. И. Седова (д.ю.н., профессор кафедры международного права РГУП им. В. М. Лебедева) с докладом «Сверхимперативные принципы и нормы, их соотношение с принципом добросовестности»), А. В. Петренко (доктор права, старший исследователь по международному публичному праву Центра международных и сравнительно-правовых исследований) с докладом «Значение международного права и системной интеграции для развития права ЕАЭС в свете дела “О самолетах”». И. А. Юрлов (советник отдела мониторинга и судебно-правовой работы Правового департамента Евразийской экономической комиссии, преподаватель кафедры гражданского и административного судопроизводства РГУП им. В. М. Лебедева) представил доклад «Мониторинг в ЕАЭС: от теории к практике». Интерес вызвали доклады А. Н. Мазка (прокурор первого отдела по сопровождению споров в международных арбитражах управления по сопровождению международных споров Главного управления международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры Российской Федерации) на тему «К вопросу о компетенции Суда ЕАЭС по рассмотрению заявлений физических лиц» и М. В. Тарасова (победитель и лучший спикер конкурса «Разрешение споров в ЕАЭС – 2018» в составе команды УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, к.ю.н., LLM, юрист практики разрешения споров АБ «Дякин, Горцунян и Партнеры») «Инвестиционный арбитраж с участием инвесторов и государств с пространства ЕАЭС».

В финальный раунд вышли команды Высшей школы экономики (г. Москва) и УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева (г. Екатеринбург). Судьями выступили А. Б. Кишкембаев (заместитель Председателя Суда Евразийского экономического союза, профессор Высшей школы права Казахского гуманитарного юридического университета (КазГЮУ) имени М. С. Нарикбаева, д.ю.н.) (председательствующий), Н. В. Павлова (судья Суда Евразийского экономического союза от Российской Федерации, судья Верховного Суда Российской Федерации в отставке, к.ю.н., доцент), Ю. Г. Богатина (и.о. Председателя Десятого арбитражного апелляционного суда, к.ю.н., доцент).

По итогам совещания судей финального раунда победителем конкурса провозглашена команда Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева. Вице-чемпионом стала команда ВШЭ (г. Москва). Третье место разделили команды РУДН имени Патриса Лумумбы (г. Москва) и СПбГУ.

В номинации «Лучшая письменная работа» места распределились следующим образом: 1 место – ВШЭ (г. Москва); 2 место – Международный университет «МИТСО» (Беларусь); 3 место – ВШЭ (г. Санкт-Петербург), Белорусский государственный университет (юридический факультет), Санкт-Петербургский государственный университет.

Награда «Лучший спикер финальной игры» вручена В. Балакаеву (команда УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева).

Награды «Лучший спикер Конкурса» получили студенты ВШЭ: 1 место – Д. Боржович (г. Москва); 2 место – А. Подшивалов (г. Москва); 3 место – В. Лекомцева (г. Санкт-Петербург).

Наградой «Прорыв года» отмечен Ташкентский государственный юридический университет (Республика Узбекистан).

Победителем в номинации «За стремление к победе» стала Белорусская государственная орденов Октябрьской Революции и Трудового Красного Знамени сельскохозяйственная академия (Республика Беларусь).

В 2026 году конкурс также запланировано провести: в июле 2026 г. начнется регистрация команд и будет анонсировано конкурсное дело.

П. П. Мысливский – советник судьи Суда Евразийского экономического союза, к.ю.н.